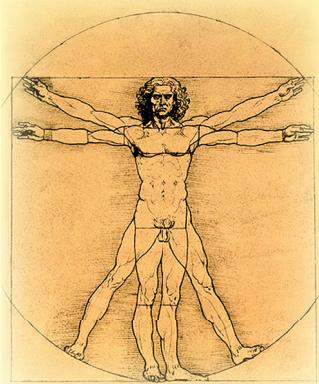

ISSN 2076-4359

№ VIII (72)
2023

Учёные записки

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

Науки о человеке, обществе и культуре

16+

Рукописи проходят обязательное рецензирование.
Редакция не возвращает рукописи авторам.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых периодических изданий ВАК РФ

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России. Свидетельство ПИ № ФС7738212 от 30.11.2009.

ISSN 2076-4359 = Ученые записки Komsomolskogo-na-Amure gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta

Уважаемые авторы, пожалуйста, присылайте свои материалы на адрес электронной почты:
journal@knastu.ru

Правила оформления материалов размещены на странице журнала «Учёные записки КнАГТУ», находящейся на сайте <http://www.knastu.ru>

Материалы, оформленные с нарушением данных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес учредителя и издателя:
681013, г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27
Телефон для справок:
+7 (4217) 24-13-48

Адрес редакции: 681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
ул. Комсомольская, д. 50, ауд.508
Телефон для справок:
+7 (4217) 24-13-48
Индекс журнала
в каталоге Роспечать: 66090.
Цена свободная.
© Все права на опубликованные материалы принадлежат учредителю журнала – ФГБОУ ВО «КнАГУ», при их цитировании ссылка на журнал обязательна.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»

Журнал основан в 2010 году

Редакционная коллегия:

Главный редактор журнала:	Алексей Иванович Евстигнеев, доктор технических наук, профессор. E-mail: diss@knastu.ru
Заместитель главного редактора журнала:	Александр Витальевич Космынин, доктор технических наук, профессор. E-mail: avkosm@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о природе и технике»:	Сергей Николаевич Иванов, доктор технических наук, доцент. E-mail: snivanov57@mail.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о человеке, обществе и культуре»:	Галина Алексеевна Шушарина, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Литературный редактор:	Александр Альфредович Шунейко, доктор филологических наук, доцент. E-mail: a-shuneyko@yandex.ru
Технический редактор:	Татьяна Николаевна Карпова E-mail: karpovat@list.ru
Перевод на английский язык:	Галина Алексеевна Шушарина, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Дизайн и верстка:	Оксана Вадимовна Приходченко, кандидат технических наук. E-mail: cik@knastu.ru
Менеджер информационных ресурсов:	Иван Константинович Андрианов, кандидат технических наук. E-mail: ivan_andrianov_90@mail.ru

Серия: «Науки о природе и технике»

Ответственный секретарь серии «Науки о природе и технике»	Сергей Николаевич Иванов, доктор технических наук, доцент. E-mail: snivanov57@mail.ru

Отделы:

1. Авиационная и ракетно-космическая техника (2.5.13 - Проектирование, конструкция и производство летательных аппаратов)	Сергей Иванович Феоктистов, доктор технических наук, профессор. E-mail: ssf@knastu.ru
2. Энергетика (2.4.2 - Электротехнические комплексы и системы)	Константин Константинович Ким, доктор технических наук, профессор. E-mail: kimkk@inbox.ru Александр Владимирович Сериков, доктор технических наук, профессор. E-mail: em@knastu.ru Сергей Николаевич Иванов, доктор технических наук, доцент. E-mail: snivanov57@mail.ru
3. Управление (2.3.3 - Автоматизация и управление технологическими процессами и производствами)	Вячеслав Алексеевич Соловьев, доктор технических наук, профессор. E-mail: keraru@knastu.ru Андрей Юрьевич Торгашов, доктор технических наук, доцент. E-mail: torgashov@iacp.dvo.ru
4. Вычислительная техника и информатика (1.2.2 - Математическое моделирование, численные методы комплексов программ)	Константин Сергеевич Бормотин, доктор физико-математических наук, доцент. E-mail: as@knastu.ru Анатолий Александрович Буренин, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН. E-mail: burenin@iacp.dvo.ru
5. Машиностроение (2.5.5 - Технология и оборудование механической и физико-технической обработки)	Борис Яковлевич Мокрицкий, доктор технических наук, доцент. E-mail: boris@knastu.ru Владимир Сергеевич Щетинин, доктор технических наук, доцент. E-mail: schetinin@mail.ru
6. Металлургия и металловедение (2.6.3 - Литейное производство)	Эдуард Анатольевич Дмитриев, доктор технических наук, доцент. E-mail: rector@knastu.ru Олег Викторович Башков, доктор технических наук, доцент, E-mail: bashkov_ov@mail.ru
7. Математика и механика (01.01.00; 01.02.00)	Анатолий Александрович Буренин, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН. E-mail: burenin@iacp.dvo.ru
8. Флот и кораблестроение (05.08.00; 05.22.00)	Николай Алексеевич Тарануха, доктор технических наук, профессор. E-mail: taranukha@knastu.ru
9. Науки о земле и безопасности жизнедеятельности человека (05.26.00; 25.00.00)	Ольга Григорьевна Шакирова, доктор химических наук, доцент, E-mail: hiht@knastu.ru
10. Строительство и архитектура (05.23.00)	Николай Петрович Крадин, доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСЧ. E-mail: n_kradin@mail.ru

Серия: «Науки о человеке, обществе и культуре»

Ответственный секретарь серии «Науки о человеке, обществе и культуре»	Галина Алексеевна Шушарина, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru

Отделы:

1. Философия, социология и культурология (5.4.6; 5.7.8; 5.10.1)	Яна Станиславовна Крыжановская, доктор культурологии, доцент. E-mail: kriganowskaia.yana2012@yandex.ru Евгения Валерьевна Савелова, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент. Виктория Юрьевна Прокофьева, доктор филологических наук, профессор. Илья Игоревич Докучаев, доктор философских наук, профессор.
2. Филология и искусствознание (5.9.5; 5.9.8)	Олег Александрович Бузев, доктор филологических наук, профессор. E-mail: buz07@list.ru
3. Психология и педагогика (5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)	Татьяна Евгеньевна Наливайко, доктор педагогических наук, профессор. E-mail: tenal@knastu.ru
4. История (5.6.1; 5.6.2)	Жанна Валерьевна Петрунина, доктор исторических наук, доцент. E-mail: petrunina71@bk.ru, history@knastu.ru
5. Экономика (5.2.1; 5.2.3; 5.2.6)	Геннадий Иванович Усанов, доктор экономических наук, профессор. E-mail: Usanov_G@mail.ru

Периодичность: два раза в квартал (один номер каждой серии в квартал)

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
«УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

СЕРИЯ: «НАУКИ О ПРИРОДЕ И ТЕХНИКЕ»

АВИАЦИОННАЯ И РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ШПОРТ, доктор технических наук

ЦҮЙ СЮЙ, профессор Шенъянского аэрокосмического университета (КНР)

ЭНЕРГЕТИКА

АЛЕКСАНДР ЛООС, доктор философии, профессор Академии Грюндига в Нюрнберге (Германия)

ИШТВАН ВАЙДА, доктор технических наук, профессор, директор Института автоматики Будапештского университета технологии и экономики (Венгрия)

ШАНДОР ХАЛАС, доктор технических наук, профессор Будапештского университета технологии и экономики (Венгрия)

УПРАВЛЕНИЕ, ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА И ИНФОРМАТИКА

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛЬЧИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, директор Института автоматики и процессов управления ДВО РАН

ТАКАО ИТО, доктор технических наук, профессор факультета бизнес-управления Университета Миякизи (Япония)

МАТЕМАТИКА И МЕХАНИКА

НИКИТА ФЁДОРОВИЧ МОРОЗОВ, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теории упругости Санкт-Петербургского государственного университета

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕВИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий отделом математического моделирования, механики и мониторинга природных процессов Института автоматики и процессов управления ДВО РАН

БОРИС ДМИТРИЕВИЧ АННИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий отделом механики деформируемого твёрдого тела Института гидродинамики им. М. А. Лаврентьева СО РАН

МАШИНОСТРОЕНИЕ

ЭДУАРД СТЕПАНОВИЧ ГОРКУНОВ, академик РАН, доктор технических наук, профессор, директор Института машиноведения УрО РАН

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ХОЛЬКИН, академик РАН, доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник Института общей и неорганической химии им. Н. С. Курнакова

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ, доктор технических наук, профессор, ректор Московского государственного технологического университета «Станкин»

МЕТАЛЛУРГИЯ И МЕТАЛЛОВЕДЕНИЕ

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАБЛОВ, академик РАН, доктор технических наук, профессор, директор Всероссийского института авиационных материалов

КОНСТАНТИН ВСЕВОЛОДОВИЧ ГРИГОРОВИЧ, член-корреспондент РАН, доктор технических наук, профессор, заведующий лабораторией диагностики материалов Института metallurgии и материаловедения им. А. А. Байкова РАН

ФЛОТ И КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ

ЛЕОНID АНАТОЛЬЕВИЧ НАУМОВ, член-корреспондент РАН, доктор технических наук, профессор, директор Института проблем морских технологий ДВО РАН

НАУКИ О ЗЕМЛЕ И БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНEDЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ КИСЕЛЕВ, академик РАСХН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Дальневосточного ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательского института сельского хозяйства РАСХН

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

ШИ ТИЕМАО, доктор философии, профессор, проректор Шенъянского архитектурно-строительного университета (КНР)

СЕРИЯ: «НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ»

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ДАВИД ИЗРАИЛЕВИЧ ДУБРОВСКИЙ, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ СЕРДЮКОВ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ

СВЕТЛANA ГРИГОРЬЕВНА ТЕР-МИНАСОВА, доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета

ВАН ЦЗИНЬЛИН, доктор философии, профессор, директор Института международного образования Чанчуньского университета (КНР)

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

ЕКАТЕРИНА ИОСИФОВНА АРТАМОНОВА, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики высшей школы Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина

ИСТОРИЯ

АЛЕКСАНДР МАNUЭЛЬЕВИЧ РОДРИГЕС-ФЕРНАНДЕС, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина

ЭКОНОМИКА

АЛЕКСАНДР ЕВСТРАТЬЕВИЧ ЗУБАРЕВ, доктор экономических наук, профессор, первый проректор по стратегическому развитию и международному сотрудничеству Тихоокеанского государственного университета

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND CULTURAL STUDIES

Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.
A. Y. Zavalishin, N. Y. Kosturina

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

EASTERN VECTOR OF CULTURAL GLOBALIZATION

Завалишин Андрей Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и регионаоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: native59@rambler.ru.

Andrey Yu. Zavalishin – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor, History and Regional Studies Department, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications (Russia, Saint Petersburg). E-mail: native59@rambler.ru.

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры медиакоммуникаций и рекламы Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: kosturina@mail.ru.

Nadezda Yu. Kostyurina – Doctor of Culture Studies, Associate Professor, Professor, of Media Communications and Advertising Department, The Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (Russia, Saint Petersburg). E-mail: kosturina@mail.ru.

Аннотация. В статье раскрываются содержание и соотношение понятий «ориентализация», «истернизация», «вестернизация». Уточняется значение терминов «культурная глобализация» и «глобализация культуры» в соответствии с теорией глокализации Р. Робертсона. Даётся оценка характера влияния культуры «Востока» на культуру «Запада» и глобальные культурные процессы в XX – начале XXI века. Сделан вывод о принципиальной неопределённости результатов культурного взаимодействия «Запада», «Востока» и «Юга» в обозримом будущем.

Summary. The article reveals the content and relationship of the concepts «orientalization», «westernization», «easternization». The meaning of the terms «cultural globalization» and «globalization of culture» is clarified in accordance with the theory of glocalization by R. Robertson. There are given the characteristics of the influence the culture of the «East» on the culture of the «West» and global cultural processes in the 20th – early 21st centuries. The conclusion is made about the fundamental uncertainty of the results of cultural interaction between the «West», «East» and «South» in the foreseeable future.

Ключевые слова: культура, глобализация, ориентализация, истернизация, вестернизация, глобальный Восток, глобальный Запад, глобальный Юг, адаптация, диалог культур.

Key words: culture, globalization, orientalization, easternization, westernization, global «East», global «West», global «South», adaptation, dialogue of cultures.

УДК 008;130.2;316.7

Дао рождает единицу.
Из одного рождается два,
Из двух рождается три.
Три – колыбель тысячи тысяч.
Из тысячи тысяч в каждом борются инь и ян,
пульсирует ци.
Так возникает равновесие...
Лао Цзы «Дао Дэ-цзин». 42 цзюань

Очередное охлаждение отношений России с Западом и провозглашённый российской властью «поворот на Восток» [18] делают актуальными вопросы о том, что скрывается за понятием «Восток», какую роль он играет (или может играть) в глобальном процессе и какое место в этом

процессе занимает Россия. Вопросы тем более актуальные, что такие понятия, как «Восток» (в геополитическом и геокультурном отношении) и «глобализация» (в том числе культурная), в разных исследовательских парадигмах трактуются очень по-разному. Последнее со всей очевидностью требует уточнения смысла базовых терминов этой статьи.

Прежде всего, необходимо отметить, что «Восток» в данном контексте – понятие не географическое, а геополитическое, о чём говорят многие исследователи, как российские [7], так и зарубежные [23]. Если изначально (со времён Античности) под Востоком подразумевались Передняя Азия и Северная Африка, по мере Великих географических открытий к ним добавились Индия и весь Дальний Восток, то в настоящее время, по справедливому замечанию Джейн Сушил, это всё то, что можно охарактеризовать как «не-Запад» [22, 2]. А «Запад» – это Западная Европа, США, Канада, Австралия и (оп!) Япония, Южная Корея, Тайвань, с некоторыми оговорками – Гонконг, т. е. те страны и регионы, которые являются «ядерными» по терминологии И. Валлерстайна [5]. Как здесь не сделать перифраз известного высказывания И. В. Сталина: «Пойдёшь налево – придёшь направо» [15, 191] – «Пойдёшь на Восток – придёшь на Запад».

Современный научный дискурс по «восточной» проблематике довольно чётко разделяется на два базовых направления: ориенталистское (от лат. *oriens* – восток) и истернистское (от англ. *east* – восток). Первое возникло ещё во времена Античности, но стало наполняться научным содержанием с конца XVII – начала XVIII столетия, второе появилось как реакция на глобализацию лишь в последнем десятилетии XX века. Поэтому неслучайно, что термин «истернизация» всё ещё многим «режет слух» и кажется «искусственным», хотя он совершенно однозначно коррелирует со своим антагонистом «вестернизацией», давно и прочно закрепившимся в научно-политическом лексиконе. Одним из следствий относительной новизны второго понятия стало и то, что некоторые авторы, рассуждая о процессах истернизации, используют термины «ориентализация», «ориентализм», внося этим ещё большую путаницу в их содержание.

В данном случае мы исходим из того, что понятия «ориентализм», «ориенталистика» и «ориентализация» относятся к сферам искусствоведения, языкоznания (включая литературоведение) и истории, т. е. к тому, что в России называют востоковедением, а понятие «истернизация» характеризует процесс глобальной, преимущественно социокультурной «интервенции» «Востока» на «Запад», начавшейся не ранее середины XX века и являющейся объектом исследования социологии, политологии и культурологии (последняя в данном случае становится дисциплинарным «мостиком» между исследованиями в области ориентализации и истернизации).

Невозможно отрицать, что Восток и Запад были связаны между собой с глубокой древности. Явление ориентализации и порождённый им ориентализирующий (протокоринфский) стиль обнаруживаются в искусстве Древней Греции уже в VII в. до н. э. [4]. В эпоху Средневековья, во многом благодаря крестовым походам, в Западную Европу проникают не только предметы искусства и быта народов, преимущественно Передней Азии и Северной Африки, но и некоторые их традиции, обычаи, элементы мировоззрения [6]. В XIX – начале XX века в Европе возникает мода на «Восток», которая проявилась как в материальной сфере, так и в духовной. В обиход европейской публики входят персидские ковры, китайский фарфор, индийская посуда и т. п., популярность приобретают переводная восточная литература и трансцендентальные религиозные практики (дзен-буддизм, даосизм, йога и т. п.), которым приписывается роль «мистического ядра всех религий» [21]. Однако степень и глубину проникновения «Востока» в культуру, менталитет, идентичность западного обывателя вплоть до конца XX века вряд ли можно считать настолько существенными, чтобы придавать им такую же политico-идеологическую значимость, какую придают вестернизации восточных обществ.

Трактовка термина «ориентализация» (*orientalizing/orientalization*) в Оксфордском словаре представлена несколько под другим углом зрения – как «процесс активной трансформации элементов восточной культуры людьми в не-восточных местах (non-eastern locations)» [24]. В той же статье подчёркивается, что есть три методологические и этические проблемы его использования: «навязывание» (*imposition*) западного взгляда на «Восток» (имплицитно утверждающее идею западного превосходства над «Востоком», на что справедливо указывает американский учёный

арабского происхождения Эдвард Вади Сайд [14]), объединение под общим понятием «Восток» очень разных стран и народов, а также тема агентности (agency), под которой в данном случае понимают способность и свободу к действию, что, по мнению апологетов «Запада», является одним из принципиальных отличий западного общества от восточного. Но в любом случае данное понятие в трактовке Оксфордского словаря апплицируется почти исключительно на культурную ситуацию в Древней Греции VIII – VII веков до н. э. [24].

В отечественной историографии последних десятилетий термин «ориентализм» и «ориентализация» также используется преимущественно в историческом контексте применительно к Руси/Российской империи, будь то влияние Монгольской империи в XIII – XV веках [11; 17] или Османской – в XIV – XIX веках [1; 13]. При этом в русскоязычной версии исторической науки (по аналогии с англоязычной), возможно, также следовало бы разнести и терминологически обозначить два сходных, но не совпадающих между собой явления/процесса: «ориентализацию» как orientalizing и «ориентализацию» как orientalization, понимая под первой «востокизацию» в смысле принудительного процесса навязывания восточной культуры невосточным обществам (например, в ходе военных завоеваний и/или принудительной ассимиляции), под второй – «восточивание» в виде естественного процесса взаимовлияния культур в ходе межкультурного/межцивилизационного диалога.

Как раз последнее в наибольшей степени приближается к понятию «истернизация», но только применительно к процессу взаимодействия западных и восточных культур начиная со второй половины XX века. Американский учёный индийского происхождения Сушил Джейн, возможно, первым предложивший использовать этот термин ещё в 1988 г., трактовал его как «влияние или присутствие Востока в вопросах народонаселения, иммиграции, экономики, религии, философии и т. д. на Западе» [22, 3]. В труде с символическим названием «Истернизация западного мира. Очерк обратной колонизации» изначально он связывал её с распадом Британской империи и последствиями Второй мировой войны, когда «в результате огромных потерь рабочей силы из-за военных действий многие колониальные державы, стремящиеся оживить свою экономику, “пригласили” некоторых из своих бывших подданных работать на заводах» [22, 5]. Поток мигрантов из бывших колоний в бывшие метрополии увеличивался с каждым годом, пока в 1960-е не превратился в настоящее наводнение (flood). Мнение о том, что все эти люди прибыли лишь на время, чтобы помочь Европе быстрее восстановиться после окончания войны, оказалось ошибочным. Мигранты справедливо посчитали бывшие метрополии своей второй родиной и ехали навсегда, вскоре став значимой частью западных обществ. Последнее явление как раз и породило тот феномен, который Сушил Джейн назвал истернизацией [22, 5].

Ещё один американский учёный индийского происхождения Джагдиш Н. Шетх в работе, опубликованной в 2021 г., назвал четыре фактора истернизации западного мира:

1. Быстрое старение населения и богатство западных культур и экономик (стареющее население западных стран заботится о поиске смысла жизни, и им в этом помогают восточная философия, медитация и йога; забота о здоровье, беспокойство по поводу долгосрочных побочных эффектов западных лекарственных технологий приводят к повышению интереса к восточной медицине и восточной медицинской практике).

2. Экологическая устойчивость (пришедшая с Востока идея ненасилия по отношению ко всем живым организмам, включая животных, птиц и обитателей моря привела к росту вегетарианства и веганства, а также осознанному самоограничению в потреблении и повторном использовании товаров длительного пользования).

3. Социальные сети, которые становятся мультикультурными и всё сильнее влияют на межкультурное взаимодействие людей (глобальные социальные сети оказывают значительное влияние на развитие западного искусства, формируют кулинарные предпочтения человека западной культуры и т. д.).

4. Возрождение национальных традиций на развивающихся рынках Китая и Индии, которое побуждает многих учёных, проводящих исследования в области менеджмента и гуманитарных наук, возвращаться к своим корням и стремиться вернуть мудрость прошлого в современный мир

(публикуются труды о том, чему современный менеджмент может поучиться у эпической индийской мифологии: какие этические и моральные дилеммы возникают у тех, кто находится у власти; заново открываются и контекстуализируются идеи великих восточных мыслителей (Конфуций), учения о сострадании Дао, бережливости и смиренении и т. д.) [27, 657-658].

Интерес российских учёных к проблеме истернизации возник в 2010-е годы и неуклонно увеличивался в течение всех последних лет [3; 8; 10; 25].

Процесс культурной «интервенции» Востока в западное общество продолжал усиливаться в течение всех лет XXI века и имел амбивалентные последствия. Однако для того чтобы дать этому явлению максимально объективную оценку, необходимо внести ясность в понятие «культурная глобализация». Вопреки многочисленным утверждениям учёных и ещё более политиков о возможном завершении процесса глобализации и даже начале деглобализации в 2020-е годы [12], сложно отрицать тот факт, что в сфере культуры глобализация продолжается и никакие пандемии, экономические кризисы и вооружённые конфликты её не смогли приостановить. Также следует, на наш взгляд, различать понятия «культурная глобализация» и «глобализация культуры», которые отнюдь не являются синонимами и, в соответствии с теорией глокализации Р. Робертсона [26], могут эксплицироваться как двуединый процесс локализации глобального (культурная глобализация) и глобализации локального (глобализация культуры). Пример второго – возникновение наднациональных или транснациональных структур, организаций, деятельность которых направлена на регулирование культурных процессов в масштабах всего мира или глобальных макрорегионов (ЮНЕСКО, Всемирный культурный совет, Международная организация тюркской культуры и др.). Примером первого как раз является распространение и проникновение в культуры не-восточных народов культурных практик глобального «Востока».

Очевидно, что такое «проникновение» не может иметь непосредственный характер, поскольку любой элемент культуры-донора, прежде чем стать органичным элементом культуры-реципиента, претерпевает изменения, адаптируясь под изначально чуждую культурную систему. В наибольшей степени это касается нематериальной сферы (ценностей, норм, обычая, мировоззрения и т. д.), но отчасти и материальной (например, адаптация блюд национальной кухни). Процесс подобных заимствований происходит постоянно, но только лишь в последние десятилетия произошёл буквально взрыв интереса к этой области. Причины достаточно очевидны: во-первых, возникновение глобального информационного пространства, элиминировавшего какие-либо преграды для повсеместного распространения иных культур и знакомства с ними; во-вторых, резкое увеличение масштабов миграций, как добровольных, так и вынужденных, вследствие чего некогда однородные в культурном отношении сообщества стали мультикультурными.

Показательно, что первоначально в сферу научного (и ещё более – политического) дискурса попала проблема вестернизации, в чём многие увидели угрозу утраты восточными обществами их национальных идентичностей и глобальной «унификации» культуры. Об угрозе истернизации заговорили гораздо позднее, и до сих пор эта тема остаётся в сфере интересов сравнительно небольшого числа исследователей (многие из которых – западные учёные восточного происхождения [14; 22; 27; 28]). Такая асимметрия не выглядит случайной, в ней имплицитно проявилось недавнее наследие идеологии европоцентризма, публичное выражение которой считается неполиткорректным, но всё ещё время от времени проскальзывает в оценках и выводах европейских и американских авторов. Неслучайно тема вестернизации/истернизации, так же как ориентализм в целом, первоначально возникла именно в западной науке, одним из базовых положений которой остаётся убеждённость в изначальном превосходстве «Запада» над «Востоком», из чего закономерно следует, что угроза вестернизации для «Востока» является более реальной, чем истернизации для «Запада». И западные интеллектуалы выражают «заботливость» по этому поводу.

Причина интереса к теме взаимопроникновения культур учёных и широкой общественности, политиков разных стран кроется в первую очередь в политической плоскости. Как вестер-, так и истернизация приводят к изменению социокультурных идентичностей народов и стран. А это уже прямая угроза легитимности политических режимов: вестернизация несёт угрозу авторитар-

ным режимам «Востока», истернизация – демократическим режимам «Запада», и именно поэтому попадает в политическую повестку и тех, и других.

Культурная ситуация в России, находящаяся между «Западом» и «Востоком» как в географическом, geopolитическом, так и геокультурном отношении, на протяжении столетий определялась заимствованиями культурных форм с обеих сторон путём их адаптации/трансформации локальным славянским (российским) сообществом. В результате примерно ко второй половине XIX века сложилась национальная культура народов России, которая с точки зрения западного общества (Западная Европа, США) является «восточной», с точки зрения восточного (Средняя Азия, Китай) – «западной». Само по себе это стало основанием для возникновения и непримириимого идеологического противостояния западников, славянофилов и евразийцев, с одной стороны, и перманентных перемен во внешней политике Российской империи/СССР/Российской Федерации между «Западом» и «анти-Западом», с другой [2].

В первой четверти XXI века проблема вестернизации «Востока» и истернизации «Запада» осложнилась возникновением ещё одного вектора культурной глобализации, на что обратил внимание П. П. Яковлев [20] – это глобальный «Юг» (Африка южнее Сахары и Америка южнее США), для концептуализации которого по аналогии можно предложить рабочий термин – «соусизация» (от англ. south – юг) или меридиезация (от лат. meridiem – юг). И если в середине XX века в США для оценки культурной ситуации в стране использовали аллегорию с плавильным котлом (melting pot) [19], несколько позже возникла альтернативная концепция «салатницы» (salad bowl) [9], то ситуация конца первой четверти XXI века рождает ассоциацию с казаном, в котором кипит варево глобальной культуры, включающей три мало совместимых ингредиента – «Запад», «Восток» и «Юг». Что из этого получится, вряд ли кто-то сегодня рискнёт предположить, остаётся только надеяться на вековую мудрость Лао Цзы, который утверждает, что «три – колыбель тысячи тысяч. / Из тысячи тысяч в каждом борются инь и ян, / пульсирует ци. / Так возникает равновесие...»

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, П. В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: от А. С. Пушкина к Ф. М. Достоевскому / П. В. Алексеев. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. – 347 с.
2. Багаева, К. А. Западничество и славянофильство: двести лет спустя / К. А. Багаева, Н. А. Жапова // Евразийство и мир. – 2020. – № 1. – С. 16-21.
3. Беляева, О. Л. Истернизация молодёжной культуры в Санкт-Петербурге: влияние Корейской волны / О. Л. Беляева. – СПб.: Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения, 2015. – 112 с.
4. Блаватский, В. Д. История античной расписной керамики / В. Д. Блаватский. – М.: Изд-во МГУ, 1953. – 304 с.
5. Валлерстайн, И. Миро-системный анализ / И. Валлерстайн // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, geopolитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н. С. Розова. – Новосибирск, 1998. – Вып. 1. – С. 105-123.
6. Возчиков, Д. В. Образ Востока в средневековой европейской культуре: учеб. пособие / Д. В. Возчиков; под ред. В. А. Кузьмина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 267 с.
7. Ганиев, Т. А. Большой Ближний Восток: geopolитическая регионалистика конфликтогенного центра мировой цивилизации / Т. А. Ганиев, В. В. Калякин // Электронный научный журнал «Архонт». – 2018. – № 4 (7). – С. 15-28.
8. Дорожкин, А. С. Истернизация культуры и истернизация субкультур как тренды глобализации: теоретико-методологический аспект в контексте молодёжных социокультурных практик / А. С. Дорожкин // Современная молодёжь и общество: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ, 2023. – Вып. 11. – С. 61-65.
9. Зайка, К. Модели национальной интеграции в условиях возрастающих иммиграционных потоков / К. Зайка // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 59-70.
10. Ильин, В. И. Истернизация русской повседневности: история и современность / В. И. Ильин // Мир России. – 2019. – Т. 28. – № 2. – С. 25-41.
11. Лушников, О. В. Влияние эпохи Великой Монгольской империи на российское правосознание и государственное управление / О. В. Лушников // Гуманитарные исследования. История и филология. – 2021. – № 3. – С. 25-35.

12. Миронов, В. Острова инноваций: почему России стоит готовиться к деглобализации / В. Миронов // Сетевое издание forbes.ru. – URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/483913-ostrova-innovacij-rosemu-rossii-stoit-gotovit-sa-k-deglobalizacii> (дата обращения: 19.11.2023). – Текст: электронный.
13. Подвальнов, Е. Д. К вопросу о начальном периоде ориентализации военного дела Северо-Восточной Руси / Е. Д. Подвальнов // NOVOGARDIA. – 2019. – № 1. – С. 105-118.
14. Сайд, Э. В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Э. В. Сайд. – СПб.: Русский міръ, 2006. – 636 с.
15. Сталин, И. В. Об англо-русском комитете единства: Речь на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 15 июля 1926 г. / И. В. Сталин // Сочинения. – Т. 8. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. – С. 176-191.
16. Схиммельпэннинк ван дер Ойе, Д. Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе; пер. с англ. П. С. Бавина. – М.: РОССПЭН, 2019. – 285 с.
17. Токарев, С. А. Ориентализация русского вооружения в XIII-XVII вв. / С. А. Токарев // Электронный научный архив УрФУ. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/91113/1/vpn_1995_011.pdf (дата обращения: 12.11.2023). – Текст: электронный.
18. Торкунов, А. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски / А. Торкунов, Д. Стрельцов // Российский совет по международным делам. 2023, 10 апреля. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiyskaya-politika-povorota-na-vostok-problemy-i-riski/> (дата обращения: 29.11.2023). – Текст: электронный.
19. Чертина, З. С. Плавильный котел. Парадигмы этнического развития США / З. С. Чертина. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000. – 163 с.
20. Яковлев, П. П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы / П. П. Яковлев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 6-27.
21. Easternization (Religious Movement) // What-when-how: In Depth Tutorials and Information. – URL: <http://what-when-how.com/religious-movements/easternization-religious-movement/> (дата обращения: 29.10.2023). – Текст: электронный.
22. Jain S. Easternization of the West: An Essay in Reverse Colonization (September 1, 1988) / S. Jain // SSRN. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1851868> (дата обращения: 04.11.2023). – Текст: электронный.
23. Müller M. In Search of the Global East: Thinking between North and South / M. Müller // GEOPOLITICS. 2018. Routledge: Taylor & Francis Group. – URL: https://serval.unil.ch/resource/serval:BIB_C9D7F364C79B.P001/REF.pdf (дата обращения: 14.11.2023). – Текст: электронный.
24. Oxford Classical Dictionary, сайт. – URL: <https://oxfordre.com/classics/display/10.1093/acrefore/9780199381135.001.0001/acrefore-9780199381135-e-4599> (дата обращения: 22.11.2023). – Текст: электронный.
25. Pokrovskia N. N. Easternization and Import Substitution Strategies Consequences for the Global Economy / N. N. Pokrovskia, K. S. Lekhmu, K. V. Nikolaeva, A. A. Vinyukov // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2022. – Т. 13. – Вып. 3 (55). – С. 119-128.
26. Robertson R. Globalisation or Glocalisation? / R. Robertson // The Journal of International Communication. 1994. N 1. Vol. 1. P. 33-52.
27. Sheth J. N. Commentary – Easternization of the world / J. N. Sheth // International Marketing Review. 2021. Vol. 38. N 4. P. 657-659.
28. Venugopal S. N. Easternization: Encroachments in the West / S. N. Venugopal, Lim Kim Hui // Springer Link. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137009289_4 (дата обращения: 16.11.2023). – Текст: электронный.

Ишутина Ю. А.

Y. A. Ishutina

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПЦИИ «КИТАЙСКАЯ МЕЧТА»

ON THE QUESTION OF THE EVOLUTION OF THE «CHINESE DREAM» CONCEPT

Ишутина Юлия Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры китаеведения Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8. E-mail: ishutina.yua@dvgfu.ru.

Yuliya A. Ishutina – PhD in Culturology, Associate Professor, Chinese Department, The Oriental Institute – School of Regional and International Researches, Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); 8, Sukhanova Str., Vladivostok. E-mail: ishutina.yua@dvgfu.ru.

Аннотация. Статья посвящена культурологическому аспекту эволюции концепции «Китайская мечта». Гипотеза исследования заключается в том, что в процессе реализации масштабных планов правительства КНР по осуществлению «Китайской мечты» концепты «Новый демократизм», «Стремительное развитие», «Новый Китай» пополняются дистопическими смыслами. «Идеальные» представления о достижении политического и экономического могущества Китая, установлении национальной независимости и социальной гармонии, создании «общества средней зажиточности», появившиеся в разные периоды формирования исследуемой национальной идеи, претерпевают изменения на уровне китайской повседневности, поскольку объективная реальность вносит свои корректизы. Для дальнейшей эволюции концепции необходима рефлексия интеллектуалов китайской национальной группы. Этому способствуют писатели КНР, которые создают научно-фантастические нарративы, включающие переосмысление базовых концептов «Китайской мечты».

Summary. The article is devoted to the cultural aspect of the evolution of the «Chinese Dream» concept. The hypothesis of the study is that in the process of implementing the large-scale plans of the Government of the People's Republic of China to realize the «Chinese Dream», the concepts of «New Democracy», «Rapid Development», and «New China» are replenished with dystopian meanings. The «ideal» ideas about achieving China's political and economic power, establishing national independence and social harmony, and creating a «society of average prosperity» that appeared in different periods of the formation of the national idea under study are undergoing changes at the level of Chinese everyday life, as objective reality makes its own adjustments. For the further evolution of the concept, the reflection of intellectuals of the Chinese national group is necessary. Chinese writers who create science fiction narratives that include rethinking the basic concepts of the «Chinese Dream» facilitate this.

Ключевые слова: «Китайская мечта», национальная идея, концепт, научная фантастика, формирование идентичности, традиция и современность.

Key words: «Chinese dream», national idea, concept, science fiction, identity formation, tradition and modernity.

УДК 316.73:008

Развитие социокультурной системы китайского общества в новейший период находится в прямой зависимости от кризисов внутренней политики, возникающих вследствие диссонанса между традиционной инертностью народных масс и методами государственного управления. Первый фактор является стабильным на протяжении всей эволюции китайской цивилизации. Второй характеризуется разной степенью включённости в процесс регулирования механизмов традиционной культуры, в частности актуализированного конфуцианства.

Культурное пространство китайской цивилизации не совпадает с границами существующих государственных формаций. Раскол китайской нации произошёл из-за непримиримых разногласий между КПК и Гоминьданом. Он сопровождался длительной борьбой за власть в материковом Китае и последующим исходом армии Чан Кайши на Тайвань (1947–1949). В настоящее время обе части китайского национального сообщества (китайская континентальная и тайваньская островная

группа) формируют различные типы официального дискурса национализма. «Мирное возвышение» Китая и укрепление позиций КНР во многих областях международного сотрудничества требуют конструирования эффективных национальных идей, направленных на формирование китайской нации. В эпоху осуществлённой модернизации стратегических систем китайского общества и управляемой глобализации особую значимость приобретает официальный дискурс национализма пятого поколения китайских политиков во главе с Си Цзиньпином.

Дискурс является междисциплинарной категорией, что позволяет трактовать это понятие в зависимости от отрасли научного знания. Понятийные категории дискурса разработаны рядом зарубежных и отечественных исследователей: М. Фуко [18], Р. Бартом [2], Ю. М. Лотманом [13], М. М. Бахтиным [3] и др. Опираясь на определение дискурса как «речи, погружённой в жизнь», мы также обращаемся к мнению В. З. Демьянкова, утверждающего, что в процессе интерпретации дискурса реконструируется ментальный мир, в котором описываются реальные и нереальные события, даются характеристики действующих лиц и событий, а также домысливаемые интерпретатором детали и оценки [8]. По мнению Е. В. Глотовой, политический дискурс достаточно часто включается в художественный, что свидетельствует о формировании особого типа – политического художественного дискурса [6].

С нашей точки зрения, официальный дискурс национализма КНР можно исследовать исходя из критериев политического художественного дискурса, т. к. он соответствует синкретичности китайского мышления, эксплицитно проявляющегося в деятельности интеллектуалов китайской национальной группы (политиков, писателей, общественных деятелей). Указанный тип дискурса находится в состоянии теоретической разработки. Для нашего исследования важны следующие характеристики дискурса:

1. Идентификация, в ходе которой реципиент (как объект деятельности политического и художественного дискурса) принимает активное участие в построении общего напряжённого поля взаимодействия, обеспечивающего успешность дискурса [7]. В ходе погружения в художественный дискурс потребитель (читатель, слушатель) проникается миром художественного произведения, в то время как автор политического дискурса создаёт общий как для себя, так и для реципиента «ментальный мир». В случае с дискурсом официального национализма КНР это информационное пространство активно разрабатывается благодаря взаимодействию политиков и писателей.

2. Индивидуальная картина мира автора текста. Дискурсивное пространство формируется в воображении его создателя, при этом реальная действительность отражается в нём косвенно, что оказывает прагматическое воздействие на реципиента, у которого возникает столь необходимое чувство сопричастности. Рефлексия на факты реальности и вымысел даёт импульс к переосмыслению уже знакомых феноменов и альтернативных способов интерпретации [7].

Вопросы формирования и эволюции дискурса китайского национализма достаточно хорошо изучены в отечественной науке. Так, основные этапы сложения и характерные особенности развития официального дискурса описаны в фундаментальных работах А. В. Виноградова и В. Я. Портякова [4; 17]. Актуальные проблемы современного китайского политического дискурса рассматриваются российскими и зарубежными авторами в лингвистическом [1], прагматическом [10], концептологическом аспектах [19]. Наша статья фокусируется на культурологическом аспекте проблемы, что видится нам актуальным, т. к. изучение способов рефлексии интеллектуалов сообщества на претворение в жизнь стратегий долгосрочного развития КНР дополняет научное описание феномена дискурса национализма КПК на данном этапе.

Одним из популярных направлений официального дискурса является внедрение национальных идей. Ранее мы уже обращались к вопросу реализации национальной идеи «Великого возрождения китайской нации» (*zhōnghuá mínzú wéidà fùxīng*), осуществляющейся в парадигме развития «Китайской мечты» (*Zhōngguó mèngxiāng*) и способах её презентации в китайской повседневности [9]. В настоящей статье мы хотели бы проследить эволюцию указанной концепции в интеллектуальной мысли Китая. Гипотеза исследования заключается в том, что в процессе реализации масштабных планов по осуществлению «Китайской мечты» концепты «Новый демократизм», «Стремительное развитие», «Новый Китай» пополняются дистопическими смыслами.

Интеллектуалы китайского национального сообщества разрабатывают идею «Китайской мечты» с точки зрения научного и аксиологического подхода. Теоретики китайского национализма берут за основу построения научного дискурса реалии различных сфер жизни китайского социума, а представители культурных и литературных кругов исходят из системы ценностей китайского народа и китайской нации. Парадигма осуществления «Китайской мечты» подразумевает воплощение как надежд простого человека на лучшую жизнь, так и ожиданий всего китайского народа на «великое возрождение нации». При этом акцент делается на достижении общественного блага. В нашем исследовании мы фокусируемся на рефлексии интеллектуалов китайской национальной группы, которые способствуют эволюции концепции «Китайская мечта» посредством создания художественных произведений. Изучение этого аспекта необходимо, т. к. «художественная литература в образной форме не только отражает глобальные культурные изменения, происходящие в обществе, но и в опосредованной форме через описание художественного мира определённой эпохи влияет на формирование ценностной картины мира, ядерным элементом которой является идентичность этноса» [22].

С точки зрения построения научного дискурса концепция «Китайская мечта» прошла несколько этапов формирования. Первый период (1921–1949) сопровождался сложными процессами борьбы китайского народа под руководством КПК против империалистов и феодального гнёта. Результатом переосмысливания базовых понятий концепции стало введение концепта «Новый демократизм» (*xīn mǐnzú zhūyì*), предложенного Мао Цзэдуном. Мы считаем, что это было обусловлено необходимостью осуществления социалистической революции, которая позволила бы укрепить позиции Китая как равноправного члена мирового сообщества и окончательно покончить с засильем компрадоров и милитаристов в континентальном Китае.

Начало второго периода интенсивной работы по научному теоретизированию концепции «Китайская мечта» связано с выдвижением Дэн Сяопином стратегии модернизации Китая и построения социализма с китайской спецификой (1978). Архитектор китайских реформ способствовал тому, чтобы концепция «Китайская мечта» расширилась за счёт идеи построения «среднезажиточного общества» (*xiāokāng*). Мы усматриваем преемственность политики, проводимой Цзян Цзэминем относительно реализации «Четырёх китайских модернизаций», поэтому определяем окончание второго периода 2003 г., когда на пост председателя КНР был избран Ху Цзиньтао. Цзян Цзэминь закрепил курс на *сяокан*, обозначив дату его построения – 2020 г., и сформулировал необходимость «ухватиться за важные стратегические шансы» в стремлении к осуществлению «Китайской мечты» [14].

Третий этап формирования концепции «Китайская мечта» ознаменовался объявлением Ху Цзиньтао начала политики построения «Общества социальной гармонии» (*héxiéshèhuì*), начатой в 2003 г. Ху Цзиньтао сделал акцент на то, что китайский народ будет строить гармоничное общество «в конфуцианском ключе, с национальной спецификой, под руководством КПК» [14]. Обращение к конфуцианской категории «Гармония» значительно обогатило парадигму «Китайской мечты», но, как показала практика, даже будучи актуализированным, традиционное представление о «правильности» общественного устройства не соответствовало китайским реалиям начала XXI в.

Четвёртый этап эволюции «Китайской мечты» начался с момента избрания Си Цзиньпина на высший руководящий пост КНР в 2012 г. С нашей точки зрения, его вклад в дело развития концепции «Китайская мечта» состоит в том, что председателю Си удалось добиться её высокой степени мифологизации за счёт «сопряжения концепции о великом возрождении китайской нации с прошлым, настоящим и будущим» китайского народа [14].

По заявлению Си Цзиньпина, стратегия долгосрочного развития общества «Китайская мечта» имеет конечной целью «возрождение китайской нации» и «создание богатого, могущественного демократического, цивилизованного социалистического государства» [14]. Председатель КНР Си Цзиньпин обозначил две промежуточные вехи: 2021 г. (столетний юбилей КПК) и 2049 г. (столетний юбилей КНР) – как временные ориентиры, к которым необходимо осуществить задачи создания «среднезажиточного общества» и становления КНР как сверхдержавы соответственно.

Кратко содержание концепции «Китайская мечта» может быть представлено следующим образом:

1. Спасти Китай от гибели и сделать его сильной страной.

Китайские исследователи интерпретируют этот тезис как необходимость борьбы против угроз и агрессии сильных государств, добиваться национальной независимости, а также «учиться у Запада, чтобы противостоять ему». Цель – революционным способом трансформировать цивилизационный ресурс и создать необходимые политические условия для осуществления индустриализации. Эта задача была осуществлена КНР к 2010 г., когда были успешно завершены «Четыре китайские модернизации», а с приходом к власти Си Цзиньпина (2012) был взят курс на модернизацию государственного управления.

2. Добиться национальной независимости китайского народа.

В рамках исследуемой проблемы мы усматриваем начало борьбы за освобождение китайского народа от косности имперской системы в реформе, начатой Кан Ювэем после поражения Китая в «Войне года Цзя-У» (1894) и затопления Бэйянского флота в Жёлтом море. Главной целью реформ было установление конституционной монархии. Этот и последующий этап национального освобождения – «Синьхайская революция» (1911) цели не достигли, т. к. национальное сообщество ещё не было сформировано, и Китай погрузился в затяжные междуусобные конфликты. Но «Движение 4 мая», одним из лозунгов которого была «Борьба за новую культуру», способствовало демократизации науки и распространению марксизма-ленинизма, которые послужили фундаментом для нового китайского мышления. Политические предпосылки для реализации «Китайской мечты» появились с созданием КНР (1949).

К настоящему времени Китай не только «выпрямился во весь рост», но и одержал победу за национальную независимость, развернул крупномасштабное строительство, завершил индустриализацию и модернизацию. Приведём лишь некоторые статистические данные, которые свидетельствуют об успехах КНР за первые два десятилетия XXI в. Так, ВВП КНР увеличился в 9 раз с 11,1 трлн юаней в 2001 г. до 101,6 трлн юаней в 2020 г. За этот же период доля экспорта в мировой структуре выросла с 4,3 до 14,7 %. По объёму торговли услугами Китай занял 2-е место в мире, достигнув рекордных показателей 1935,7 млрд юаней в 2020 г. По объёму прямых исходящих внешних инвестиций в 2020 г. КНР находится на 1-м месте в мире (1,1 трлн юаней) [12, 40].

Прорывом в использовании цифровых технологий стали запуск и совершенствование глобальной системы «Бэйдоу», разработка которой велась с 1994 г. Её спутники и штатные аппараты используются в отраслевом рынке (транспорт, земледелие, животноводство, рыболовство, метеорологический контроль, городское управление), в массовом рынке (навигация, соцсети, обслуживание пожилых людей на дому, игровые приложения), на специальном рынке (предотвращение и ликвидация стихийных бедствий, борьба с пожарами, общественная безопасность, юстиция) [16, 35]. Несмотря на удар пандемии новой коронавирусной инфекции Covid Sars-2, создавшей нагрузку на бюджет, к июлю 2021 г. в КНР был преодолён порог бедности (в соответствии с определённым в 2020 г. стандартом в 4000 юаней на душу населения) [21, 31].

Китайская дипломатия находится в состоянии стабильного развития и способствует формированию имиджа КНР как сильного, ответственного партнёра, осуществляющего внешние сношения сразу в нескольких направлениях: с сильными державами, развивающимися странами, региональными государствами [20, 11]. Показательным фактом успеха внутренней политики стало увеличение числа молодых китайцев, вернувшихся на родину после получения образования за рубежом. В 2018 г. эта цифра достигла 78,3 % от всех уехавших [5, 60].

Благодаря развитию китайской инициативы «Один пояс – один путь» и реализуемых в её рамках концептуальных моделей «Пути мира», «Пути процветания», «Пути открытости», «Пути инновации», «Пути цивилизации», «Пути возможностей», «Цифрового шёлкового пути», «Зелёного шёлкового пути», а также проектов «Шести экономических коридоров» и «Шести механизмов развития» «китайская реальность стала больше похожа на фантастику, чем сама научная фантастика» [23, 55].

Исследуя концепцию «Китайская мечта» с точки зрения ценностного подхода, китайский исследователь Сун Минвэй считает, что эволюция концепции происходит благодаря деятельности интеллектуалов китайского сообщества, которые создают художественные произведения, отражающие «реальность, переходящую от невидимого к видимому». Он усматривает зарождение базовых концептов «Китайской мечты» в научной фантастике: «Фантазия в научной фантастике более реальна, чем сама реальность, поэтому может реалистично отражать исторический процесс, происходящий в Китае» [23, 27]. Добавим, что воплощение в жизнь «идеальных» идей концепции зачастую не только не совпадает с ожиданиями, но и приводит к ухудшению экологической среды, перегреву экономики, возникновению нежелательных социальных явлений, что обуславливает рефлексию китайских писателей-фантастов, создающих дистопии, в которых они репрезентируют альтернативные пути развития концепции «Китайская мечта».

Сун Минвэй считает, что история научной фантастики в Китае не развивается линейно. Исследователь выделяет три коротких периода её расцвета: последнее десятилетие поздней династии Цин, волна гуманистической научной фантастики в первые годы политики реформ и открытости в КНР и в этот же период на Тайване, первое десятилетие XXI в. После двух первых периодов расцвета наступила длительная стагнация жанра, достаточно продолжительная, чтобы современные писатели не могли сохранить преемственность творчества своих предшественников.

В нашей работе мы обращаемся к жанру научной фантастики как к направлению интеллектуальной мысли, в котором зарождаются и эволюционируют новаторские идеи развития общества. Учитывая объём публикаций, мы остановимся только на произведениях, оказавших влияние на формирование основных концептов парадигмы «Китайская мечта».

В начале XX в. Лян Цичао основал журнал «Новая литература», в котором издавались произведения жанров, не являющихся традиционными для китайской литературы. Одним из них была научная фантастика, в то время называвшаяся «научной фантазией». В первый период развития китайской научной фантастики её авторы находились под сильным влиянием японских и европейских писателей. Так, Тэттё Суэхиро, издавший роман «Цветы сливы на снегу», вдохновил Лян Цичао на написание романа-утопии «Будущее нового Китая». Лян Цичао опубликовал своё произведение в разделе «Политический роман» в журнале «Новая литература» (1902), положив начало жанру китайской научной фантастики. В монографии «Китайская мечта: о чём мечтают китайцы» Лю Цзюньжу даёт высокую оценку роману Лян Цичао, отмечая, что захватывающее зрелище будущего Шанхая, описанное автором, представляет первую попытку вербализовать мечту китайцев о сильной, процветающей стране [14].

Лян Цичао и его сподвижники внесли значительный вклад в дело популяризации просветительских идей западной литературы в китайском обществе начала XX в. Так, в разделе «Научная фантастика» журнала «Новая литература» публиковались переводы романов Ж. Верна и некоторых других европейских, американских и японских писателей. Нередко переводчики этих произведений, среди которых был Лу Синь, вводили в текст перевода китайский национальный контекст, который затмевал дух глобального управления и преклонения перед техногенностью эпохи промышленной революции XIX в. Национальный дискурс, создаваемый группой интеллектуалов во главе с Лян Цичао, сочетал элементы политики и науки, которые впоследствии определили основные концепты «Китайской мечты».

Сам Лян Цичао высоко оценивал идейное сплочение своих единомышленников, отмечая, что они взяли на себя сверхважную задачу просвещения, осуществляя перевод зарубежной литературы как на классический язык вэнъянь, так и на разговорный байхуа, чтобы в будущем увидеть «народ новой страны» [14]. В произведениях жанра научной фантастики одна за другой возникали утопические идеи «Лунной колонии», «Царства цивилизации», «Новой эры», «Нового Китая», «Возрождения Китая». Большинство из представленных читателю утопий восходят к китайской традиции. Сюй Няньчи («Приключения нового Барона») (1905) рассказывает о путешествии главного героя, который по прибытию на Меркурий «омолодился» и стал совершенно другим человеком, готовым на поиски новых способов реформирования имперского Китая. Таким образом, в ходе первого этапа формирования концепции были заложены основные «идеальные» представления

о благе современного общества «Китайской мечты» как о сильном, независимом, прогрессивном государстве.

Второй период истории китайской фантастики получил импульс благодаря эпохальному событию – созданию КНР. Фантастическая проза была представлена в рамках детской литературы, выполняющей функцию формирования и популяризации системы современных представлений о науке и жизни у подрастающего поколения китайцев. Произведения этого периода характеризуются включением в приключенческий нарратив элементов научно-технического знания, повторяющимися сюжетами и типизацией повествования. В 1950-х гг. в научно-фантастической прозе появляются политические мотивы. Например, Чи Шучан в 1958 г. создал нарратив об успехах в свиноводстве, достигнутых при помощи биоинженерии («Слоны без хобота»). Автор использует лозунг «Свиньи должны быть больше слонов!» для усиления эффекта на читателя. Следует отметить, что такие возвзвания не были редкостью в период «Большого скачка» (1958–1960). Повесть Чи Шучана, будучи типичным произведением той эпохи, наглядно демонстрирует взаимодействие научного воображения и политических реалий. Гротескность образа, использованного Чи Шучаном, отражает тенденцию к формированию концепта «Стремительный рост» (*kuàisù fāzhǎn*) в парадигме «Китайская мечта».

После завершения «Культурной революции» небольшая группа писателей-фантастов продолжила развитие жанра научной фантастики. В произведениях Чжэн Вэньгуана, Тун Эньчжэна, Е Юнле проявляется гуманистическая направленность и осуществляется попытка переосмыслиния пережитого. Так, впервые в истории формирования концепции «Китайская мечта» появляется мотив дистопии, который свидетельствует о формировании слова «Катастрофа» (*zāihuò*) в концепте «Стремительный рост». Чжэн Вэньгуан представляет читателю нарратив «Зеркальное отображение Земли» (1980) о непредсказуемом развитии политического курса некоего государства, существующего вне реального времени и пространства. В произведении содержится скрытый намёк на возникающую тенденцию переосмыслиния политики властей КНР.

В рамках формирования слова «Катастрофа» значим рассказ Тун Эньчжэна «Луч смерти на Коралловом острове». Несмотря на то что нарратив соответствует курсу официальной идеологии китайского национализма, описания некоторых событий настолько похожи на трагические происшествия «Культурной революции», что повествование производит эффект открытия ящика Пандоры.

Самым популярным романом этого периода развития китайской фантастики является «Путешествие Сяо Линтуна» (1978), созданный Е Юнле. Главный герой без опаски путешествует в будущее, открывая для себя новые и удивительные грани. Автор представляет картину мира, в котором нет места случайностям и скрытому тёмному пространству. Второй период расцвета китайской фантастики был значительно короче, чем первый. В 1980-х гг. жанр подвергся критике и был обвинён в «духовном осквернении» литературы, в связи с чем быстро пришёл в состояние стагнации. Благодаря творчеству Е Юнле китайская научная фантастика не прекратила своё существование, она была адаптирована для детской литературы.

Поскольку это исследование ограничено деятельностью интеллектуалов китайской континентальной национальной группы, фантастические идеи которых способствовали эволюции концепции «Китайская мечта», мы сделаем лишь небольшое замечание насчёт того, что вторая волна научной фантастики в материковом Китае способствовала подъёму этого жанра на Тайване. В период 1970-х и 1980-х гг. благодаря творчеству Чжан Сиго, Хуан Фаня, Чжан Дацуя, Пин Лу, Сун Цзелая и Линь Яоде наступил «золотой век» тайваньской научной фантастики. Одним из популярных мотивов фантастических нарративов этих авторов стал поиск национальной идентичности.

Третий период развития научной фантастики в литературе континентального Китая начался в конце 1990-х гг. Поначалу она представляла собой корпус произведений сетевой литературы. В последнее время растущая популярность научной фантастики в СМИ обусловлена широким распространением сети Интернет и включением в неё всё большего числа пользователей. Ведущим печатным изданием научной фантастики среди неосновных бумажных СМИ КНР стал журнал

«Мир научной фантастики» (провинция Сычуань), ранее известный читателю как «Научная литература и искусство».

На текущий момент ведущими писателями «Новой волны» китайской фантастики являются Лю Цысинь, Ван Цзинькан и Хань Сун, которых часто упоминают как триада «Хань, Цы, Кан». Ван Цзинькан в своём творчестве фокусируется на проблемах добра и зла, демонстрируя оптимистический настрой. В отличие от Лю Цысина, увлечённого технологиями, и Хань Суна, погружённого в сюрреализм, Ван Цзинькан пытается установить гармоничные отношения между наукой и гуманизмом, между историческим мышлением и моралью, между государством и личностью [24].

С точки зрения Сун Минвэя, проза этих авторов способствует эволюции концепции «Китайская мечта». Анализируя рассказ «Микро-эра» (2001), Сун Минвэй отмечает, что Лю Цысинь поднимает вопрос о конце истории, гедонизме и возможной гибели человечества, которое представляет собой общество потребления. По ходу развития сюжета космонавт по имени «Прадититель», возвращающийся на Землю после долгих бесплодных поисков пригодной для человеческого обитания планеты, обнаруживает новую цивилизацию «микро-людей», которые выжили после космической катастрофы благодаря тому, что смогли изменить свой геном. Коль скоро размер человеческого существа теперь не различим под микроскопом, проблемы микро-человеческого общества тоже ничтожны. «Мир микро-людей – беззаботная эпоха, их больше не волнуют глобальные проблемы», – говорит Лю Цысинь. Мы считаем, что под «микроцивилизацией» автор подразумевает культтивируемое идеологами «Китайской мечты» общество потребления, которое, собственно, представляет собой *сяокан*. Таким образом, концепт «Новая демократия» пополняется отрицательным смыслом «Чрезмерное потребление» (*guòdù xiāofèi*), что связано с тем, что стремление к абсолютной материальности чревато утратой значимости общественного блага.

Ван Цзинькан также указывает на скрытые проблемы высокого темпа развития Китая. Прибегая к гротеску, писатель изображает модернизированное общество с развитыми технологиями в виде гиганта, который представляет собой результат экспериментов учёных по репродукции человека («Перевоплощённый великан», 2005). История происходит в соседней Японии. Промышленный магнат по имени Имагай Мухико, достигнув преклонного возраста, перенёс операцию по пересадке собственного мозга новорождённому. Вследствие врачебной ошибки мозг этого жадного старика заставляет тело новорождённого расти бесконечно; он ежедневно выпивает грудное молоко тысячи кормилиц. Тело младенца настолько огромно, что его некуда разместить, поэтому он плавает по поверхности моря, как гигантский остров. В конце концов новое тело магната получает травму шейного отдела позвоночника, что ведёт к летальному исходу. Стремление к неограниченному росту опасно – очевиден реалистический подтекст этой истории [24]. В нарративе Ван Цзиньканы непреложный принцип Дэн Сяопина «Истина только в развитии» доведён до абсурда.

Сун Минвэй считает, что среди писателей-фантастов Хань Сун наиболее близок к литературе мейнстрима. Дистопические сюжеты его произведений вызывают ассоциации со скрытыми проблемами современного Китая. По роду своей основной занятости Хань Суну приходится иметь дело с обработкой большого объёма информации, т. к. он является корреспондентом агентства «Синьхуа». Очевидно, что сюрреализм его прозы в некоторой степени обусловлен фактором активной включённости в информационное поле. Спецификой научно-фантастической прозы Хань Суна является то, что сюжеты его романов разворачиваются не где-то далеко во Вселенной или в другом измерении, а здесь и сейчас – в современной китайской повседневности. Это «приземляет» «Китайскую мечту» и даёт ей реальную почву для воплощения, одновременно обнаруживая неожиданно возникающие проблемы в ходе её осуществления.

Например, в романах «Метро» (2010) и «Высокоскоростная железная дорога» (2012) Хань Сун воссоздаёт тёмную сторону повседневности, показывая, как губительно для человека стремительное техногенное развитие общества. В нарративе «Метро» показано бесконечное движение пекинского метрополитена. Пассажиры, толпящиеся в вагоне, трансформируются в нелюдей, появляется новый вид, и наконец наступает неизведанная космическая эра. Главный герой по имени «Он», выбирайсь на поверхность, пытается остановить прохожих, спускающихся в метро, чтобы спасти их, но его принимают за сумасшедшего. В романе «Высокоскоростная железная дорога»

показана страшная центробежная сила, увлекающая поезд, под которым подразумевается китайское общество, в никуда после крушения. На высокой скорости поезд формирует собственную вселенную и удаляется, пока не скрывается из виду. В конце романа Хань Сун пишет: «Поезд всё ещё неуклонно движется вперёд по пустой земле. Есть ли у него пункт назначения? Это уже не важно, так как ответа на этот вопрос никто не знает» [24].

В рассказе «Регенерированные кирпичи» (2010) Хань Сун затронул острые проблемы природных катастроф и необходимости развития Китая. По сюжету произведения для создания высокотехнологичных «интеллектуальных» кирпичей, насыщенных человеческими эмоциями и интеллектом, были отобраны строительные материалы из руин, оставшихся после разрушительного землетрясения в провинции Сычуань (2008). Регенерированные кирпичи, используемые в строительстве новых объектов, способны творить чудеса. Строительство приобретает космический размах, и во Вселенной возникает новая цивилизация, построенная из «регенерированных кирпичей», извлечённых из руин домов, где было множество человеческих жертв. Но в новых домах иногда раздаётся стон и слышен шёпот мёртвых. Идейный смысл произведения заключается в критике развития современного Китая: стремительное развитие общества требует огромных затрат, и каждый шаг в будущее сопровождается призраками прошлого [24].

Краткий обзор современной научной фантастики позволяет сделать вывод о том, что базовые понятия концепции «Китайская мечта» переосмысяются интеллектуалами КНР на уровне текста. Если литераторы первого периода формирования этой концепции формулировали актуальные для их времени концепты «Новой демократии», «Стремительного роста», «Нового Китая», то писатели-фантасты последующих периодов пополняют эти концепты новыми смыслами («Катастрофа», «Чрезмерное потребление»), ставшими злободневными в ходе национального строительства. КНР вступила в эру осуществления «Китайской мечты». В дискурсе официального национализма она представляет собой новую модель управления. Интеллектуалы китайского национального сообщества, в частности писатели-фантасты, достаточно часто задействуют концепты «Китайской мечты» в своих произведениях для того, чтобы прогнозировать возможные варианты её осуществления в реальности. Это говорит о том, что дискурсивное управление государством достаточно эффективно, а ценность рефлексии писателей заключается в том, что фантастика может вдохновить нацию мечтать и в то же время упреждать её от фатальных ошибок, к которым приводят мечты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексахин, А. Н. Преемственность и инновации в современном политическом дискурсе КНР / А. Н. Алексахин // Политика и политики: политический дискурс как объект лингвистического анализа: материалы VIII Конвента РАМИ, Москва, 25-26 апреля 2014 года. – М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2015. – С. 17-27.
2. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Нулевая степень письма / Р. Барт; пер. с фр. – М.: Академический проект, 2008. – С. 127-150.
3. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
4. Виноградов, А. В. Китайская модель модернизации: поиски новой идентичности / А. В. Виноградов. – М.: НОМФО, 2008. – 368 с.
5. Гао Мо. Самое время вернуться домой / Гао Мо // Китай. – 2020. – № 9. – С. 60-61.
6. Глотова, Е. В. Политический художественный дискурс и критерии его определения / Е. В. Глотова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 2. – С. 154-158.
7. Гуляева, Т. В. Политический и художественный дискурс: точки соприкосновения / Е. В. Гуляева // Вестник Пермского университета. – 2009. – № 2. – С. 36-40.
8. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 33-50.
9. Ишутина, Ю. А. К вопросу о формировании национальной идеи «Великого возрождения китайской нации» в парадигме осуществления «Китайской мечты» / Ю. А. Ишутина // Учёные записки Комсомоль-

- ского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2019. – № I-2 (37). – С. 39-43.
10. Иштутина, Ю. А. Стратагемное мышление китайцев в реализации региональной политики КНР на современном этапе / Ю. А. Иштутина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 29. – С. 89-98.
11. Кошкарова, Н. Н. Ключевые идеологемы китайского политического дискурса / Н. Н. Кошкарова, А. И. Бугуева, А. Ю. Епихамова // Политическая лингвистика. – 2022. – № 2 (22). – С. 121-128.
12. Ли Чуньдин. 20-летие присоединения к ВТО / Ли Чуньдин // Китай. – 2021. – № 12. – С. 38-41.
13. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. – 416 с.
14. Лю Цзюньжу. Китайская мечта: о чём мечтают китайцы? / Лю Цзюньжу. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. – 208 с.
15. Мосяков, Д. В. Политические модели, механизмы власти и политические системы в странах Юго-Восточной Азии / Д. В. Мосяков // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2022. – Т. 1. – № 1 (54). – С. 11-29.
16. Нарождающийся рынок в 100 млрд юаней // Китай. – 2020. – № 9. – С. 34-35.
17. Портяков, В. Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии / В. Я. Портяков; Российская Академия наук, Институт Дальнего Востока. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2015. – 280 с.
18. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная академия, 2012. – 415 с.
19. Хамити, И. Китайский политический дискурс: концепт нового шёлкового пути / И. Хамити // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – № 3. – С. 25-31.
20. Цзун Хэ. Блестящие страницы дипломатии ответственной державы / Цзун Хэ // Китай. – 2022. – № 12. – С. 10-11.
21. Чжан Ци. Победа в битве над бедностью / Чжан Ци // Китай. – 2020. – № 4. – С. 28-31.
22. Шушарина, Г. А. Культурные основания конструирования идентичности / Г. А. Шушарина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № IV (70). – С. 32-35.
23. Один пояс – один путь: сборник статей / Под ред. Цай Фан. – Пекин: Изд-во социологической литературы, 2018. – 283 с.
24. Сун Минвэй. Новая волна научной фантастики: история, поэтика, стиль / Сун Минвэй. – Шанхай: Изд-во литературы и искусства. – 2020. – 333 с.

Канчуга А. Д., Галкина Е. Г.
ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ
И РАЗВИТИЕ СРЕДОВЫХ РЕШЕНИЙ В ЭКСТЕРЬЕРЕ И ИНТЕРЬЕРЕ

**Канчуга А. Д., Галкина Е. Г.
A. D. Kanchuga, E. G. Galkina**

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ И РАЗВИТИЕ СРЕДОВЫХ РЕШЕНИЙ В ЭКСТЕРЬЕРЕ И ИНТЕРЬЕРЕ

NATIONAL CULTURE INFLUENCE ON ARCHITECTURE FEATURES AND DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL SOLUTIONS IN THE EXTERIOR AND INTERIOR

Канчуга Альбина Дмитриевна – студент 1-го курса магистратуры Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(914)404-79-34. E-mail: Bina.Kanchuga@gmail.com.

Albina D. Kanchuga – Master's Degree Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(914)404-79-34. E-mail: Bina.Kanchuga@gmail.com.

Галкина Елена Георгиевна – кандидат культурологии, доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(924)227-87-40. E-mail: arhigeg@mail.ru.

Elena G. Galkina – PhD in Culture Studies, Associate Professor, Architectural Environment Design Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(924)227-87-40. E-mail: arhigeg@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы современного этнокультурного подхода в архитектуре, развития средовых решений в экsterьере и интерьере, которые обретают большое значение в сохранении культурного наследия как за рубежом, так и в России. Россия – многонациональная страна, где проживает более 190 народов, в том числе коренные малочисленные народы. Основной целью статьи является определение принципов изображения национальной культуры в архитектурном формообразовании. Рассматриваются различные примеры, стилистические особенности отечественного и зарубежного опыта использования национального искусства.

Summary. The article discusses issues of the modern ethnocultural approach in architecture, the development of environmental solutions in the exterior and interior, which are gaining great importance in the preservation of cultural heritage, both abroad and in Russia. Russia is a multinational country, home to more than 190 peoples, including indigenous peoples. The main goal of the article is to determine the principles of depicting national culture in architectural design. Various examples and stylistic features of domestic and foreign experience in the use of national art are considered.

Ключевые слова: национальная культура, этнокультура, культурное наследие, искусство, архитектура, средовое решение, экsterьер, интерьер, дизайн.

Key words: national culture, ethno culture, cultural heritage, art, architecture, environmental solution, exterior, interior, design.

УДК 72.03;930.85

Введение. На сегодняшний день сохранение национальной культуры является актуальной проблемой как в России с её многонациональностью, так и за рубежом.

В нашей стране часто проводятся международные конференции, где обсуждаются проблемы, связанные с возрождением национальных традиций, проводятся исследования, которые направлены на определение этнической самоидентификации национальных культур. Всё это способствует росту национального самосознания.

Если архитектура никак не связана с культурой и традициями местных народов, то разрушается связь между прошлым и будущим, происходит обезличивание архитектуры. Поэтому важ-

но понять, что ценности народа значимы, как актуальна идея национальной архитектуры. Этим мы сохраняем память народа, воплощаем её в современных технологиях.

Научная проблематика. При рассмотрении проектных решений индивидуальных жилищ в разные исторические эпохи можно сделать вывод, что такие дома передавали духовные ценности народа. Художественное наследие, культура этноса передавались через определённые декорации, детали и формы. Единство человека и окружающей действительности отражалось в прошлых веках в необходимости принятия определённых архитектурных решений.

Сегодня проектирование зданий происходит обязательно с учётом особенностей местности, культуры народа, что позволяет сохранить идентичность и способствует культурному развитию.

При проектировании учитывается не только внешний вид здания, но и формирование композиции внутреннего пространства. Именно в таких застройках будут реализованы все приёмы и методы архитектурной организации традиционного национального здания.

Целью исследования является определение принципов изображения национальной культуры в архитектурном формообразовании. Рассматриваются различные примеры, стилистические особенности отечественного и зарубежного опыта использования национального искусства.

Главные задачи:

- определить этнос, этническую принадлежность, этническую культуру;
- изучить особенности русской культуры в архитектуре, средовых решениях в экстерьере и интерьере;
- рассмотреть особенности японской культуры в архитектуре, дизайне интерьеров, экстерьеров;
- подвести итоги исследований;
- рассмотреть перспективы дальнейшего решения данной проблемы на примере малочисленных народов Дальнего Востока (малочисленные народы России).

Этнос – это совокупность людей, которые обладают особенностями культуры, общими чертами, осознают своё единство и отличие от других.

Этническая принадлежность человека – это язык, который он считает родным, язык, на котором он разговаривает. А этническая культура – это общность всех ценностей, выработанная в течение всей истории народа. Культура этноса – это его основа, обеспечивающая способность к развитию, сохранению его целостности. Это также этническое самосознание, историческая память, умение и желание сохранности своего мира через обычай и традиции народа.

Особая нормативность, восприятие действительности возобновляют общественное поведение, поддерживают равновесие функционирующей системы.

Этническая культура ранее существовала как бесписьменная культура, всё передавалось от поколения к поколению. Но время не стоит на месте, движется вперёд, а с ним изменяется и этническая культура [1].

Любая этническая культура обладает своеобразием, которое при столкновении с другой культурой может сохраниться, видоизмениться или вообще исчезнуть. Она может подвергаться развитию, что вполне естественно.

В наш век этнические культуры сильно трансформируются, следуя современным тенденциям, открывая всё большие возможности для диалога культур.

Проблема сохранения национальной культурной идентичности остаётся значимой на протяжении десятилетий. Вопросам сохранения национальной культурной идентичности в условиях глобализации посвящено множество научных трудов [4].

Архитектура как один из способов сохранения национальной культуры. Воздействие национальной архитектуры на общество неотвратимо. Её история развивалась тысячелетиями, отражая развитие самого общества, его состояния.

Начиная с XIX в. архитектура становится делом публичным. В это время появилась необходимость в выстраивании языка архитектуры для выделения местных традиций и национальных особенностей [5].

В культурах Индии, Египта и других древних стран можно найти первые приметы народной архитектуры. Здесь любые сооружения отражали мощь цивилизации, её величие. В Европе также строили религиозные здания, которые отражали культуру, веру своего народа.

Со временем национальная архитектура развивалась, начали появляться разные стили и направления, которые отражали культуру определённой эпохи. И сегодня национальная архитектура также не стоит на месте, развивается вместе с обществом. Каждая из этих архитектур своеобразна, в каждой видны элементы местных традиций и культуры. Они влияют на современное строительство, ведь архитекторы обязательно должны учитывать потребности и предпочтения определённого народа.

Что же включает в себя национальная архитектура? Существует ряд определённых принципов:

- соответствие культуре и местным традициям: в обязательном порядке национальная архитектура должна отражать культуру, обычаи, традиции своего народа. Например, люди сразу же узнают стиль японских традиционных домов или красочное оформление храмов Индии;
- социальная функция: создание пространств для религиозных церемоний или общения людей;
- натуральность и простота: здания строятся из доступных натуральных материалов, учитываются простота и отсутствие излишней роскоши, что делает их экономичными и доступными;
- функциональность: любое сооружение создаётся с учётом климатических особенностей местности, культурных традиций. Например, в холодных странах дома утепляют, а в жарких используют открытые пространства;
- адаптация к среде: здания строят с учётом местности, условий жизни, климата. Например, учитывают возможность оползней, наводнений, засухи и др.

В национальной архитектуре есть много направлений в интерьере. Каждое из них делает атмосферу в помещении индивидуальной и неповторимой. Некоторые из них прямо противоположны друг другу, но всё же они имеют некоторые общие характеристики:

- они своеобразны и узнаваемы;
- каждому присущи характерные узоры и орнаменты;
- во многих используются местные натуральные материалы, такие как глина, древесина или камень;
- в каждой чувствуется местная религия, традиция;
- каждой свойственна своя цветовая гамма – от обилия ярких оттенков до очень сдержаных тонов;
- мебель, оформление интерьера, материалы создают имитацию определённого этнического стиля [7].

В интерьере этностиль занимает особую нишу, именно он задаёт тон всему дизайну. Это может быть чисто самобытный, этнический дизайн, либо он может иметь только какие-то определённые оттенки.

При упоминании этнического стиля многие сразу представляют себе китайские фонарики, японские перегородки. Это стереотипность мышления. Такой стиль необязательно должен воспроизводить такие особенности.

Этностиль очень многогранен. Его могут использовать как в интерьере, так и в предметах, декоре. Любой такой стиль следует традициям своего народа. Нельзя просто так оформить интерьер под этно, надо брать определённое направление. Традиционный этнический интерьер не только украшен национальными узорами, но и привлекает внимание к определённым предметам, поверхностям. Главное, что должна быть представлена одна культура [10].

Особенности русской архитектуры и дизайна интерьера. Так, до XVII века на Руси основным строительным материалом служило дерево. Русская архитектура выделялась богатым и ярким декором. В основе русского зодчества имеются былинные мотивы, присутствуют византийский стиль и некоторые особенности азиатских традиций. Колоритным примером национальной русской архитектуры является дворец Алексея Михайловича в Коломенском (см. рис. 1).

Рис. 1. Дворец Алексея Михайловича в Коломенском

Много подобных построек с узорчатой резьбой на севере России. Традиции деревянного зодчества были сильны испокон веков. Резьба, подобная кружеву, принадлежит к одному из чудес света [9].

В таком направлении архитектуры используется дерево. Путь развития деревянного зодчества можно проследить от простых изб до прекраснейших дворцов с различными украшениями. Русь всегда славилась своими лесами, поэтому дерево было легкодоступным материалом, который остаётся востребованным и по сей день. Дома из дерева строили и богатые, и простые люди.

В XIX в. мода на русское вернулась, появились также неорусские мотивы в декоративно-прикладном искусстве, в живописи. Так, княгиня М. К. Тенишева имела огромную коллекцию предметов быта и искусства. Она очень гордилась своей коллекцией и всячески пропагандировала русский стиль. Своё имение Талашкино под Смоленском (см. рис. 2) она украсила так, что многие приезжали любоваться на такое произведение русского творчества.

Рис. 2. Усадьба Тенишевых, Смоленск

Дерево отличается низкой теплопроводностью и легко поддаётся обработке. Светлый цвет натурального дерева привносит в обстановку чувство комфорта. Особенно красиво смотрятся дома из цельного кругляка. В таких деревянных домах легче дышится, что доказано наукой, в них тепло и уютно. Росписью декорируют потолки и стены [3]. В неорусском интерьере главным элементом декора является деревянная резьба (см. рис. 3). Оконные и дверные проёмы, мебель, лестничные марши украшали ею.

Рис. 3. Примеры деревянной резьбы

Русские печи (см. рис. 4) также являются эффектным элементом декора. Они являются центром парадных комнат. Подобные изразцы сегодня – большая редкость. Ещё одним из главных элементов русских стариных изб являются предметы интерьера: скамьи, лавки, железные кованые сундуки, которые играли роль полноценной мебели в доме [9].

Рис. 4. Примеры декора русской печи

Японская архитектура и дизайн интерьеров. Дерево как основной строительный материал характерно и для национальной архитектуры Японии, которая известна всем своими деревянными строениями, украшенными необычными плавными крышами. Самыми знаменитыми древнеяпонскими строениями являются монастыри Исэ и Идзумо (см. рис. 5). Храм Идзумо очень большой, высотой 24 м.

Рис. 5. Храм Идзумо в Японии

Особенности рельефа, определённой местности обязательно отражаются на строениях, т. к. должны учитываться климатические факторы: заболоченность, вечная мерзлота, сейсмичность и др. А в Японии часто идут обильные дожди, происходят землетрясения, поэтому у домов лёгкие стены [2]. Древнейшие строения держались на сваях. При современных постройках делают фундамент из камня.

До сих пор японцы считают, что архитектура и пейзаж должны быть взаимосвязаны друг с другом. Потому в японских монастырях располагались места для размышлений и медитаций. От местности, будь то гора или равнина, зависела планировка. Если строение размещалось на равнине, то всё располагали симметрично. А вот для гор симметрия не всегда была удачна, поэтому строили с учётом каждого выступа, искали наиболее удобное расположение каждого элемента сооружения [8].

Дизайн интерьера традиционного японского стиля (см. рис. 6) зародился примерно в конце XVI в. Главной его ценностью была близость к природе, бережное отношение к ней. Японский интерьер сдержан, здесь нет пышных украшений, присутствует только мебель, необходимая для повседневного использования.

Частые землетрясения вынуждали строить лёгкие дома, вместо внутренних стен использовали ширмы и перегородки. Такие дома легко восстанавливать или переносить на другое место. При катастрофах они не приносили серьёзного вреда окружающим.

Рис. 6. Традиционный японский интерьер

С течением времени японский интерьер мало изменялся (см. рис. 7). Конечно, технический прогресс оказал влияние, появились некоторые новые направления в дизайне. Современная бытовая техника стала удачно вписываться в интерьер, хотя аскетизм и сдержанность сохранились.

Рис. 7. Современный японский интерьер

Японский интерьер можно сравнить с минимализмом, но есть основные принципы построения интерьера, которые характерны только для Японии:

- максимум свободного пространства, вместо стен – перегородки и ширмы;
- присутствие только натуральных материалов при минимальной обработке или их имитация;
- светлые цвета, натуральные оттенки камня и дерева;
- простота обстановки;
- отсутствие лишней мебели;
- присутствие элементов живой природы [7].

В этом всём и заключается оригинальность и необычность японского интерьера.

У каждого народа архитектура является важной частью культурного наследия. Ведь здесь отражён образ жизни людей разной национальности, их история и традиции.

Заключение. Полученные результаты исследования помогают понять важность влияния национальной культуры на архитектурное формообразование. Национальная архитектура использует местные материалы, декоративные элементы. Каждая из них имеет своеобразные черты и особенности, характерные только для одной нации, что позволяет увидеть разнообразие и красоту определённого народа. Использование традиционных элементов и техник передаётся из поколения в поколение.

Данная проблема важна и в России, где проживает множество различных национальностей. Дальний Восток России – это историческая родина семнадцати коренных малочисленных народов, некоторые из которых находятся на грани вымирания, поэтому очень важно сохранить культуру, традиции и искусство данных народов.

Передача культурного наследия народов Севера очень важна и в архитектуре, средовом решении, разработке экsterьера и интерьера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулхалыкова, Л. Х. Национальная и этническая культура / Л. Х. Абдулхалыкова, И. А. Абдулаева // Мировая наука. – 2020. – № 3 (36). – С. 131-136.
2. Димитриади, Е. М. Анализ архитектурно-колористической разности городов Дальнего Востока / Е. М. Димитриади // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II-2 (50). – С. 4-10.
3. Канчуга, А. Д. Деревянное зодчество как способ русской идентичности / А. Д. Канчуга, Д. Г. Сохацкая // Молодёжь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы V Всероссийской национальной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 11-15 апреля 2022 г. В 3 ч. Ч. 3 / редкол.: Дмитриев (отв. ред.), А. В. Космынин (зам. отв. ред.). – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2022. – С. 34-37.
4. Макаревская, Н. Ю. Тенденция сохранения национальной культурной идентичности в условиях глобализации как консолидирующий фактор для тихоокеанской России и стран северо-востока Азии / Н. Ю. Макаревская // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № IV-2 (44). – С. 37-41.
5. Урусова, Н. П. Этнокультурный компонент в формировании современной архитектурной среды / Н. П. Урусова, С. А. Урусова // Культура и цивилизация. Т. 11. – Черкесск: Северо-Кавказская государственная академия, 2021. – С. 195-200.
6. Этнический стиль в интерьере квартиры // DG-HOME.RU: блог о дизайне. – Москва, 2021. – URL: <https://dg-home.ru> (дата обращения: 25.09.2023). – Текст: электронный.
7. Японский стиль в дизайне интерьера: сдержанность и близость к природе // DG-HOME.RU: блог о дизайне. – Москва, 2021. – URL: <https://dg-home.ru> (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.
8. Архитектура Японии // JAMATO.RU: Культура Японии. – Москва. – URL: <https://jamato.ru> (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.
9. Русский стиль. Архитектура и интерьер // PORUSSKI.ME: онлайн-журнал. – Москва, 2018. – URL: <https://porusski.me> (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.
10. Этнический стиль в интерьере – что такое и какие бывают? // TOPDOM.RU: – Москва. – URL: <https://www.topdom.ru> (дата обращения: 27.09.2023). – Текст: электронный.

Малышева Н. В., Бурик О. В.
N. V. Malysheva, O. V. Burin

ТЕЛЕСЕРИАЛ КАК МАРКЕР СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

TELEVISION SERIES AS A SOCIAL PHENOMENA MARKER

Малышева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: natasha@knastu.ru.

Natalya V. Malysheva – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-Culture Communication, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: natasha@knastu.ru.

Бурик Олег Владимирович – магистрант Комсомольского-на-Амуре государственного университета, (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: studyingworking200055@gmail.com.

Oleg V. Burin – Master's Degree Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: studyingworking200055@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется роль телесериала как маркера социальных явлений. Телесериал является интегративным феноменом культуры, в рамках которого происходит эстетическое, культурно-просветительское, развлекательное, психологическое и иные виды воздействий на зрителя. Основным элементом телесериала является серия как самостоятельная структурно-композиционная единица. Отношение человека к семье, власти и образованию – наиболее важные социальные явления, характерные для современного общества. Изменения в восприятии данных социокультурных явлений проиллюстрированы на примере трёх сериалов (Southland, The Wire, The Morning Show), описывающих три временных периода (с 2002 года по настоящий момент). Это позволило нам сделать выводы о трансформации взглядов, произошедших в американском обществе. В целом, отмечается негативная оценка исследуемых социальных институтов и его участников.

Summary. The article examines the role of television series as a marker of social phenomena. The television series is an integrative cultural phenomenon that contributes to aesthetic, cultural, educational, entertaining, psychological and other types of interactions between people. The series is considered to be its independent structural and compositional unit. A person's attitude towards family, government and education are the most important social markers being characteristic of the modern society. Changes in the perception of these sociocultural phenomena are illustrated by the example of three TV series (Southland, the Wire, The Morning Show), three time periods being described (2002 up to the present). This allowed us to draw conclusions about transformation of views that have occurred in American society. In general, there is a negative assessment of the social institutions and its participants.

Ключевые слова: телесериал, аудиовизуальное искусство, теория культуры, социокультурные изменения.

Key words: television series, audio and visual art, culture theory, sociocultural changes.

УДК 316.7

Телесериалы являются важным компонентом культуры, оказывающим значительное влияние как на саму культуру, так и на общество. В современной науке отмечается нечёткость в определении серийной кинопродукции, в частности, исследователи предлагают следующие понятия: многосерийный художественный фильм, сериал открытого типа, телевизионный сериал или телесериал [10]. В нашей работе вслед за С. А. Зайцевой мы будем использовать понятие «телесериал», под которым понимаем «серийно развивающиеся истории», при этом каждая серия является са-

мостоятельной единицей, являющейся частью большей истории. Серии сериалов объединяют общие персонажи, типы сюжетов и единый жанр [4].

Современный кинематограф распространяется не только в кинозалах, на телевидении, но и в интернете. Последние особенно популярны благодаря развитию и совершенствованию технологий, обеспечивающих «условия для технологического скачка в создании и потреблении экранной продукции» [9]. На рубеже XX и XXI веков видеоконтент, передаваемый при помощи визуальных технологий, стал более распространён, чем печатные издания: газеты, книги, журналы. В. Ю. Прокофьева, А. А. Яковлева отмечают изменения и в «структуре медиапотребления», а именно увеличение объёма телевизионного контента в сети Интернет [8]. Благодаря сериалам телевидение смогло завоевать интернет [6].

Телесериал в целом можно выделить как особый вид киноискусства. В телесериалах отражается накопление опыта музыкантов, художников, актёров театра и литературных писателей. Киноискусству приписывают такие эпитеты, как «зримая литература», «цветомузыка» и т. п. [4]. Оно усилило влияние художественной деятельности на общество, расширило возможности образного выражения и позволило одновременно удовлетворить как зрительскую, так и художественную потребность в синтетической форме творчества.

Достижение общественного консенсуса, как и социализация индивида, являются наиболее важными функциями современного киноискусства как средства массовой коммуникации. Средства аудиовизуальной коммуникации непрерывно совершенствуются и расширяют область для творчества. В современном мире развитого интернета кино имеет невиданные ранее возможности воздействия [7]. Схожего взгляда о доминантном положении аудиовизуальной культуры в современном обществе придерживался и Б. Шашмин, который утверждал, что «аудиовизуальная культура – это способ фиксации и трансляции культурной информации, не только дополняющий, но и заменяющий прежде господствующую вербально-письменную коммуникацию» [11].

Современное общество предельно близко знакомо с таким понятием, как глобальная информационная культура. Социологи, в числе которых Э. Тоффлер, утверждают, что данный вид культуры почти полностью поглотил остальные виды информационных медиумов. Однако в данном случае отрицательной оценки нет [1]. Нынешняя аудиовизуальная культура представляет собой эффективный набор инструментов для комплексного понимания личностью окружающего мира. Благодаря данному инструментарию обширная аудитория может быть объединена, даже несмотря на различного рода границы, среди которых как социокультурные и этнические, так и возрастные и пространственные. Данную мысль подтверждает следующее утверждение: «Медиакультура – это совокупность духовных и материальных ценностей в сфере медиа, а также исторически определённая система их воспроизведения и функционирования в социуме» [5].

В настоящее время киноискусство имеет возможность реализовать множество функций. Их спектр широк, но можно перечислить основные: информационная, воспитательная, культурно-просветительская, интегративная и рекреативная (развлекательная). Однако следует заметить, что социальное воздействие, наравне с психологическим действием, которое оказывается на зрителя, представляется наиболее важным [12]. Это становится возможным благодаря специфике создания образов, реально и потенциально реализуемых в рамках аудиовизуального текста, непрерывности «эмоционально насыщенного» потока, что позволяет оказывать влияние на зрителя на уровне подсознания [3].

Ю. М. Беленький также выделяет кумулятивную функцию киноискусства и сериала как одной из форм его проявления. Согласно исследователю, эта функция состоит не столько в фиксировании информации в электронном виде и передаче в виде фильмов, новостей, сериалов, сколько в том, что оно выступает «хранилищем», связующим звеном между поколениями, средством передачи коллективного опыта [2].

В нашем исследовании были выбраны три вида социокультурных явлений, изменения в которых находят отражение в кинематографе, в частности в сериалах:

1. отношение общества к семейному институту;
2. отношение общества к государственной власти;

3. отношение общества к образовательной системе и к идеи образования в целом.

Для репрезентации трансформаций социальных явлений в характере их представления в сериалах было решено проанализировать социокультурные изменения в трёх периодах десятилетиях, являющихся, на наш взгляд, показательными для американского общества:

1. период девяностых годов XX века – двухтысячных годов;
2. период двухтысячных годов – десятых годов XXI века;
3. период двадцатых годов XXI века.

Для достижения этой цели были выбраны три американских сериала, снимавшихся в вышеупомянутые временные отрезки:

- телесериал «Прослушка» («The Wire») [15], выпускавшийся в период с 2002 по 2008 год;
- телесериал «Саутленд» («Southland») [13], выпускавшийся в период с 2009 по 2013 год;
- телесериал «Утреннее шоу» («The Morning Show») [14], который выпускается с 2019 года по настоящее время.

На основе данных сериалов мы проанализировали то, каким образом отражаются социальные явления и как они меняются со временем – от более старого телесериала и описываемого в нём временного периода до современного телесериала и, следовательно, описываемого в нём периода настоящего.

Для функционирования общества и для продолжения человеческого рода семья является наиболее важным институтом. Неудивительно, что в произведениях искусства можно так часто увидеть описание картины семьи того или иного периода времени. В выбранных нами сериалах тема семьи – одна из ключевых. У всех главных героев в тот или иной момент происходит «разговор о важном» с родными и близкими или же разговор о своей семейной ситуации с друзьями или коллегами.

Много внимания раскрытию этой проблемы было уделено в сериале «Прослушка», примером чему может служить сцена встречи учителя с приговорённым к пожизненному заключению наёмным убийцей, состоявшим в одной из самых влиятельных преступных группировок, в камере для встреч. Между двумя персонажами заводится диалог, в ходе которого учитель убеждает заключённого разрешить усыновить его оставшегося без кормильца ребёнка, дабы тот, не имея других средств к существованию, не оказался вынужден продавать наркотики на улице, и, скорее всего, оказаться в той же тюрьме, что и его отец. Заключённый, хотя и не испытывая особого уважения к представителям власти в целом, соглашается, т. к. учитель, будучи примерно одинаково взраста с заключённым, описывает то, как взрослел он сам, и делает акцент на том, как уважали семью в его время. В данном случае демонстрируется изменение отношения общества к институту семьи: люди всё ещё ценят семейные отношения, но постепенно, ради достижения личного успеха, эти отношения забрасывают.

В сериале «Саутленд» можно увидеть развитие описанной выше тенденции. Общество испытывает серьёзный стресс, вызванный множеством различных факторов – от экономических потрясений до неграмотной внутренней политики государства, что сказывается и на том, какое место занимает семья в сознании человека. Изображение деятельности работника полиции, которому по долгу службы ежедневно необходимо взаимодействовать с обширным кругом лиц, передаёт суть этих изменений в сознании людей.

В данном случае примером того, как общество относится к семье, является сцена, где два полицейских останавливают машину и собираются оштрафовать водителя за нарушение правил дорожного движения. Водитель сопротивляется и собирается вступить в драку с полицейскими, после чего внезапно приезжает его мать и начинает строго отчитывать водителя прямо перед сотрудниками правопорядка. Из её монолога мы узнаём, что сын нарушает правила дорожного движения уже не первый раз, игнорируя просьбы своей матери, которой приходится каждый раз платить штраф из своего кармана. Здесь прекрасно видно отношение общества к институту семьи на тот период времени: люди осознают, что семья важна и нужна только в сложные моменты. В остальное время семья и её члены воспринимаются как нечто второстепенное.

Отношение общества к институту власти – одно из наиболее часто описываемых в культуре явлений, и кинематограф не исключение. В нашем исследовании мы установили, что в представленных нами сериалах в той или иной мере затрагивается тема власти с относительно высокой частотностью. В двух из них – в «Прослушке» и «Саутленде» – роли главных героев играют сотрудники полиции, а в «Прослушке» один из сценаристов – бывший полицейский, проработавший в Полицейском управлении Балтимора более 20 лет. Это позволяет выявить тенденции в восприятии роли структур власти в обществе и подробно описать их влияние изнутри.

Телесериал под названием «Саутленд» показывает нам то, как отношение общества к власти повлияло на саму власть. Практически в каждой серии прослеживается, что к работникам полиции, среди которых, как и в предыдущем телесериале, много главных героев, относятся с чрезмерным неуважением. В первом же сезоне немало сцен конфликтов полиции и граждан, в том числе с халатным, необдуманным жестоким применением насилия.

В качестве примера такого отношения можно привести сцену из пятого сезона в кафе, где два полицейских остановились купить мороженое во время небольшого перерыва. Одна из посетительниц выражает сильное недовольство по поводу того, что они отдыхают вместо того, чтобы ловить преступников на улице, заявляя с агрессивным тоном, что «она платит за их зарплату». Однако в ходе короткого разговора полицейский отвечает спокойно и вежливо, объясняя в деталях свою ситуацию, что в итоге разряжает конфликт и приводит к более вежливому общению в следующих сезонах. Эта ситуация наглядно демонстрирует степень негатива, проявляемого к структурам власти в 2010-х годах в США, и попытки властных структур измениться в лучшую сторону, чтобы снова добиться уважения общества [8].

Следующий телесериал, который показывает изменение данного социокультурного феномена в США, – «Утреннее шоу». В данном телесериале идёт рассказ о жизни и работе ведущих популярной новостной программы, трансляция которой идёт на канале UBA из Манхэттена и которая, как считается, «изменила лицо американского телевидения». Телеведущие в США довольно часто критикуют действия властей, и в одной из первых серий первого сезона телесериала показана сцена протестов на угольной шахте Локлан (Lachlan Coal Mine). Брэдли Джексон, будучи ещё не принятой на роль телеведущей утреннего шоу, расспрашивает протестующих на угольной шахте и вступает в конфликт с одним из них из-за опрокинутой на землю камеры. Сами сотрудники властей не играют главные роли, отношение к ним нейтральное и вполне вежливое, т. к. они не пытаются подавить протест силой. Данная сцена показывает нейтральное отношение большинства к власти. Трансформация отношения происходит благодаря более продуманной и лояльной политике представителей власти в решении внутренних конфликтов групп в частности и в обществе в целом [14].

Образовательные институты в большой степени формируют общество, и в общественном сознании вопрос образования занимает далеко не последнее место. В выбранных для анализа телесериалах это легко увидеть, т. к. главным героям приходится время от времени либо обсуждать своё образование и сравнивать, как оно влияет на их жизнь, либо взаимодействовать с образовательными структурами напрямую.

В телесериале «Прослушка» тема образования является ключевой в четвёртом сезоне. Среди главных героев – учителя, и один из них – учитель математики, который устроился работать в школу после работы полицейским. На протяжении всего сезона неоднократно озвучивается мысль о том, что из-за недостаточно качественной работы школ уровень преступности на улицах не просто не перестанет расти, но и со временем только вырастет.

Как пример оценки образовательных структур и идей образования в целом можно рассмотреть сцену из вышеупомянутого сезона, в которой описываются учителя, пытающиеся создать программу по работе с детьми, создающими помехи учёбе в классе. Поначалу дети проявляют негативное отношение к учителям, но в ходе урока учителя завоёзывают их уважение доброжелательным общением и сопереживанием, которое ученики по разным причинам не могли почувствовать в обычном классе. Однако после мы видим попытки отклонить эту программу администраций школы, ссылающейся на далёкие от реальности требования подготовки к федеральным тести-

рованиям. Эта сцена даёт нам понять, что на тот период времени в сознании как учеников, так и получивших образование людей, образование – необходимое и нужное в жизни явление, но теряющее ценность из-за неграмотной политики государства [15].

В телесериале «Саутленд» тема образования раскрывается в репликах полицейских, домохозяек, жалующихся на своих непослушных и нежелающих учиться детей; в диалогах членов уличных банд, сожалеющих о том, что не смогли получить образование, когда у них была возможность.

Примером отношения поколения того времени к образованию можно считать сцену, в которой описывается вызов полиции из-за звонка о насильственном отношении к детям. В ходе разговора с хозяином дома, куда была вызвана полиция, выясняется, что полицейских вызвал ребёнок которого несколько раз отхлестала мать за неоднократный прогул школы. Полицейские, огорчённые данной причиной для вызова, объясняют ребёнку, что подобный поступок, вместе с вызовом из-за пустяка, чрезвычайно неуважителен по отношению к родной матери. Однако ребёнок игнорирует замечания полицейских, объясняя это тем, что ему так сказали сделать более старшие друзья, что является наглядным примером системы взглядов и ценностей по поводу образования не только у молодёжи, но и у более зрелого общества того времени [13].

«Утреннее шоу» раскрывает мнение общества об образовании через описание работы телеведущих. Им время от времени приходится обсуждать те или иные события в современной образовательной системе, освещать известные мероприятия, связанные с университетами или школами, или же приглашать на шоу учителей и профессоров. Часто идёт общение между родителями, которые так или иначе говорят о своём образовании или образовании своих детей.

В «Утреннем шоу» наглядным примером отношения общества к образовательной системе и идеи образования является сцена общения между телеведущей и администрацией телеканала. Цель их диалога – выяснить то, насколько телеведущий как работник нужен телеканалу и стоит ли его увольнять. На замечания администрации о том, что у телеведущей отсутствует высшее образование, в то время как у кандидатов на её место оно есть, идёт ответ о том, что современные университеты могут только деньги выкачивать из богатых родителей. Полное пренебрежение важностью образования в школах и университетах, высказываемое героями сериала в этой сцене, отображает отношение общества к идеи образования [14].

На основании вышеизложенного можно заключить, что телесериал представляет собой интегративный феномен культуры, в рамках которого происходит эстетическое, психологическое, экономическое и прочие виды взаимодействий социальных субъектов. Главным связующим звеном данного взаимодействия является серия как самостоятельный фильм. На него направлена деятельность кинематографистов, кинопрокатчиков, зрителей. В фильме в той или иной степени материализуются и взаимно согласуются интересы, ценностные ориентации, установки участников кино-процесса. Как некий социальный институт телесериал формирует зрителя и влияет на общество, способствуя расширению его сознания. Изменения в социуме описываются в телесериалах и благодаря высокоэффективной степени визуального воздействия оставляют заметный след в сознании зрителя. Отношение общества к семье, власти и образованию – наиболее важные социальные маркеры, характерные для современного общества. На примере анализа сцен из трёх выбранных нами телесериалов показано, что отношение общества к семье, власти и образованию в США в три разных периода времени различалось. Понятие семьи в общественном сознании со временем утратило свою важность, отношение к власти в начале века претерпело негативные изменения и к началу двадцатых годов нашего века лишь немного улучшилось, а отношение к образованию сильно ухудшилось из-за плохого качества работы общественных школ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базен, А. Что такое кино? / А. Базен. – М.: Искусство, 1972. – 379 с.
2. Беленький, Ю. М. Становление жанров отечественных сериалов (начальный этап формирования современной структуры телевещания): автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.03 / Беленький Юрий Михайлович. – М., 2012. – 31 с.

3. Березин, В. М. Теоретико-методологический анализ телевизионной коммуникации: сущность, структура: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Березин Валерий Матвеевич. – М., 2003. – 54 с.
4. Зайцева, С. А. Жанр телевизионного сериала как культурный текст: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 / Зайцева Светлана Александровна. – М., 2001. – 24 с.
5. Кириллова, Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. – М.: Академический проект, 2006. – 448 с.
6. Кушнарева, И. Как нас приучили к сериалам / И. Кушнарева // Логос. – 2013. – № 3. – С. 9-20.
7. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. – М.: Практис, 2005. – 252 с.
8. Прокофьева, В. Ю. Сериал на основе фильма: специфика создания и тенденции / В. Ю. Прокофьева, А. А. Яковлева // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2019. – № II (38). – С. 103-107.
9. Соин, Я. Я. Кинозелище в контексте повседневности / Я. Я. Соин // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № II (58). – С. 32-37.
10. Телесериал // Academic.ru: словари и энциклопедии, 2000-2023. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/120266> (дата обращения: 11.10.2023). – Текст: электронный.
11. Шамшин, Л. Б. Аудиовизуальная культура / Л. Б. Шамшин // Культурология. XX век: энциклопедия. В 2 т. Т. 1. – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 51-52.
12. Эйзенштейн, С. Избранные статьи / С. Эйзенштейн. – М.: Искусство, 1956. – 455 с.
13. Southland // Кинопоиск: онлайн-кинотеатр, 2009-2013. – URL: https://www.kinopoisk.ru/series/427129/?utm_referrer=www.google.com (дата обращения: 11.10.2023).
14. The Morning Show // Кинопоиск: онлайн-кинотеатр, 2019-. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1048143/> (дата обращения: 11.10.2023).
15. The Wire // Кинопоиск: онлайн-кинотеатр, 2002-2008. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/402955/> (дата обращения: 11.10.23).

Малышева Н. В., Позднякова Ю. Р.
N. V. Malysheva, Yu. R. Pozdnyakova

НЕКРОЛОГ КАК ЖАНР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

OBITUARY AS AN INSTITUTIONAL DISCOURSE GENRE

Малышева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: natasha@knastu.ru.

Natalya V. Malysheva – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-Culture Communication, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: natasha@knastu.ru.

Позднякова Юлия Рафиковна – магистрант Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: yuliayapozdnyakova1@yandex.ru.

Yulia R. Pozdnyakova – Master's Degree Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsmolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: yuliayapozdnyakova1@yandex.ru.

Аннотация. В данной статье рассматривается некролог как жанр институционального дискурса. Современная лингвистика относит анализ дискурса к наиболее актуальным научным проблемам. В статье рассматриваются вопросы изучения дискурса, приводятся некоторые его виды, даётся определение институционального дискурса, описываются его лингвистические особенности. Особое внимание в работе уделяется некрологу как одному из жанров институционального дискурса, к основным характеристикам которого относят: структурированность, иерархичность, целостность и др. Считается, что тексты такого типа призваны оставить глубокий след в истории человечества, описать биографию покойного, его карьеру, перечислить его достижения, а также показать достойную картину, отражающую черты характера современника. Актуальность данной темы представлена малым количеством исследований, проведённых на данную тему. Это связано с тем, что для большинства тема является закрытой.

Summary. This article examines the obituary as a genre of institutional discourse. Modern linguistics classifies discourse analysis as one of the most pressing scientific problems. The article discusses the issues of studying discourse, provides some of its types, gives a definition of institutional discourse, and describes its linguistic features. Particular attention in the work is paid to the obituary as one of the genres of institutional discourse, the main characteristics of which include: structure, hierarchy, integrity, etc. It is believed that texts of this type are intended to leave a deep mark in the history of mankind, describe the biography of the deceased, his career, list his achievements, as well as show a worthy picture that reflects the character traits of his contemporary. The small number of studies conducted on this topic represents the relevance of this topic. This is because for most the topic is closed.

Ключевые слова: некролог, жанр, институциональный дискурс, закрытая тема, табу.

Key words: obituary, genre, institutional discourse, closed topic, taboo.

УДК 81'4

Введение. Тема смерти всегда была и является деликатной, закрытой, неприличной, табуированной при общении представителей различных культур. Этикетные нормы разных стран регламентируют поведение людей в различных ситуациях [11, 14]. Смерть не является исключением, более того, любые связанные с ней обсуждения немедленно блокируются различными способами. Это объясняет недостаточную разработку некролога с позиций лингвистического, культурологического и социолингвистического анализа.

Целью данной статьи является рассмотрение некролога не просто как жанра, но и как части институционального дискурса, отвечающего всем его характеристикам и требованиям. Не менее важно учитывать и содержание самого текста.

При написании этой статьи перед нами стояли следующие задачи:

- уточнить ключевые термины: «некролог», «дискурс», «институциональный дискурс»;
- описать специфику некрологов;
- выявить тенденции в написании некрологов;
- охарактеризовать некролог как жанр институционального дискурса.

Объектом нашего исследования является некролог как один из жанров институционального дискурса.

Предметом данного исследования можно считать языковые единицы, используемые при передаче личных характеристик человека с учётом его жанрово-стилистической специфики.

В теоретический обзор данной статьи включены работы таких авторов, как Л. С. Бейлинсон [1], И. П. Сусов [10], А. Н. Васильева [3], В. И. Карасик [5], Н. В. Картаясова [6], С. Т. Пальчук [8], О. Н. Евдокимова [4] и др.

В качестве эмпирического материала были использованы тексты некрологов членов королевской семьи Великобритании, представленных на официальном сайте британской газеты «The Guardian».

Все люди так или иначе понимают, какие темы разговоров следует затрагивать в обществе, а каких следует избегать. Такие темы можно определить как открытые и закрытые [12]. Каждая из них имеет определённые характеристики.

Открытые темы – это темы, которые человек свободно (открыто, публично) готов обсуждать, слушать, развивать или поддерживать при общении в обществе, а также наедине с кем-либо или в интимной обстановке. Это значит, что оппонент не будет ставить никаких препятствий при общении на эти темы и они не вызовут у него негативных эмоций и реакций.

Закрытые темы – это такие, которые собеседник не желает ни обсуждать, ни затрагивать в широком кругу. В узком кругу общение на подобные темы возможно, но с осторожностью. Подобные темы обычно вызывают эмоциональный дискомфорт и неприязнь. Если человек отказывается их поддерживать, он будет стараться игнорировать, перебивать своего собеседника или отрицать некоторые из его высказываний.

Смерть – это тема, которую нельзя открыто затрагивать в обществе, но с которой рано или поздно сталкивается каждый, будь то смерть близкого человека или смерть значимой в истории страны личности. Это явление, которое сопровождается трагедией, эмоциональным и моральным давлением, горем. Невозможно предугадать, когда это произойдёт, поэтому в случае смерти особо значимого человека обществу необходимо быстро реагировать. Одной из таких реакций становится некролог – текст, который обычно публикуется в СМИ в честь умершего в день его смерти.

Некрологом называют речь или письменное посвящение памяти умершего человека, и компоненты этого слова точно соответствуют его значению – они образовались сложением греческих слов *nekros* – «смерть» и *logia* – «слово» [7].

В качестве основы для нашего исследования мы рассмотрели следующие определения некролога:

Некролог – это официальное информирование общественности организацией, фирмой или группой лиц о смерти своего работника или общественно значимого лица [4, 58].

Некролог – это статья о недавно умершем человеке, содержащая биографические сведения о нём и оценку его деятельности [6, 36].

Некрологи пишутся как для широкой аудитории (люди со всего мира, жители одной страны и т. д.), так и для меньшей (семья, коллеги, жители одного города и т. д.). Некрологи делятся на два типа: краткий и расширенный. Оба вида некрологов содержат информацию о смерти человека, его персональные данные, такие как имя, возраст, должность, а также сведения о похоронах, дате и месте их проведения. Неотъемлемой частью некролога является также выражение соболезнования. Единственным отличием расширенного некролога от краткого является наличие в первом ти-

пе биографических данных об умершем во всех подробностях, а также описание его карьеры и личных характеристик.

Краткие некрологи можно найти как в печатных газетах, так и на интернет-ресурсах газет в качестве небольшой траурной записи, их могут написать родственники умершего, его друзья и коллеги, а также журналисты, работающие в редакции журнала или газеты. Расширенный некролог публикуется в виде целой статьи, его обычно пишут специальные журналисты. Сегодня такие некрологи можно публиковать на сайтах местных, региональных и республиканских газет, размещать на досках объявлений по месту работы сотрудника.

Некролог можно отнести к институциональному жанру. Это значит, что данный текст будет актом письма, в котором автор в центре внимания поставит человека, принадлежащего к определённому институту. В некрологе умерший описывается не просто как человек, а как человек, принадлежащий к определённому социальному, профессиональному слою общества. Также важно указать его достижения, полученные за время жизни.

Говоря о последовательности высказывания, стоит упомянуть такое понятие, как дискурс, а именно институциональный дискурс.

За основу мы взяли определение дискурса И. П. Сусова: «Связные последовательности речевых актов называются дискурсом» [10, 40]. Автор утверждает, что сообщение, передаваемое от писателя к читателю и имеющее определённую хронологию, представляет собой не что иное, как текст, оставляющий обществу информационный след в письменной форме, что характерно для дискурса.

Российский лингвист, доктор филологических наук В. И. Карасик в своей работе, посвящённой рассмотрению дискурса, выделяет следующие его виды: личностный и институциональный. Он даёт следующее определение институционального дискурса: «коммуникация в заданных рамках статусно-ролевых отношений» [5, 61]. Помимо этого, в своём исследовании он отмечает наличие различных видов институционального дискурса, включая политический, дипломатический, административный, правовой и др. [5, 62].

В своём исследовании коммуникативно-прагматической модели жанра «некролог», С. Т. Пальчук и Т. Б. Маклакова подчёркивают, что «...98 % информации некролога – про жизнь. В нём только два предложения о том, где и в каком возрасте человек умер. А весь остальной текст – это трактовка жизни этого человека» [8, 165]. При этом в данных текстах, кроме биографии, есть и личная оценка умершего автором, выраженная в лексико-стилистическом своеобразии текста. Несмотря на то что у некролога есть уже традиционно принятая структура, его составление является непростой задачей, т. к. автору необходимо иметь как можно больше достоверных сведений из биографии умершего человека. Н. В. Картавусова в своей работе обращает внимание на то, что «сложность работы с некрологом заключается в том, что автор не может творить события и характеристики по своему усмотрению, он может их только организовывать, строить, включать в круг проблем своего творчества» [6, 98]. Некролог также отличается отсутствием рамок для выражения собственного мнения автором об умершем, он может комбинировать в себе черты таких литературных жанров, как эссе, критическая статья или воспоминание, если мы хотим подчеркнуть художественное своеобразие некролога. В частности, художественный некролог старается продемонстрировать обществу достойный портрет ушедшего и содержит воспоминания о его профессиональной и личной жизни. Однако самое принципиальное в составлении такого рода текстов – передача особенностей характера человека, а не простое перечисление важнейших дат в хронологии жизни усопшего.

В качестве эмпирического материала мы использовали некрологи членов королевской семьи Великобритании, а именно Дианы, принцессы Уэльской, принца Филиппа, герцога Эдинбургского и королевы Елизаветы II. Эти некрологи были опубликованы на официальном сайте британской газеты «The Guardian» 1 сентября 1997 г., 9 апреля 2021 г. и 8 сентября 2022 г., в дни их смерти. Автором некрологов Елизаветы II и принца Филиппа является Стив Бейтс [14; 15] – бывший королевский корреспондент «The Guardian» по религиозным вопросам; автором некролога принцессы Дианы является Чарльз Нэвин [13].

Разберём структуру одного из некрологов, посвящённого принцессе Диане. В начале текста автор приводит пример того, какой была принцесса Диана в глазах общественности. Большинство людей считали, что у принцессы была сказочная, беззаботная жизнь, что подтверждалось её благородным происхождением, привлекательной внешностью, чистотой характера и браком с королевским принцем. Но это была лишь её внешняя оболочка: «*She was, it was often said, though not so much of late, a fairytale princess*» [13].

Далее большую часть некролога занимает биография принцессы Уэльской от самого рождения: её воспитание, отношения между её родителями, учёба в школе-интернате в Ридлсворт-холл, брак и развод с принцем Чарльзом, их дети. Также уделяется внимание её социальной значимости, благотворительной деятельности, публичным выходам и интервью. Лишь в последнем абзаце есть упоминание о сомнительной причине её смерти и скрытая скорбь. Последнее предложение – дата рождения и смерти принцессы Уэльской, леди Дианы Фрэнсис Спенсер.

Говоря о лексической составляющей, на примере данного отрывка можно сделать вывод, что написание некролога – это кропотливый труд и искусство, наполненное не только биографическими фактами, но и многообразием эмоциональной лексики. В тексте присутствует некоторое количество орфографических, пунктуационных и грамматических ошибок, например: «*It was a curious relationship, that between Diana and her photographers*», «...he had been bullied into the marriage by his father he had...» [13] и т. д. Это оправдывается тем, что смерть наступает внезапно, поэтому некрологи пишутся быстро, ведь они должны быть опубликованы в тот же день, когда умер человек, особенно, если речь идёт о члене королевской династии.

Язык некролога одновременно лёгок для восприятия и доступен для прочтения широкой аудитории, которая владеет английским на среднем уровне, но всё же иногда можно встретить лексику довольно высокого уровня, например, такие прилагательные и наречия, как «*disorienting, voluminous, emotional, fragile, needy, vivid*» – «дезориентирующий, объёмный, эмоциональный, хрупкий, нуждающийся, яркий» и др. В тексте также встречаются идиомы и фразовые глаголы, которые будут неуместны в разговорной речи: «*all but – едва ли не все*», «*up for grabs – доступный всячому желающему*», «*break with – разорвать отношения*», «*crammed with – переполнено*».

В этих статьях соблюдены все требования к составлению некролога. Во-первых, в тексте есть определённая структурная композиция: повод, а именно смерть члена королевской семьи, его биография с момента рождения до последнего дня жизни, описание их общественной и политической деятельности, соболезнования автора. Во-вторых, в тексте присутствует присущая этому жанру эмоциональная окраска: использование лексики, описывающей личные особенности умершего(ей), его или её поведение в обществе, манеру общения, например: «*Even devoted monarchists knew of her only at second hand, as a cipher, a still, small, largely silent, smiling figure, bound by her sense of duty and service, surrounded by turmoil and hubbub*» – «Даже преданные монархисты знали о ней только из вторых рук как о загадочной, неподвижной, маленькой, в основном молчаливой, улыбающейся фигуре, связанной своим чувством долга и служения, окружённой суматохой и гвалтом» [13]. В-третьих, эти монологи посвящены крупным политическим деятелям, опубликованы в крупном издательстве, узнаваемом во всём мире, и они оставляют глубокий исторический след для общества.

Заключение. На первый взгляд, написание некролога не вызывает больших затруднений, достаточно просто иметь сведения о личности умершего человека и на основе этого написать трагический текст. Фактически процесс написания такого рода текста требует от его автора выполнения ювелирной работы, сочетающей в себе сдержанность и эмоциональность в высказываниях, описание не только человека, но и члена общества, соблюдение формальности с использованием богатого языкового фонда.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые подходы к изучению некролога, описали основные характеристики дискурса, а именно институционального дискурса, а также на конкретном примере доказали, что некролог в полной мере можно считать жанром институционального дискурса по следующим критериям:

- некролог – это связный текст, имеющий чёткую структуру и хронологию высказываний, а именно описание жизни человека от его рождения до смерти;
 - некролог может быть посвящён как простому человеку, так и крупному общественному деятелю, который при жизни имел определённые статусно-ролевые отношения;
 - в некрологе выполняется основная характеристика институционального дискурса, заключающаяся в «конструировании социальных смыслов» [9, 297]. Это чётко выстроенная система устойчивых формальных и неформальных норм и правил, которые позволяют регулировать общественные отношения.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что некролог является отдельным жанром в рамках институционального дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейлинсон, Л. С. Функции институционального дискурса / Л. С. Бейлинсон // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия филология. – 2009. – № 3 (7). – С. 142-147.
 2. Букина, Т. Г. Этикет как библиографический жанр: этикетно-прагматический аспект / Т. Г. Букина // Проблемы образования, науки и культуры. – 2020. – Т. 26. – № 2. – С. 35-41.
 3. Васильева, А. Н. Газетно-публицистический стиль речи: курс лекций по стилистике русского языка / А. Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1982. – 198 с.
 4. Евдокимова, О. Н. Языковые и стилистические особенности траурных речевых жанров: на материале англоязычной газетной периодики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Евдокимова Ольга Николаевна. – Курск, 2010. – 25 с.
 5. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
 6. Картайсова, Н. В. Некролог как своеобразная форма литературного портрета / Н. В. Картайсова // Ценности и смыслы. – 2010. – С. 90-99. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekrolog-kak-svoeobraznaya-forma-literaturnogo-portreta> (дата обращения: 12.02.2023). – Текст: электронный.
 7. Некролог // LEXICOGRAPHY.online.ru: этимологический онлайн-словарь. – URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/n/некролог> (дата обращения: 11.10.2023). – Текст: электронный.
 8. Пальчук, С. Т. Коммуникативно-прагматическая модель речевого жанра «Некролог» / С. Т. Пальчук, Т. Б. Маклакова // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. – Казань: «Бук», 2016. – С. 35-41.
 9. Попова, Т. П. Характеристики институционального дискурса / Т. П. Попова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 6, ч. 2. – С. 295-300.
 10. Сусов, И. П. Введение в языкознание: учеб. / И. П. Сусов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 384 с.
 11. Национально-культурные особенности делового этикета в Китае / Чэн Шаша, Г. А Шушарина, Т. А. Чебанюк, Т. Е. Наливайко, Ю. С. Пестушко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № VIII (48). – С. 12-16.
 12. Шунейко, А. А. Закрытые темы в лингвокультурах: тождество в форме многообразия / А. А. Шунейко, О. В. Чибисова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2016. – Т. 15. – № 4. – С. 197-206.
 13. Nevin, Ch. «Diana, Princess of Wales obituary» // GUARDIAN.COM: новостной портал. – URL: <https://www.theguardian.com/news/1997/sep/01/guardianobituaries.monarchy> (дата обращения: 11.10.2023). – Текст: электронный.
 14. Bates, S. «Queen Elizabeth II obituary» // GUARDIAN.COM: новостной портал. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2022/sep/08/queen-elizabeth-ii-obituary> (дата обращения: 11.10.2023). – Текст: электронный.
 15. Bates, S. «Prince Philip, the Duke of Edinburgh, obituary» // GUARDIAN.COM: новостной портал. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2021/apr/09/prince-philip-the-duke-of-edinburgh-obituary> (дата обращения: 11.10.2023). – Текст: электронный.

Мусалитина Е. А.
E. A. Musalitina

ФЕНОМЕН КОМПЛИМЕНТА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ И КИТАЯ

THE PHENOMENON OF COMPLIMENT IN MODERN RUSSIAN AND CHINESE CULTURE

Мусалитина Евгения Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Evgenia A. Musalitina – PhD in Culture Studies, Assistant Professor, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Аннотация. В настоящее время наблюдается повышение интереса к проблемам выстраивания межличностной коммуникации, особенно если речь идёт о межкультурном взаимодействии. Специалисты разных сфер предлагают способы установления позитивной атмосферы общения, расположения партнёра к сотрудничеству, снятия напряжения в процессе деловой и повседневной коммуникации. Одним из инструментов для достижения этих целей является комплимент. Разработка способов повышения эффективности межкультурной коммуникации требует знания этикетных особенностей национальных культур России и Китая. Статья посвящена представлению результатов эксперимента, направленного на выявление национальных особенностей комплиментарной сферы русских и китайцев: выявляется общее и различное в мотивационной сфере; устанавливаются основные тематические блоки комплиментов; анализируются культурно-исторические факторы формирования современных национальных представлений о комплименте. Особое внимание уделяется идеи о необходимости первостепенного изучения национальной комплиментарной традиции, а не ограничений, вызванных табуированием некоторых тематических групп комплиментов.

Summary. Currently there is special interest in the problems of setting interpersonal communication, especially when it comes to intercultural interaction. Experts in various fields offer ways to establish positive atmosphere of communication, to encourage a partner to cooperate, and to relieve tension in the process of business and everyday communication. One of the tools to achieve these goals is a compliment. Developing ways to increase the effectiveness of intercultural communication requires knowledge of the etiquette of peculiarities of national Russian and Chinese cultures. The article is devoted to presenting the results of an experiment aimed at identifying the national characteristics of the complementary sphere of Russians and Chinese: common and different sides in motivational sphere are revealed; the main thematic blocks of compliments are established; cultural and historical factors in the formation of modern national ideas about a compliment are analyzed. Particular attention is paid to the idea of the importance for primary study of the national complimentary tradition, and not the restrictions caused by the taboo of certain thematic groups of compliments.

Ключевые слова: комплимент, культура России, культура Китая, межкультурная коммуникация.

Key words: compliment, Russian culture, Chinese culture, intercultural communication.

УДК 008

Понимание актуальности исследования комплимента как феномена культуры в первую очередь требует обращения к трансформациям, произошедшим в социокультурной реальности современного общества. Анализируя исторический опыт прошлого, можно отметить, что личные контакты, вербальное общение всегда составляли важную часть как повседневной, так и профессиональной сферы деятельности человека. На протяжении многих веков развитие навыков вести беседу на широкий круг тем, слушать собеседника, обладать тонким и деликатным юмором, отмечать выдающиеся черты партнёра, т. е. делать комплимент в его адрес, считались ключевыми задачами в воспитании достойного человека как в российском, так и в китайском обществе. Пони-

мание способов повышения эффективности межкультурной коммуникации требует знания этикетных особенностей таких разных и одновременно таких близких культур, как русская и китайская.

Однако в настоящее время наблюдается ослабление роли «живого» общения. В современном мире, когда все сферы общества трансформируются под воздействием повсеместной цифровизации, межличностное общение также приобретает новые ориентиры и формы. Катализатором перехода коммуникации в сферу онлайн стала пандемия COVID-19, когда онлайн-общение за пределами бытовой коммуникации стало скорее исключением. Новая форма взаимодействия вошла в мир человека резко, неожиданно, требуя от общества пересмотра принципов ключевых основ коммуникации, способов установления личных контактов. В результате, обращаясь к решению острых проблем новой социокультурной среды, социум развернулся в сторону когнитивного общения – обмена актуальной информацией, новыми знаниями. При этом кондиционная (эмоциональная) коммуникация была вытеснена когнитивной, т. е. личная онлайн-коммуникация вне делового формата практически исчезла как форма неформальной коммуникации на период пандемических ограничений.

Новый формат онлайн-взаимодействия требует от его участников умения быть лаконичным, точным в формулировках, отказа от вербальных оценок, которые в онлайн-общении, в отличие от общения в сети, обычно сопровождаются невербальными средствами и поэтому воспринимаются однозначно. В силу этих трансформаций ослабла и роль комплимента как элемента культуры коммуникации.

После постепенного снятия пандемических ограничений и возврата к онлайн-взаимодействию многие изменения сохранились, прочно закрепившись в системе коммуникации. С этой тенденцией связаны и изменения этикетных аспектов, которые, в свою очередь, регламентируют правила комплементарной речи, т. е. речевых актов, связанных с комплиментами [9]. Однако стоит отметить, что не вполне правомерно соотносить понятие комплимента и правила, поскольку правило всегда предполагает соблюдение инструкции, определённые ограничения, тогда как комплимент является элементом «живого» общения, которое предоставляет большие возможности выбора и вариативности [7]. Таким образом, в настоящее время наблюдается повышение интереса к проблемам выстраивания эффективной межличностной коммуникации, особенно если речь идёт о межкультурном взаимодействии. Специалисты разных сфер предлагают способы установления позитивной атмосферы общения, расположения партнёра к сотрудничеству, снятия напряжения в процессе деловой и повседневной коммуникации. Несомненно, одним из инструментов для достижения этих целей является комплимент.

Анализ современных отечественных и зарубежных лингвокультурных исследований показывает, что традиционно рассматривается сфера ограничений, касающихся комплиментов. Таким образом, ключевой идеей этих исследований является представление о возможности функционирования комплимента строго в рамках традиций национальной культуры, в свою очередь, табу в сфере комплиментов накладывается на всё, что выходит за эти рамки [1, 98]. Однако в многочисленных попытках исследовать лингвокультурные аспекты комплимента остаются лакуны в осознании этого феномена, функционирующего в представлениях носителей национальной культуры. При этом изучение лингвокультурных проблем сквозь призму этнических особенностей образа мыслей представляется особенно актуальным. Комплексный подход к рассмотрению комплимента как элемента культуры, в рамках которого традиционное и современное рассматриваются как симбиоз, а не две противоположности, способствует более глубокому осознанию национальных особенностей культуры комплимента.

Рассматривая феномен комплимента, необходимо отметить, что в большинстве исследований он анализируется как элемент речевого этикета и определяется как особый речевой жанр (В. В. Леонтьев) [12]. При этом комплимент может объединять в себе отдельные функции других этикетных жанров, таких как приветствие, прощание, поздравление, выражение признательности и др. Согласно определению лингвиста Е. М. Вольф, комплимент представляет особый вид речевого акта, целью которого является вызов эмоционального отклика собеседника [2, 102]. Таким

образом, можно сделать вывод о том, что в качестве первостепенной функции комплимента отмечается эмоциональное воздействие на собеседника с целью установления определённых социальных связей [11].

Форма и адресат комплимента определяют его специфику. Е. С. Петелина выделяет следующие типы комплиментов: прямой комплимент, который предполагает обращение непосредственно к собеседнику с целью положительной оценки его внешних и внутренних качеств; взаимный комплимент, чаще всего представляющий форму диалога, в ходе которого оба партнёра хвалят достоинства друг друга; косвенный комплимент – похвала, которая выражена не прямо, а опосредованно через ряд сопутствующих речевых актов, а также невербальные средства коммуникации (мимика, жесты и т. д.) [7].

С целью выявления представлений о значимости комплимента в межличностной коммуникации был проведён мини-опрос представителей двух национальных культур. В эксперименте приняли участие 50 российских и 50 китайских респондентов в возрасте от 18 до 50 лет. Участникам опроса было предложено ответить на следующие вопросы, связанные с их восприятием комплимента:

1. Любите ли Вы получать комплименты?
2. Часто ли Вы делаете комплименты?
3. Что в человеке Вы отмечаете комплиментом?

В результате опроса было установлено, что большинство российских респондентов положительно относятся к получению комплиментов: 93 % ответили «да» на данный вопрос. При этом отвечающие отметили, что не знают, как реагировать на похвалу, поэтому в большинстве случаев комплиментарный речевой акт в их адрес вызывает смущение. Однако российские респонденты отметили, что сами часто делают комплименты собеседнику как в повседневном, так и в деловом общении.

Среди китайских респондентов зарегистрировано больше тех, кто не любит принимать комплименты, при этом сами делают их другим людям: только 68 % опрашиваемых ответили положительно на первый вопрос.

Полученные данные позволили выделить основные тематические блоки прямых комплиментов и провести сравнительный анализ их частотности среди представителей русской и китайской культур. Обратимся к рассмотрению тематической сферы комплиментов, характерных для русских респондентов (см. табл. 1).

Таблица 1
Результаты опроса русских респондентов

Качества, отмечаемые комплиментом	Количество респондентов
1. Характер	39 чел. из 50
2. Деловые качества, навыки и умения	37 чел. из 50
3. Внешность	35 чел. из 50
4. Улыбка	26 чел. из 50
5. Причёска	23 чел. из 50
6. Парфюм	21 чел. из 50
7. Остроумие	16 чел. из 50
8. Одежда	15 чел. из 50
9. Аксессуары	9 чел. из 50
10. Фигура	9 чел. из 50
11. Чувство юмора	7 чел. из 50
12. Образ в целом	2 чел. из 50

Как видно из приведённых данных, в русской культуре преобладают комплименты, связанные с характеристикой морально-этических и профессионально-деловых качеств человека. Однако

значительное место занимают комплименты, связанные с внешностью. Особую актуальность эта группа комплиментов приобретает в отношении женского пола. Для российской культуры не характерны предрассудки, связанные с феминистическими идеями, свойственные современной западной культуре [5]. Этикетные формы уважительного отношения к женщине (придержать дверь при входе в помещение, уступить место в общественном транспорте, помочь снять и надеть верхнюю одежду, сделать комплимент по поводу внешности) не считаются проявлением сексизма, а, напротив, прививаются с детства как составляющие хорошего воспитания [3, 256]. В качестве основных мотивов комплимента русские респонденты отмечают стремление расположить к себе собеседника и тем самым улучшить отношение к себе. То есть комплимент становится средством удовлетворения личных интересов [4].

Обратимся к анализу данных опроса китайских респондентов (см. табл. 2).

Таблица 2
Результаты опроса китайских респондентов

Качества, отмечаемые комплиментом	Количество респондентов
1. Характер человека	43 чел. из 50
2. Деловые качества	41 чел. из 50
3. Успехи, достижения	38 чел. из 50
4. По тому, что человек делает для других	23 чел. из 50
5. Достоинства в широком смысле	19 чел. из 50
6. Одежда	19 чел. из 50
7. Материальные достижения (то, что смог приобрести, сам заработав на это)	16 чел. из 50
8. Фигура	11 чел. из 50
9. Кулинарные способности	8 чел. из 50
10. Красота	7 чел. из 50

Как видно из табл. 2, сфера комплиментов в китайской культуре в основном связана с морально-этическими характеристиками человека и его деловыми качествами. Китайцы отмечают, что хвалят для того, чтобы поднять настроение собеседнику, выразить высокую оценку его достижений.

Необходимо отметить, что в личной беседе китайцы выражали мысль о том, что с осторожностью относятся к комплиментам. Это связано с древней китайской традицией, согласно которой «необходимо быть скромным», избегать похвалы в свой адрес, одновременно отмечая достоинства собеседника. Особого внимания заслуживает тот факт, что данную точку зрения разделяют как пожилые китайцы, так и молодёжь, что доказывает глубокое влияние национальных традиций в регулировании многих общественных сфер.

Древние традиции конфуцианского учения не утратили свою актуальность в настоящее время, поэтому в Китае деловые отношения и взаимодействие на бытовом уровне строятся по иерархической модели, согласно которой особое почтение оказывается старшему поколению. Иерархичность распространяется и на коммуникацию в сфере бизнеса, когда руководитель занимает более высокое социальное положение, чем подчинённые [6]. Такая ситуация может быть объяснена историческим контекстом: во времена имперского Китая правитель и чиновники, приближённые к императорскому двору, были наделены особым сакральным статусом. В силу сложившейся традиции современные китайские начальники не делают комплименты сотрудникам, однако работники, напротив, часто делают комплименты руководству, что в некоторых случаях становится примером преувеличения и трансформируется в лесть.

Согласно традиционным представлениям мужчина является главой семьи, его роль с древних времён определялась как прототип императора в государстве. Таким образом, модель «Император – наместник Бога на Земле» переносилась и на мужчину. При этом женщина находилась на

более низкой ступени социальной лестницы [11]. Несмотря на то что в современном Китае стёрги границы социального неравенства по половому признаку, в обществе сохраняется представление о том, что комплимент мужчины в адрес женщины не является нормой. Вышеописанный культурно-исторический контекст обуславливает китайскую традицию отмечать комплиментами достижения и личные качества человека, не делая акцент на половой принадлежности [8].

Подводя итог, подчеркнём, что, несмотря на общедоступность и широкое употребление, комплимент является сложным ментальным феноменом, представляющим некий симбиоз национально обусловленных особенностей и общечеловеческого культурного наследия. С одной стороны, национальная культура оказывает определяющее влияние на формирование устойчивых мотивов комплиментарной сферы и, следовательно, регулирует ситуативные рамки их употребления. С другой стороны, можно говорить о том, что комплимент как элемент этикета выходит за рамки национального менталитета и принадлежит к сфере общечеловеческих ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, А. Н. Комплимент как средство речевой коммуникации / А. Н. Васильева. – М.: ПРИОР, 2018. – 247 с.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 3-е изд., стер. – М.: УРСС: КомКнига, 2006. – 283 с.
3. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 1. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2016. – 364 с.
4. Жэнь, Ж. Визуализационный анализ изучения комплимента в России / Ж. Жэнь // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2019. – № 4. – С. 55-60.
5. Малышева, Н. В. Гендерная идентификация и «культура отмены» в современном обществе / Н. В. Малышева, С. А. Коваленко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № IV (60). – С. 28-32.
6. Мусалитина, Е. А. Влияние медиакультуры на формирование эстетического мышления российской молодёжи / Е. А. Мусалитина // Социокультурные исследования в современном культурном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Астрахань, 28 октября 2021 года / под ред. Е. В. Хлыщевой [и др.]. – Астрахань: Астраханский университет, 2021. – С. 133-134.
7. Петелина, Е. С. Некоторые особенности речевых актов похвалы и лести / Е. С. Петелина // Синтагматический аспект коммуникативной семантики. – Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкар. ун-та, 2019. – С. 150-154.
8. Сбоева, Д. А. Речевая тактика комплимента в русском медийном диалоге (на фоне китайского языка) / Д. А. Сбоева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – № 6. – С. 1741-1748.
9. Стернин, И. А. Экспериментальные методы в лингвистической концептологии / И. А. Стернин // Психолингвистические аспекты речевой деятельности. – Екатеринбург: УрГПУ, 2006. – С. 102-113.
10. Сяо, Я. Китайские лингвистические термины в современном русском языке (по данным Национального корпуса русского языка) / Я. Сяо // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 1 (80). – С. 362-364.
11. Цинь, П. Субжанр комплимент в деловом письме-поздравлении (на материале русского и китайского языков) / П. Цинь // Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов: сборник докладов IX Всероссийской научно-практической конференции, Томск, 24-26 апреля 2019 года / Томский политехнический университет. – Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2019. – С. 402-406.
12. Шушарина, Г. А. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации в деловом общении / Г. А. Шушарина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № VIII (56). – С. 73-78.

Назаров М. А., Прокофьева В. Ю.
M. A. Nazarov, V. Yu. Prokofeva

ЭСКАПИЗМ КАК ОБЪЕКТ КИНЕМАТОГРАФА: ПОПЫТКА ТИПОЛОГИИ

ESCAPISM AS A CINEMA OBJECT: AN ATTEMPT OF TYPOLOGY

Назаров Михаил Антонович – аспирант направления «Экономика» Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: nma_99@mail.ru.

Michael A. Nazarov – Postgraduate Student Major in Economics, V. I. Ulyanov (Lenin) St. Petersburg State Electrotechnical University (Russia, St. Petersburg). E-mail: nma_99@mail.ru.

Прокофьева Виктория Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры медиакоммуникационных технологий Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: vicproc1999@gmail.com.

Viktoria Yu. Prokofeva – Grand Ph. D. in Philological Science, Full Professor, St. Petersburg State Institute of Film and Television (Russia, St. Petersburg). E-mail: vicproc1999@gmail.com.

Аннотация. В статье ставится проблема представления эскапистских моделей средствами кинематографа. Универсальный культурный феномен – эскапизм – отражается в кино в качестве моделей, типология которых предлагается в данной статье. Шесть моделей представляют следующие типы киноэскапизма: позитивный (байопики о деятелях искусства); негативный (фильмы о зависимостях, связанных с употреблением веществ); эскапизм исторический, отражающий формы побега от действительности в тот или иной культурный период; эскапизм, связанный с игровой интерактивностью (фильмы об играх, в том числе и компьютерных, и их воздействии на личность), эскапизм киновселенных, основанных на фэнтезийных мирах, формирующий свои фэндомы; киномодель, демонстрирующая временность эскапистских побегов и призывающая вернуться к действительности и оценить жизнь.

Summary. The article raises the problem of representing escapist models by means of cinematography. A universal cultural phenomenon – escapism – is reflected in cinema as models, the typology of which is proposed in this article. Six models represent the following types of film escapism: positive (biopics about artists); negative (films about addictions associated with the use of substances); historical escapism, reflecting forms of escape from reality in a particular cultural period; escapism associated with game interactivity (films about games, including computer games, and their impact on a person); escapism of movie universes based on fantasy worlds that form their own fandoms; a film model who demonstrates the temporality of escapist escapes and calls to return to reality and appreciate life.

Ключевые слова: эскапизм, кинематограф, игровое кино, моделирование, типология.

Key words: escapism, cinematography, feature films, modeling, typology.

УДК 008:316.33/.35

На протяжении развития человечество сталкивается со множеством кризисов и испытаний, которые формируют и определяют его бытие: природные катаклизмы, экономическая нестабильность, войны, эпидемии, социальное неравенство, голод и т. п. Экзистенциальный кризис выбивает человека из равновесия и привычной ему среды, побуждая его искать новые способы обретения баланса в установившихся реалиях и адаптации к ним с целью избавления от раздражителя, исходящего из окружающей среды. Наиболее доступным решением этой проблемы становится такой универсальный культурный феномен, как эскапизм – побег от действительности в иную реальность.

Термин «эскапизм», возникший в психологии, вошёл в другие гуманитарные науки, означая частичный или полноценный уход человека от реальности в изменённую и/или дополненную

реальность, где проблемы исчезнут хотя бы на время. Зачастую такое поведение индивида обусловлено желанием нейтрализовать раздражитель окружающей среды. В наши дни наблюдается рост тенденции подобного бегства в иные миры, что обусловлено рядом факторов:

- полярностью безграничной свободы в определении собственного жизненного пути и социальных рамок, культурирующих определённые поведенческие нормы;
- медиатизацией общества, под которой понимается распространение зон применения виртуальной реальности и её роли в жизни современного человека;
- рутинизацией социальной жизни с монотонным ежедневным выполнением однотипного алгоритма действий;
- процессом внедрения артефактов инореальности (фантазий, сказок, элементов кино-, телефильмов, компьютерных игр) в реальность.

Исследование эскапистских проявлений в жизни социума сейчас крайне востребовано, о чём свидетельствует растущее число научных публикаций. Только научная электронная библиотека «КиберЛенинка» за три последних года предлагает около тысячи статей об эскапизме, определяющих его как одну из актуальных проблем, вытекающую из существенной трансформации принятых социокультурных моделей на фоне глобализации, цифровизации и информатизации при параллельном процессе рутинизации жизни.

Исследователи ищут различные подходы к этому феномену, предлагают его классификации и типологии [3], определяют его функции и границы [2], связывая его по большей части со сферой культуры, анализируют его проявления в отдельных видах культурной экзистенции [4; 5]. Что касается типологизации, то эскапизм разделяют либо по двум основаниям, в соответствии с оценкой результатов для человека или внешним/внутренним мирами, на «положительный» и «отрицательный» [3], «мягкий» и «жёсткий» [9], инструментальный и экзистенциальный [4], либо по трём, в соответствии с механизмами, на физический (воздействие на сознание с помощью веществ), эстетический (воздействие на чувства искусством) и психофизический (воздействие и на сознание, и на чувства в процессе интерактивных игр, в том числе компьютерных) [6]. Говоря о необходимости новых подходов к изучению этого феномена, исследователи предлагают относиться к нему не как к бегству от мира, а как к «способу переосмыслиния картины мира» и «осознанной деятельности, направленной на создание новой субъективной реальности» [1, 73].

В то время как учёные изучают эскапизм теоретически, кинематограф использует его как средство для построения сюжетов и характеров, предлагая зрителю художественное воплощение проблемы, с которой сталкивался каждый, на экране. Кинематограф, сам по себе являющийся «эстетическим эскапизмом» [6], обращается к этому феномену, моделируя на экране ту или иную форму побега от реальности или переосмыслиния своих ситуаций. И в соответствии с «основным законом зрительского восприятия кинематографа – механизмом партиципации» [6, 15], т. е. соучастия и сопричастности зрителя происходящему на экране, возникает возможность примерить киномодели на собственную жизнь и переосмыслить её восприятие, если в этом есть необходимость.

Тема «Эскапизм и кинематограф» только начинает формироваться в науке, отдельные наблюдения встраивают киноэскапизм в пространство массовой культуры [10] или выявляют его стилеобразующие черты [7]. Попробуем типологизировать предлагаемые игровым кино эскапистские ситуации, расширив существующие варианты этого феномена.

1. Эскапизм созидательный. Это, как правило, байопики, посвящённые реальным творческим людям, показывающие эскапизм как способ реализации личностного, профессионального, творческого и/или любого другого потенциала. Множество экраных произведений, где затрагивается тема созидающего эскапизма, носит жизнеутверждающий характер, т. к. это продуктивный процесс побега в инореальность с целью воплощения собственного творческого потенциала, будь то создание предметов искусства или технологий, обеспечивающих более комфортную жизнь человеку. Созидательный эскапизм позволяет главному герою фильма остаться в истории культуры, спорта, науки, страны и/или мира благодаря результатам собственных усилий в рамках интересующей его области. Фильмы такого типа мотивируют на рефлексию окружающей среды, стимулируют рости и совершенствоваться – это главный посыл такого кино.

В биографической мелодраме «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского» (реж. А. Зархи, 1980) сюжет основан на уходе русского классика от внешнего мира в творческий процесс – создание романа «Игрок». Во время работы над текстом происходит вмешательство реальности в его инореальность: ему в помощь присыпают юную стенографистку А. Сниткину, которую Достоевский также погружает в созданный им мир азартной игры. В фильме «Легенда № 17» (реж. Н. Лебедев, 2013) показано увлечение хоккеем, перерастающее в страсть, такой побег в определённый вид деятельности, захватывающий В. Харламова до конца, рождает спортивную легенду страны. «Пианист» (реж. Р. Полански, 2002) – военная драма о созидательном побеге польского пианиста Владислава Шпильмана от гнетущего быта оккупированной Польши в мир классической музыки.

Эта модель «положительного» эскапизма показывает многообразие способов нахождения себя в творчестве, профессии, искусстве.

2. Эскапизм негативный. Это фильмы, в которых показан «отрицательный» эскапизм, подразумевающий уход в инореальность за счёт саморазрушения и нанесения себе физического и психического ущерба. Орудием для самоуничтожения оказываются вещества, результатом такого побега становится диагноз: алкоголизм, наркомания, психические отклонения. Число таких картин велико и постоянно множится, жанровое многообразие позволяет моделировать деструктивность человеческого бытия и в драме, и в комедии, гибридизация жанров выводит на первый план трагедию маленького человека, драму его семьи, абсурд или иронию.

В «Реквиеме по мечте» (реж. Д. Аронофски, 2000) перед зрителем разыгрывается драма о человеческой зависимости от психотропных веществ, которая разрушает жизнь героев как в реальном, так и инореальном мире; в комедии «Ещё по одной» (реж. Т. Винтерберг, 2020) герои пытаются преодолеть внутренний кризис за счёт искажения реальности при помощи алкоголя; только что вышедший сериал «Король и шут» (реж. Р. Мосафир, 2023) рассказал о побеге фронтмена одногруппы Михаила Горшенёва в самосочинённый мир фантазий, где он «страждущий герой», но развитию сказки препятствует наркозависимость.

3. Эскапизм «исторический». Это либо фильмы исторического жанра, либо о временных перемещениях и «попаданцах». Ретроспективная реальность может как не иметь ничего общего с исторической действительностью, так и опираться на неё. Здесь важно моделирование эпохи, зритель в этом случае не примеривает на себя показываемый способ эскапизма, а переносится в прошлое и проживает его, отвечая себе на вопрос: «А как оно было раньше?»

В киномюзикле «Стиляги» (реж. В. Тодоровский, 2008) показан мир субкультуры стиляг – молодёжи Москвы 1950-х, которая своим внешним видом бросает вызов устоявшейся в коммунистической столице действительности, пытаясь внести элементы культуры американской жизни. Битва двух миров, место которых – умы и сердца молодёжи.

Криминальная драма «Бык» (реж. Б. Акопов, 2019) воссоздаёт атмосферу провинциального подмосковного города 1990-х. Сюжет фильма основан на истории главаря бандитской группировки Антона Быкова по прозвищу Бык, эдакого Данилы Багрова из «Брата», только отсидевшего и поумневшего: он не отказывается от криминала, а становится более осторожным и организованным. По окружению Быка складывается ощущение, что все люди вокруг мечтают о лучшей жизни: парни занимаются в спортивных секциях, где формируются ОПГ, кто-то пытается учиться, чтобы стать «нормальным человеком», а девушки мечтают выйти замуж за иностранца и улететь за границу – к «нормальной жизни». Что же служит героям местом отдыха от анархичной реальности? Они убегают в тусовки: в фильме показаны две крупные субкультуры – панки и рейверы. Именно на их концертах молодые люди отключаются от реальности: уходят «в отрыв», вступая в половые связи или проваливаясь в наркотический транс. Так мы понимаем, как выглядел эскапизм молодых провинциалов в «лихие» 1990-е. Да, этот ирреальный мир грязный, грубый и опасный, однако он вполне соответствует духу времени и представлениям о свободе, возникшим после раз渲ала СССР.

Сюжет романтической комедии «Кейт и Лео» (реж. Д. Мэнголд, 2000) основан на временной бреши, позволяющей герцогу XIX века прорваться из его реальности в нашу современность и встретить свою любовь в образе бизнес-леди. Зрителю предлагается прочувствовать пребывание в

двух устоявшихся реальностях и, что называется, попробовать на вкус возникающие в их столкновении конфликты – от повседневных до общечеловеческих. Герцог из прошлого неуято чувствует себя в нашем времени и возвращается в своё, по законам жанра любящие должны соединиться, так что Кейт прыгает за ним и занимает место его невесты на свадьбе. На этом месте киноповествование завершается, а зрителю остаётся задуматься, счастливым ли оказался побег девушки в прошлое и не лучше ли искать счастье в своём времени.

4. Эскализм, связанный с виртуализацией жизни. Режиссёры фильмов этого типа эскализма рефлексируют на тему возрастающей роли виртуальной реальности в жизни человека. В фильмах о побеге из «аналоговой» реальности в игровую (не только компьютерную) происходит частичное или полное погружение героев в мир игры, которое далеко не всегда приносит положительные эмоции. Эскалистское поведение игрока минимизирует реальные социальные контакты, но увеличивает игровые, «давая возможность изменить свое “Я” в сторону желаемого» [5, 78]. И при всех хэппи-эндах подобных фильмов остаётся ощущение деструктивности такого ухода от реальности.

Как правило, большинство фильмов всё-таки о цифровом мире, из сюжетов о нецифровых играх можно вспомнить «Джуманджи» (реж. Д. Джонстон, 1995) – о настольной игре, наделённой магическими свойствами, которая объединяет сразу несколько поколений. Ей удалось сделать это благодаря случайности: несколько людей разных поколений бросили игральный кубик по одному разу, не доведя игру до логического конца, что привело к смешению хронотопов, и персонажи оказываются пленниками этой новой реальности, освободиться от которой они смогут только пройдя игру до конца.

Фильмы о цифровом эскализме, как правило, носят антиутопический характер даже на заре тотальной цифровизации. Так, в фантастическом киберпанке «Матрица» (реж. Л. и Э. Вачовски, 1999) показано замещение в будущем реальности ирреальностью, созданной искусственным интеллектом с целью подчинения и установления контроля над человеческой популяцией, которая используется как энергия. Происходящее по законам жанра столкновение реального и ирреального завершается победой человека и обретением свободы от «цифры».

Современные сюжеты обращаются к проблеме игромании и тотальной зависимости от электронной среды, в этом смысле эта модель эскализма близка к негативной его демонстрации, а компьютерный мир становится ещё одной деструктивной формой зависимости. Выбор в качестве персонажа в фильме «Главный герой» (реж. Ш. Леви, 2021) неигровой модели многопользовательской компьютерной онлайн-игры (NPC) с ограниченным списком действий и фраз по имени Парень показателен. Будучи практически никем в социальном статусе его цифрового мира, он неожиданно выходит за рамки отведённого ему цикла, обретает способность мыслить и даже влюбляется в аватара реального игрока. Какую социальную проблему раскрывает эскализм в данной ленте? Самая очевидная – это игромания, охватившая людей с приходом интернета в каждый дом. Желание каждого стать героем теперь может воплотиться в аватаре – и ты уже супергерой, способный в буквальном смысле на всё. Например, прыгнуть с самолёта в костюме-крыле, приземлиться в дорогую иномарку сексуальной незнакомкой и уехать в закат, бросив искрометную реплику. Этому мог бы позавидовать даже Джеймс Бонд. Однако это всё цифровая реальность с искусственно созданным образом, кто же стоит за ним? Вот уборщица случайно задевает пылесосом провод – и вместо крутого парня зритель видит хилого сколиозного юношу, вещающего на стриме от лица своего игрового персонажа – полной ему противоположности. Игровой мир для многих персонажей фильма служит способом убежать от реальности не просто в придуманный, а воплощённый с помощью виртуальных очков мир. И программист Уолтер Маккиз «убегает» в игровую реальность, наделяя NPC-персонажа собственными мыслями и чувствами, потому что ему сложно выразить их в реальности. В этом и кроется ответ на вопрос, как NPC-Парень смог обрести способность мыслить и чувствовать. А что с этим делать дальше – вопрос, который должен остаться у зрителя после таких фильмов.

В отличие от негативной модели эскализма, показывающей деструктивность побега от реальности с помощью веществ, эта модель заставляет задуматься, что же происходит в области ис-

кусственного интеллекта, и найти путь, который бы порождал позитивность такого переосмыслиния картины мира.

5. Киновселенные как эскапизм. Исследователи заметили, что люди осуществляют «эскапистскую деятельность не потому, что поставили своей целью уход от реальности в противовес мажоритарной культуре, они видели в этом единственный способ разрешить возникшие морально-ценостные дилеммы» [8, 58], в этом объяснение востребованности фэнтезийных произведений искусства, будь то литература или кино. В этом погружении в долгую придуманную историю со своим социумом человек может обрести утраченные ценности и идеологические основания. Предлагаемые западным кинематографом киновселенные (в первую очередь MARVEL и DC, а также продолжающиеся фильмы о Гарри Поттере, хоббитах, сериалы «Звёздные войны», «Звездный путь», «Игра престолов», аниме и т. п.) дают возможность зрителю «сбежать» в эти миры, построенные по реалистичным законам и населённые, даже если они фантастические, очень реалистичными персонажами. Рождаются фэндомы, объединяющие фанатов вселенных, эскапистская деятельность которых поддерживает её жизнь в социуме.

6. Эскапизм, возвращающий к реальности. Эта модель экранного эскапизма призвана воздействовать на зрителя с помощью прогностических сюжетов, показывающих ненужность подобных побегов от проблем, а необходимость как раз остановиться и разобраться в них.

Советский фильм «Прости» (реж. Э. Ясан, 1986) наглядно показывает, как уход от реальности помогает понять её значимость. Героиня, заподозрив мужа в измене, в буквальном смысле сбегает из дома, пытаясь найти прибежище в идеалах прошлого или случайной связи, в результате получает негативный опыт и возвращается в свою жизнь, начиная её ценить.

В современном фильме «Про любовь. Только для взрослых» (реж. А. Меликян, Р. Гигинеишвили, П. Руминов, Н. Меркулова, Н. Сайфуллаева, А. Чупов, Е. Шелякин, 2017) рассказывается несколько историй про уход людей в иную реальность, из-за которого возникает дисбаланс в их настоящей жизни. Так, сотрудница МВД не позволяет себе проявлять симпатию по отношению к мужчинам, запрещая встречные действия с их стороны. Это гендерное дистанцирование обусловлено собственным восприятием фигур матери и родни, которые в когнитивной проекции героини запрещают ей иметь любой контакт с противоположным полом. Преодолевая свой внутренний конфликт, ей удается сбежать из этого навязанного подсознанием мира и вернуться к полноценной жизни. Остальные истории также убеждают зрителя, что побег в собственные иллюзии только уводит от полноты реальной жизни, надо разобраться в своих мирах, чтобы вернуться в основной, единственно важный.

Итак, кинематограф, будучи сам одним из инструментов эстетического эскапизма, формирует модели эскапистского поведения, предлагая зрителю варианты ухода от реальности. Экранные произведения выступают в качестве «ревью» на социальные проблемы, с которыми сталкивается современный человек. Каждый вариант наполнен своим дидактическим содержанием и посылом, который зритель считывает, примеряя предложенные ситуации на себя. Мы обозначили шесть моделей, не претендуя на исчерпывающую типологизацию, ведь это, по сути, только постановка темы. Представив ракурс проблемы эскапизма в кинематографе с точки зрения моделирования его способов на экране, мы обозначили ещё одну грань феномена эскапизма как константы культуры. Развитие этой темы позволит теснее связать киноискусство с науками о человеке и раскрыть социально-психологический потенциал игровых фильмов в контексте происходящих в социуме трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башарова, Е. А. Эскапизм: новые подходы к исследованию / Е. А. Башарова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 2. – С. 71-76.
2. Белов, В. И. Эскапизм: причины, функции и границы / В. И. Белов // Инновационная наука. – 2017. – № 3-1. – С. 270-275.
3. Беловол, Е. В. Эскапизм «хороший» и эскапизм «плохой»: эмпирическая верификации модели / Е. В. Беловол, А. А. Кардапольцева // Прикладная юридическая психология. – 2018. – № 4 (45). – С. 38-48.

4. Литинская, Д. Г. Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма / Д. Г. Литинская // Вестник Ярославского педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 1. – № 1. – С. 308-311.
5. Олькина, О. И. Эмпирические исследования эскапизма в ролевых играх онлайн и живого действия / О. И. Олькина // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2015. – № 16. – С. 77-88.
6. Мантов, Р. Е. Виды эскапизма и современное искусство (на материале кинематографа): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / Мантов Роман Евгеньевич; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002. – 19 с.
7. Сергеева, А. Эскапизм как стилеобразующий компонент кинематографа Cinéma du look / А. Сергеева // HSE UNEVERSITY. – URL: <https://hsedesign.com/project/79d0b3198b8b4fdcb0c4afa57f93b2dc> (дата обращения: 02.08.2023). – Текст: электронный.
8. Эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии / О. И. Теславская [и др.] // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38. – № 6. – С. 52-64.
9. Труфанова, Е. О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий / Е. О. Труфанова // Философия и культура. – 2012. – № 3. – С. 96-107.
10. Шапинская, Е. Н. Эскапизм в пространстве массовой культуры / Е. Н. Шапинская // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 1. – С. 180-185.

Пестушко Ю. С., Нестерова В. О., Савелова Е. В.
Y. S. Pestushko, V. O. Nesterova, E. V. Savelova

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА КАК ЧАСТЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: ТИПОЛОГИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

JAPANESE PHRASEOLOGICAL AND IDIOMATIC EXPRESSIONS AS PART OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD: TYPOLOGIZATION AND PECULIARITIES OF TRANSLATION INTO RUSSIAN LANGUAGE

Пестушко Юрий Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры, профессор Высшей школы европейской лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск). E-mail: yuripestushko@mail.ru.

Yuri S. Pestushko – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Cultural Studies and Museology Department, Khabarovsk State Institute of Culture, Professor of the Graduate School of European Linguistics and Intercultural Communication, Pacific National University (Russia, Khabarovsk). E-mail: yuripestushko@mail.ru.

Нестерова Владлена Олеговна – магистрант Высшей школы европейской лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск). E-mail: 2021103631@pnu.edu.ru.

Vladlena O. Nesterova – Master's Degree Student, Graduate School of European Linguistics and Intercultural Communication, Pacific National University (Russia, Khabarovsk). E-mail: 2021103631@pnu.edu.ru.

Савелова Евгения Валерьевна – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск). E-mail: savelova_ev@hgii.khac.ru.

Evgenia V. Savelova – Doctor of Philosophy, PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Professor, Cultural Studies and Museology Department, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk). E-mail: savelova_ev@hgii.khac.ru.

Аннотация. Представленная статья посвящена рассмотрению японских фразеологизмов и идиоматических выражений в контексте языковой картины мира, а также их переводу на русский язык. Языковая картина мира исследуется в лингвистике, когнитивной науке и антропологии и является важным аспектом понимания культурных различий и языкового влияния на мышление и восприятие. Фразеологизмы, имеющие устойчивую лексическую и грамматическую структуру, играют существенную роль в формировании и отражении национальной языковой картины мира. Целями статьи являются рассмотрение японских фразеологизмов и идиоматических выражений с целостным немотивированным и частично мотивированным значением, сопоставление фразеосемантического поля и экспликации значения, а также анализ особенностей передачи на русский язык семантики японских фразеологизмов и идиом.

Summary. The presented article is devoted to the consideration of Japanese phraseological and idiomatic expressions in the context of the linguistic picture of the world, as well as their translation into Russian language. The linguistic picture of the world is studied in linguistics, cognitive science and anthropology and it is an important aspect of understanding cultural differences and linguistic influence on thinking and perception. Phraseological expressions, having stable lexical and grammatical structure, play an essential role in the formation and reflection of the national linguistic picture of the world. The article aims to consider Japanese phraseological and idiomatic expressions with integral unmotivated and partially motivated meaning, to compare the phraseosemantic field and explication of meaning, as well as to analyze the peculiarities of transferring the semantics of Japanese phraseological and idiomatic expressions into Russian language.

Ключевые слова: языковая картина мира, национальная культура, японский язык, фразеологические обороты, идиомы, перевод, фразеосемантическое поле, экспликация значения, немотивированное значение, мотивированное значение.

Key words: linguistic picture of the world, national culture, Japanese language, phraseological expressions, idiomatic expressions, translation, phraseosemantic field, explication of meaning, unmotivated meaning, motivated meaning.

УДК 811.521

Введение. «Картина мира есть целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной её стороны» [9, 19]. В построении и концептуализации картины мира решающую роль играет субъект. Исходя из его специфики, можно выделить такие типы картины мира, как индивидуальная, отражающая мировидение отдельной личности, и коллективная, определяемая географическим местоположением того или иного сообщества, религиозными убеждениями, национальной идентичностью, принадлежностью к системе профессиональных и возрастных ценностей и т. п.

В зависимости от способа, которым мы интерпретируем мир, различают и изучают различные картины мира: биологическую, физическую, религиозную, политическую и др. Каждая из этих картин мира представляет собой уникальную систему верований, знаний и ценностей, которые помогают нам ориентироваться в окружающей действительности. Биологическая картина мира опирается на знания об организмах и живых существах и рассматривает жизнь в терминах биологических процессов, эволюции и экологии. Физическая картина мира, в свою очередь, основывается на законах физики и объясняет действия материального мира, энергию и взаимодействия. Религиозная картина мира строится на религиозных убеждениях и включает концепции божественного существования, посланий и духовных практик. Политическая картина мира включает в себя представления о праве, власти и организации общества, исследует политические институты, системы управления и взаимодействия между людьми и государствами.

Формируя представление о естественных и социальных процессах, картины мира также различаются в зависимости от временного контекста и культурно-исторических особенностей (например, средневековая картина мира, механистическая картина мира, современная картина мира). Таким образом, различные картины мира предлагают нам специфический способ восприятия реальности и дают инструменты для её понимания.

В формировании картины мира той или иной культуры важнейшая роль принадлежит языку. Как отмечал Э. Сэпир, «язык не существует и вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [10, 185]. Язык не только отражает культуру, но и формирует её. Он даёт нам возможность выразить свои мысли, чувства, идеи, но также определяет, как мы их выражаем, как мы мыслим и как мы взаимодействуем друг с другом. Язык способен влиять на наш образ мышления, на нашу способность к анализу и критическому мышлению.

Одним из первых мысль о взаимосвязи развития языка и картины мира, как известно, высказал В. фон Гумбольдт, который писал о том, что «в языке запечатлён весь национальный характер» [4, 303]. А. А. Потебня также утверждал, что язык не изолированный феномен, он неразрывно связан с культурой народа: «Разнообразие строя языков представляется зависимым от особенностей народного духа» [8, 45].

Язык, будучи сложной знаковой системой, как и культура, является средством передачи, использования, хранения и преобразования информации. Каждый язык содержит в себе огромное количество выражений, образных средств, уникальной лексики, которые отражают особенности культуры, истории и характера народа, использующего этот язык. Слова и выражения, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, способны передать не только информацию, но и эмоции, настроения, особенности национального колорита.

В свою очередь, культура оказывает влияние на развитие языка. Новые идеи, концепции и тенденции в культуре находят своё отражение в языке, порождают новые слова и стили речи. Язык позволяет нам проследить эволюцию культуры, пережить исторические изменения и уловить дух времени.

Таким образом, язык является неотъемлемой частью национальной и культурной идентичности, помогает передавать и сохранять наследие наших предков, проникать в историю и традиции своей нации.

Актуальным и дискуссионным для современной науки остаётся вопрос о том, какое место занимает в этой иерархии **языковая картина мира**: выступает ли она в системе миропредставлений человека как самостоятельный образ мира или её роль сводится к отображению концептуальной картины мира, разновидности которой перечислены выше.

Как пишет Н. Ю. Шведова, языковая картина мира – это «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своём строении и в осмыслиемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, всё то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [13, 3].

У языковой картины мира особый статус: она связана со всеми видами картин мира, т. к. все они находят в том или ином объёме своё языковое выражение. Хотя языковая картина мира не тождественна мировоззрению, она тесно связана с ним, поскольку отражает определённый способ восприятия и концептуализации мира, характерный для представителей определённой культуры.

Языковая картина мира формируется под воздействием культурных, социальных, лингвистических и индивидуальных факторов. Она может различаться у разных людей и в разных культурах в зависимости от того, какой язык они используют и какие языковые и культурные контексты влияют на их восприятие мира. Такие особенности языка, как грамматика, словарь и структура предложений, могут формировать уникальные способы выражения и мышления.

Национальная языковая картина мира – это сложный и многогранный аспект языковой и культурной идентичности. Она формируется под воздействием различных факторов и оказывает глубокое влияние на способы понимания и восприятия мира.

Ценнейшим материалом для исследования национальной языковой картины мира является **лексико-фразеологический фонд** языка, в нём ярко проявляется история и культура народа, находят своё отражение традиции и обычаи. Фразеологизмы, имеющие устойчивую лексическую и грамматическую структуру, играют существенную роль в формировании и отражении национальной языковой картины мира.

Обращение к японским фразеологическим единицам имеет особое значение. Переводческий и культурологический анализ существующих в японском языке фразеологизмов и идиоматических единиц позволяет не только лучше понять языковую картину мира японского народа, но и проанализировать особенности перевода японских фразеологизмов на русский язык.

В разное время японские фразеологические единицы, устойчивые словосочетания, а также особенности их перевода на русский язык рассматривались в общих и специальных работах отечественных и зарубежных специалистов. К указанной проблематике обращались Е. Н. Левченко [6], О. П. Фролова [12], С. А. Быкова [1], Н. И. Васина [2], Н. А. Завьялова [5], Сираиси Дайдзи [15], Асано Садао. Существует также значительное число словарей японских фразеологизмов [14; 16].

Представленная работа преследует целью рассмотрение японских фразеологизмов и идиоматических выражений с целостным немотивированным и частично мотивированным значением, сопоставление фразеосемантического поля и экспликации значения, а также анализ особенностей передачи на русский язык семантики японских фразеологизмов и идиом.

Материалом для исследования послужили словари японских фразеологизмов и идиом, а также авторская работа «Идиомы» востоковеда-синолога Г. Г. Пермякова (1917–2005), который после завершения Второй мировой войны работал в качестве переводчика на «Спецобъекте 2045» – лагере, где содержались японские военнопленные. В указанную работу Г. Г. Пермякова вошло около тысячи японских идиоматических, фразеологических и крылатых выражений с переводом на русский язык и примерами употребления [7].

Общая характеристика фразеологизмов и идиоматических выражений в языковой картине мира. Язык – это своеобразное зеркало культуры, истории и менталитета народа. Одним

из фундаментальных элементов языка, который отражает национальную идентичность и культурные особенности, являются фразеологизмы. **Фразеологизмы** – это устойчивые выражения и обороты, значение которых нельзя понять, анализируя отдельные слова. Они основываются на культурных, исторических или литературных образах и символах, и их употребление требует специфического знания и понимания.

Фразеологизмы играют важную роль в формировании национальной языковой картины мира и оказывают влияние на способы восприятия и интерпретации окружающей действительности. Фразеологизмы в разных языках мира отражают уникальные культурные особенности и ценности. Они передаются из поколения в поколение и могут включать в себя архаичные образы, символы и сюжеты, которые связаны с историей и традициями нации, становясь, таким образом, частью культурного наследия. Фразеологизмы составляют богатство и уникальность каждого языка, вносят особый колорит в нашу речь и позволяют выразить сложные концепции и эмоциональные состояния с помощью коротких и запоминающихся выражений.

Изучением фразеологизмов занимается специальный раздел лингвистики – фразеология. В нашей стране фразеология как самостоятельное научное направление оформилась к 1960-м годам, во многом благодаря научным исследованиям А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова [11], В. В. Виноградова [3]. За время своего становления фразеология претерпела существенные изменения. В частности, в разное время фразеология как научное направление строилась на парадигматическом принципе, знаковом характере фразеологических единиц, а также синтагматическом подходе.

Фразеологическая единица представляет собой неоднозначное языковое явление с точки зрения его трактовки. В российской и зарубежной фразеологии подходы к описанию фразеологических единиц менялись, а специалисты, занимавшиеся изучением фразеологических единиц, нередко использовали разные критерии для определения их категориальных свойств. В целом, к числу критериев, которые определяют категориальные свойства фразеологизма, следует отнести воспроизводимость, образность, идиоматичность и экспрессивность. При этом в отдельном выражении все перечисленные критерии могут быть не представлены.

Из существующих на сегодняшний день в отечественной науке классификаций фразеологизмов наиболее полной представляется классификация, предложенная В. В. Виноградовым. По мнению этого учёного, с точки зрения семантической слитности компонентов фразеологические единицы делятся на три типа: фразеологические сращения, единства и сочетания.

В Японии отсутствует единый подход к сущности фразеологизмов. Фразеологические единицы нередко рассматриваются как один из подвидов сложных слов. Кроме того, в большинстве японских научных исследований, посвящённых фразеологизму, нередко отсутствует их единое унифицированное обозначение. В научной литературе можно встретить нижеследующие термины: идиому – идиоматическое выражение, канъёго – общеупотребительное слово; общеупотребительное (устойчивое) выражение, канъёку – общепринятое (устойчивое) выражение, привычное слово-сочетание, дзюкуго – идиома, фразеологическое единство.

Рассмотрение различий между фразеологизмами и идиоматическими выражениями не входит в задачи представленной работы. Авторы исходят из сложившегося в отечественной лингвистике подхода, согласно которому, различие между идиомами и фразеологизмами определяется их мотивированностью. Чем выше смысловая мотивированность фразеологического выражения, тем, соответственно, ниже его идиоматичность. И наоборот, чем больше во фразеологическом обороте представлен этнокультурный колорит, чем менее определённой выглядит его семантика, тем больше повышается его идиоматичность.

Как для начинающих специалистов в области перевода, так и для опытных переводчиков определённую сложность может представлять передача на родной язык смысла фразеологических и идиоматических выражений. Указанная сложность обусловлена семантической спаянностью языковых единиц, из-за чего значение последних не совпадает со значением элементов, которые их составляют. Фразеологические единицы отличаются высокой степенью мотивированности семантического значения отдельных элементов и нередко обилием архаичных выражений, отсылающих к далёкому прошлому Японии. Для правильного понимания и перевода японских фразеоло-

гизмов следует принимать во внимание и экстралингвистические факторы: культурно-исторические реалии Японии, а также время и место, с которыми связаны фразеологизмы и идиоматические выражения.

При переводе фразеологического выражения часто приходится выбирать между сохранением особенностей его этнокультурного колорита, семантических оттенков и возможностью подобрать равноценный эквивалент в родном языке, понятный без дополнительных пояснений. Можно утверждать, что не существует универсального способа перевода фразеологических единиц. Кроме того, даже имеющиеся варианты переводов могут быть не вполне правильно поняты, в зависимости от контекста и ситуации. В подобных случаях специалисту в области перевода и межкультурной коммуникации приходится искать новые варианты правильной интерпретации фразеологического высказывания.

В контексте рассмотрения фразеологизмов и идиоматических выражений следует отметить, что перевод фразеологических единиц и идиоматических выражений предполагает обращение к средствам и способам передачи образности и этнокультурной специфики языка оригинала. Достижение поставленных целей возможно при использовании методов художественного перевода.

Задача художественного перевода заключается в передаче на переводном языке эстетического воздействия языка оригинала. В процессе перевода фразеологических единиц допускается опущение отдельных языковых единиц для достижения намеченной коммуникативной цели. В российской и зарубежной лингвистике выделяют нижеследующие способы перевода фразеологических единиц: подбор фразеологического эквивалента, использование фразеологического аналога, калькирование, описательный перевод (лингвокультурологический комментарий).

Фразеологизмы и идиомы с целостным немотивированным и частично мотивированным значением. При рассмотрении выражений, относящихся к данному типу, следует выделить фразеологизмы, значение которых никак не вытекает непосредственно из перевода. Например, выражение «куби-ни нару» буквально означает «стать головой». Указанное выражение означает «быть уволенным». «Сонна кото-о иттара, куби-ни наrimасу ё» – «если так скажете, меня уволят». К числу подобных выражений можно отнести «томи-га отибу», дословно «богатство падает/упадёт». Значение выражения – «выиграть в лотерею». Если фразеологический оборот «мэ-о убау» дословно перевести на русский язык, получится «похищать глаз». Однако в действительности речь идёт о том, чтобы привести кого-либо в восторг, чем-то сильно удивить. Едва ли дословный перевод фразеологизма «мэ-о сиро куро сасэру» – «делать глаза бело-чёрными» позволит догадаться об истинном значении данного выражения – «быть удивленным». В ряде японских фразеологических выражений используется слово «пин» – звук, получающийся при ударе о предмет. Выражение буквально «звук не доходит» можно перевести как «не понимаю», «не доходит, почему...». Например, «коно эйга-но ими-ва пин то конай н дэсу» – «Смысл этого фильма до меня не доходит». «Ано хито-ва котти-но татиба-о рикай ситэ иной кара иу кото-ва пин-то конай н дэсу» – «Он не понимает мою позицию, поэтому не понимает, что ему говорят».

Эти и подобные фразеологические выражения можно рассматривать в качестве «ложных друзей переводчика», для правильного перевода которых одного лишь знания языка недостаточно. В случае возникновения проблем с правильным толкованием полного смысла фразеологизма, специалисту в области перевода и межкультурной коммуникации следует задействовать толковые словари родного (японского) языка, а также специализированные словари фразеологизмов. Необходимо учитывать, что неправильная передача эмоционально-экспрессивной коннотации фразеологической единицы приведёт к её неточному пониманию и, возможно, к искажению смысла всего высказывания.

В японском языке представлено довольно много фразеологических выражений, в которых используются названия частей тела человека. В большинстве случаев такие выражения имеют прямой эквивалент в русском языке и поэтому их перевод не представляет существенных сложностей. Вместе с тем в ряде случаев перевод подобного рода речевых оборотов может вызывать некоторые трудности. Рассмотрим выражение «аго-о сякуру» – буквально «черпать подбородок». Правильный перевод – «задирать нос». Таким образом, в японском варианте компонент «нос» за-

менён на «подбородок». Другой пример – «хана-о акасу», буквально «открывать нос». Выражение имеет значение «расстроить чьи-то планы», «перехитрить», «утереть нос кому-либо», «ошеломить». В следующем примере используется иероглиф «фу», имеющий в сочетаниях с другими иероглифами значения «внутренности», «сердце», «разум». Выражение «фу-ни отибу» можно дословно перевести как «достичь печёнок, внутренностей», т. е. «хорошо понять». «Фу-ни отибу ёни сэцумэй сите кудасай» – «растолкуйте так, чтобы стало понятно».

Таким образом, при выборе методов перевода фразеологических оборотов и идиом с немотивированным и частично мотивированным значением следует учитывать все показатели японской фразеологической единицы, её стилистические особенности и национальный колорит.

Фразеосемантическое поле и экспликация значения. Под фразеосемантическим полем понимается группа фразеологических оборотов, объединённых общим денотатом. Такая группа фразеологизмов имеет как общие, так и дифференциальные характеристики. В фразеосемантическую группу входят фразеологизмы и лексические единицы, которые объединены по общему семантическому принципу либо содержат общий смысловой концепт.

Фразеологические обороты и идиоматические выражения можно разделить на несколько групп по фразеосемантическому принципу. Подчеркнём, что типологизация всех речевых оборотов и выражений, вошедших в сборник, выходит за рамки данной статьи. Авторы постарались проанализировать наиболее часто используемые денотаты и семантически близкие классы слов и на этой основе предложить собственную классификацию.

Ряд фразеологизмов, идиом и афоризмов может быть объединён общим семантическим полем «деньги», «золото» – дзэнканэ, кин, канэ. Например, «канэ-га канэ-о уму» – дословно «деньги рождают деньги», или «деньги – к деньгам». Выражение «дзэнканэ-ва ояко дэмо танин» переводится как «деньги поссорят даже родителей с детьми». Фраза «хотокэ-но хикари-ёри канэ-но хикари» переводится «блеск золота ярче сияния Будды». Наиболее подходящим вариантом перевода на русский язык будет вариант «деньги откроют все двери». «Нусубито-ни канэ-но бан-о сасэру» – «поручить вору сторожить деньги»; «пустить козла в огород».

Несмотря на тот факт, что в каждом из вышеупомянутых выражений присутствует денотат «деньги», их фразеосемантическое значение отличается. Всего можно выделить несколько семантических значений: «обогащение», « власть денег», «предостережение» (последний пример).

Рассмотрим фразеологические единицы, общим «семантическим знаменателем» которых является компонент кимо – «печень». В Японии считается, что печень человека – источник смелости. Соответственно, именно печень контролирует эмоции человека. Фразеологизм «кимо-о цубусу» – «раздавить печень» на русский язык переводится «быть ошеломлённым», «очень испугаться». Выражение «кимо-о хиясу» – «остудить печень» – на русский язык может быть переведено как «быть в ужасе», «похолодеть от страха». Денотат «кимо» встречается и в других идиоматических выражениях: «кимо-га футой» – буквально «толстая печень» (русскоязычный вариант – «быть отважным»), а также «кимо-о суэру» – «установливать печень» («собраться с духом»).

Часть фразеологических оборотов и идиом объединена общим фразеосемантическим полем сати, сайвай – «счастье», «удача». Рассмотрим фразеологический оборот «фукотю-нимо сайвай ари» – «и в несчастье есть удача». Это выражение может быть переведено на русский язык как «нет худа без добра». Таким же образом можно перевести оборот «кафуку-ва адзанаэру нава-но готовси» – дословно «несчастье и счастье переплетены подобно волокнам на верёвке». К числу фразеологических оборотов, где денотатом выступает компонент «счастье», следует также отнести выражение «варау кадо-нива фуку китару» – «где удача, там и счастье»; дословно «счастье приходит к смеющимся воротам». Другой пример – «вадзавай-о тэндзитэ фуку-то насу», буквально «беда стала счастьем» – «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Как и в вышеупомянутых примерах, фразеологические обороты содержат общий концепт. Вместе с тем они заметно различаются по своему содержанию и семантической наполненности. Таким образом, можно утверждать, что денотат одной и той же идиомы и фразеологического оборота могут быть использованы в довольно большом числе фразеосемантических полей.

В отдельную группу следует вынести фразеологизмы и идиоматические выражения, имеющие отношение к истории и культуре Японии. Без знания указанных аспектов их перевод на русский язык, вне всякого сомнения, вызовет трудности. Рассмотрим выражение «сэкигахара» – «решительная битва». Данное высказывание отсылает нас к прошлому – к началу XVII в., когда в местице Сэкигахара в 1600 г. произошло одно из самых масштабных в истории Японии сражение между вассалами Тоётоми Хидэёси. Победу одержали войска «восточной коалиции» под руководством Токугава Иэясу. Выражение сэкигахара может быть переведено на русский язык как «решительная битва», либо «Ледовое побоище» или «Полтавская битва».

Выражение «Ямато надэсико», которое буквально означает «гвоздика с японским духом», представляет собой обозначение японской женщины в традиционном социуме Японии. Данное выражение может быть переведено на русский язык по-разному: «женщина-идеал», «настоящая дочь Японии». Указанное выражение подразумевает, что настоящая японская женщина безропотно подчиняется своему мужу и ставит во главу угла интересы своей семьи. Такая женщина отличается мудростью, покорностью и безропотностью. Указанное выражение часто использовалось в японской пропаганде в годы Второй мировой войны.

Перевод японских фразеологизмов и идиом, имеющих в своей основе этнокультурные и исторические денотаты, требует от переводчика знания прошлого Страны восходящего солнца, её историко-культурных реалий. В большинстве случаев перевод исторических фразеологизмов, идиом и афоризмов предполагает использование описательного метода, поскольку абсолютное большинство подобных речевых оборотов не имеет прямых эквивалентов в русском языке.

Заключение. Языковая картина мира – это способ, которым язык организует и категоризирует информацию о мире вокруг нас. Она включает в себя способы организации и категоризации информации, абстрактные и конкретные концепты и понятия, многообразные смыслы и значения, которые ассоциируются с различными словами и языковыми выражениями.

Фразеологизмы являются важным элементом культурной и языковой идентичности. Они отражают культурные ценности, традиции и уникальные черты нации. Сохранение и изучение фразеологизмов помогает сохранить культурное наследие и способствует межкультурному пониманию. Фразеологизмы – это ключ к пониманию национальной языковой картины мира и разнообразия человеческого опыта.

Японские фразеологические обороты, идиомы и крылатые выражения характеризуются высокой семантической плотностью и культурно-исторической семантикой. В силу высокой степени спаянности лексических компонентов и экстралингвистической наполненности их перевод на русский язык может представлять значительные трудности не только у начинающего специалиста в области межкультурной коммуникации, но даже у опытного переводчика.

Предпринятый в рамках представленной работы анализ японских фразеологических единиц и идиоматических выражений свидетельствует, что они могут быть отнесены к определённому фразеосемантическому полю в зависимости от смыслового концепта и общего денотата. Предложенная в рамках данной статьи классификация фразеологических единиц и идиоматических выражений не претендует на законченность и нуждается в дальнейшей доработке. В рамках настоящего исследования были проанализированы лишь наиболее часто употребляемые денотаты и семантически близкие классы слов фразеологических оборотов. Вместе с тем предложенная в статье классификация после соответствующей доработки может быть использована как основа категориальной типологизации японских фразеологических единиц, крылатых выражений и афоризмов.

Проанализированные в рамках настоящей работы особенности перевода фразеологических оборотов указывают на отсутствие «универсальных» стратегий передачи на русский язык их содержания. Вне всякого сомнения, идеальным переводческим решением является подбор соответствующего эквивалента в русском языке. Вместе с тем число подобных переводческих соответствий очень невелико. В ряде случаев адекватного перевода можно добиться посредством задействования схожих выражений, отчасти отражающих семантику речевого оборота, использующегося в исходном языке. Однако в ряде случаев специалисту придётся прибегнуть к «многословному»

описательному переводу, что предполагает экспликацию семантического значения фразеологической единицы и соотнесение её с определёнными культурно-историческим реалиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова, С. А. Устойчивые словосочетания в современном японском языке / С. А. Быкова. – М.: МГУ, 1985. – 64 с.
2. Васина, Н. И. Так говорят японцы. Крылатые фразы на японском и русском языках: учеб. пособие / Н. И. Васина. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 175 с.
3. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
4. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкоznанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
5. Завьялова, Н. А. Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как отражение японской, английской и русской языковых картин мира: дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Завьялова Наталья Алексеевна. – Екатеринбург, 2007. – 299 с.
6. Левченко, Е. Н. Становление фразеологии японского языка: на примере литературных памятников эпохи Нара: дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Левченко Екатерина Николаевна. – М., 2013. – 462 с.
7. Пермяков, Г. Г. Идиомы / Г. Г. Пермяков. – Хабаровск, 1988. – 124 с.
8. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 622 с.
9. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
10. Сэпир, Э. Избранные труды по языкоznанию и культурологии / Э. Сэпир. – М.: Прогресс, 2001. – 656 с.
11. Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды. В 2 т. / Ф. Ф. Фортунатов. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 450 с.
12. Фролова, О. П. Фразеология современного японского языка: учеб. пособие / О. П. Фролова. – Новосибирск: НГУ, 1979. – 87 с.
13. Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарём» / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкоznания. – 1999. – № 1. – С. 3-16.
14. Канъёку-но дзитэн. Нихонго-о цукайсабаку (Словарь идиом в использовании японского языка). – Токио: Асугоро Сюппан, 2007. – 430 с.
15. Сираиси, Дайдзи. Кокугогаку гэнрон (Принципы японской лингвистики) / Дайдзи Сираиси. – Токио: Асакура сётэн, 1954. – 322 с.
16. Сираиси, Дайдзи. Кокуго канъёку дзитэн (Словарь идиом японского языка) / Дайдзи Сираиси. – Токио: Токёдо Сюппан, 1969. – 328 с.

Пустовит Н. Е., Мусалитина Е. А.

N. E. Pustovit, E. A. Musalitina

ОБРАЗ НАУКИ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЁЖИ РОССИИ И КИТАЯ: КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

THE IMAGE OF SCIENCE IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN AND CHINESE YOUTH: CROSS-CULTURAL RESEARCH

Пустовит Никита Евгеньевич – магистрант Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: nik.pustovit@gmail.com.

Nikita E. Pustovit – Master's Degree Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: nik.pustovit@gmail.com.

Мусалитина Евгения Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Evgenia A. Musalitina – PhD in Culture Studies, Assistant Professor, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Аннотация. Эффективное развитие социально-культурной среды, здравоохранения, образования, высокотехнологичной сферы возможно при обращении к передовым достижениям современной науки. Новые вызовы современности, кардинальные изменения в geopolитическом устройстве мира требуют от российского молодого поколения не только преодоления проблем, появившихся в науке на рубеже веков, но и разработки комплекса мер, которые обеспечат качественно новое видение науки как фундамента прогресса, модернизации, государственной стабильности, укрепления национальной идентичности. В статье представлены результаты кросс-культурного эксперимента среди российских и китайских студентов, направленного на выявление особенностей восприятия науки в молодёжной культуре. Данное исследование, позволяющее учитывать опыт Китая, стратегического партнёра России в сфере научно-технического сотрудничества, имеет высокую практическую ценность для разработки эффективных способов повышения мотивации молодёжи к научной деятельности, популяризации науки как неотъемлемой части жизни современного общества.

Summary. Effective development of the socio-cultural environment, health care, education and high-tech sphere is possible by turning to the advanced achievements of modern science. New challenges of modernity and cardinal changes in the geopolitical structure of the world require from Russian young generation not only to overcome the problems that appeared in science at the turn of the century but also to develop a set of measures that will provide qualitatively new vision of science as the foundation of progress, modernization, state stability, and strengthening of national identity. The article presents the results of a cross-cultural experiment among Russian and Chinese students aimed at identifying the peculiarities of science perception in youth culture. This study which allows taking into account the experience of China, Russia's strategic partner in the sphere of scientific and technological cooperation, is of high practical value for the development of effective ways to increase the motivation of young people to scientific activity, popularization of science as an integral part of life in modern society.

Ключевые слова: образ науки, российская молодёжь, китайская молодёжь, кросс-культурное исследование.

Key words: image of science, Russian youth, Chinese youth, cross-cultural research.

УДК 008

Введение. Актуальность. Эффективное развитие социально-культурной среды, здравоохранения, образования, высокотехнологичной сферы возможно только при использовании передовых достижений современной науки. Развитие научной сферы является одним из приоритетных

направлений государственной политики Российской Федерации в последние несколько десятилетий и ознаменовано как период восстановления и радикальных трансформаций после упадка практически во всех сферах российского общества в 90-х гг. XX в. Результатом кризиса в научной сфере стали значительное снижение финансирования исследовательских проектов как технического, так и гуманитарного направления, отъезд большого количества компетентных специалистов за границу, снижение привлекательности и престижности профессиональной деятельности учёного. Социально-экономические трансформации конца 1990-х обусловили ориентацию молодых выпускников российских вузов на развитие коммерческой деятельности, что впоследствии вызвало старение научных кадров.

Новые вызовы современности, кардинальные изменения в geopolитическом устройстве мира требуют от российского молодого поколения не только преодоления проблем, появившихся в науке на рубеже веков, но и разработки комплекса мер, которые обеспечат качественно новое видение науки как фундамента прогресса, модернизации, государственной стабильности, укрепления национальной идентичности. Особую актуальность среди этих задач приобретает исследование формирования образа науки в представлениях молодёжи. Молодые учёные формируют поколенческую структуру научного сообщества страны, связывая сложившуюся научную элиту с подрастающим поколением. Развитие и процветание научно-исследовательских организаций и проектов в решающей степени зависит от молодых учёных. Понимание особенностей восприятия науки в молодёжной культуре позволяет разработать наиболее эффективные способы повышения интереса молодёжи к научной сфере, популяризации науки как неотъемлемой части жизни прогрессивного члена современного общества.

Наряду с этим более глубокое понимание национальных особенностей культурного образа российской науки представляется возможным в ходе проведения кросс-культурного исследования через обращение к китайскому опыту популяризации научного знания, формирования престижности статуса учёного.

Научная проблематика. Всесторонняя изоляция России от многих мировых достижений научно-технического прогресса требует от нашего государства разработки качественно новой стратегии формирования национальной научной школы с привлечением молодых перспективных кадров. Большую роль для решения этой задачи имеет комплексное изучение тенденций восприятия науки в молодёжной культуре, в том числе в контексте культурологических исследований.

Анализ актуальных исследовательских работ, посвящённых рассматриваемой проблеме, позволяет выделить ряд направлений, основанных на разных подходах. Так, изучение аксиологических аспектов образа науки в культуре России выявлено в трудах А. Ф. Яковлевой, А. В. Селезневой, Н. Н. Емельяновой [8]. Исследователи отмечают, что для повышения значимости научной сферы в молодёжной среде необходимо уделять внимание популяризации не только достижений научно-технического прогресса, но и социокультурной роли науки. При этом подходе особое значение приобретает формирование информационного пространства, определяющего национальную специфику восприятия науки [1, 47].

Методические проблемы организации педагогического процесса, связанные со спецификой восприятия образа науки современной молодёжью, рассматриваются в исследовательских работах Е. Ю. Новиковой, П. А. Костина, И. И. Мечникова [5]. Авторы отмечают, что высокая доступность интернет-ресурсов привела к тому, что студенты в своей учебной деятельности в основном используют материалы, которые несложно найти, не учитывая достоверность и авторитетность источника. Такая ситуация приводит к уничижению значимости научного знания.

И. А. Герасимова, С. А. Клишина, Н. С. Станкевич, К. П. Самитин рассматривают проблемы формирования образа науки в таких источниках искусства, как живопись, литература, архитектура [4, 34]. Посредством рассмотрения исследовательского материала, относящегося к разным историческим периодам, осуществляется диахронический анализ образа науки, выявляются культурно-исторические факторы формирования национальных особенностей образа [3].

Особое внимание исследователей привлекают проблемы восприятия науки современным обществом. В. В. Трошихин, С. А. Мень, Л. В. Пятилетова устанавливают функции образа науки,

характер влияния новой социокультурной реальности на становление представлений о сфере научного знания [6].

Несмотря на достаточно широкое освещение проблемы формирования образа науки, остаётся ряд нерешённых вопросов, которые требуют комплексного исследования. Во-первых, необходимо выявить тенденции восприятия науки молодёжью, поскольку молодое поколение – это преемники существующей научной системы [2]. Во-вторых, изучение национальных особенностей образа науки изолированно от мировых процессов невозможно и требует учёта опыта зарубежных стран, а именно Китая как стратегического партнёра России в научно-техническом сотрудничестве.

Научная новизна исследования. В настоящее время, когда перед российским обществом стоит острые проблемы создания национальной инновационной системы, возникает необходимость привлечения молодёжи в науку. Эта задача представляется особо сложной, поскольку кризис, который пережила российская наука в недавнем прошлом, способствовал снижению её престижности. Новый подход к исследуемой проблеме, а именно изучение её в контексте культуры, позволит найти новые способы повышения привлекательности науки в системе ценностей современной молодёжи. Кросс-культурный характер исследования, предполагающий обращение к опыту Китая, будет способствовать формированию национальной идентичности, национального самосознания и повышению статуса науки как инструмента усиления государственного суверенитета.

Методы исследования. Культурологический подход к решению проблемы определяет выбор методологического аппарата исследования. Изучение феномена в представлениях современной молодёжи обуславливает необходимость применения такого социокультурного метода, как мини-опрос. В эксперименте было задействовано 60 российских и 60 китайских студентов ФГБОУ ВО «КнАГУ» в возрасте от 18 до 23 лет. Респондентам было предложено ответить на ряд вопросов, связанных с восприятием науки (см. табл. 1).

Таблица 1
Мини-опрос студентов

Вопрос	Комментарий
1. С чем ассоциируется у Вас наука?	Опишите с использованием прилагательных, существительных (любое количество ассоциаций)
2. Считаете ли Вы, что наука необходима вам в жизни?	Да / Нет
3. Сталкиваетесь ли Вы с наукой в вашей повседневной жизни?	Да / Нет
4. Планируете ли Вы заниматься наукой в будущем?	Да / Нет

Обработка и анализ полученных данных позволяют установить особенности образа науки, выявить проблемы и спрогнозировать способы их решения. Рассмотрение проблемы в контексте кросс-культурного исследования направлено на выявление уникальных этнических особенностей восприятия науки, а также общих закономерностей, характерных для представителей как российского, так и китайского общества. Использование данных методов позволяет провести комплексный анализ исследуемого феномена.

Источниковая база. В научный оборот вводятся результаты мини-опроса, проведённого среди представителей российской и китайской молодёжи, а также материалы официального сайта министерства образования КНР.

Цель исследования – интерпретировать особенности образа науки в сознании российской и китайской молодёжи.

Исследовательские задачи, обусловленные целью, определены следующим образом:

1. Рассмотреть основные направления государственной политики России и Китая в сфере развития науки.
2. Провести эксперимент в форме опроса российской и китайской молодёжи.
3. Осуществить анализ данных, полученных в результате опроса молодёжи России и КНР.
4. Установить национальные особенности образа науки в российской и китайской культуре на основе результатов анализа.

Направления и задачи государственной политики России в сфере развития науки. В настоящее время перед правительством России стоит непростая задача не только по привлечению молодёжи в науку, но и по сохранению молодых научных кадров, поскольку ежегодно фиксируется отток специалистов до 39 лет из науки [7]. Необходимо отметить, что в этом направлении удалось добиться значительных успехов. Так, значительная доля учёных, работающих в различных российских научно-исследовательских организациях, это сотрудники до 39 лет (23,4 из 38,7 тыс. чел.) [11].

Неравномерное распределение молодых научных кадров по сферам науки создаёт перекос в сторону предпринимательского сектора. Согласно статистическим данным за 2022 г., в коммерческой деятельности науки было задействовано 47 % молодых специалистов. Из других научных сфер наименьший интерес для молодёжи представляют государственная деятельность, некоммерческие организации [12].

В связи со сложившейся ситуацией государством разработан ряд мер по стимулированию научной деятельности молодёжи. Среди них можно выделить три основных блока:

1. стипендии и премии специальных фондов;
2. улучшение жилищных условий молодых учёных;
3. конкурсные программы поддержки исследований (гранты).

Направления и задачи государственной политики Китая в сфере развития науки. В последние два десятилетия Китай придаёт большое значение популяризации научной информации, что называется «кэпу» (популяризация науки) или «кэсюэ чуаньбо» («распространение науки») и связано со стремительным развитием инноваций в науке и технике. В настоящий момент «поколенческая» структура научного сообщества в Китае характеризуется значительным разрывом. Годы «культурной революции» (1966-1976 гг.) нарушили систему обучения в университетах и систему послевузовского образования, в результате чего в конце 1970-х гг. Китай вступил в «постмаоистскую» эпоху с отсутствующей базой молодых научных кадров. В условиях острой необходимости модернизации всех сфер общественной деятельности руководство Китая приступило к восстановлению и реформированию системы высшего образования. Одной из мер стала организация программ зарубежного обмена для студентов с целью получения высшего образования и повышения квалификации [13].

В настоящее время в Китае созданы благоприятные условия для развития научной деятельности молодёжи. Так, на XX съезде Коммунистической партии Китая привлечение молодёжи в науку было обозначено как одно из приоритетных государственных направлений развития [9]. Большую популярность приобретает послевузовское обучение в аспирантуре и докторантуре, что способствует формированию позитивной атмосферы самосовершенствования через непрерывное обучение. Согласно статистическим данным, в 2020 г. число китайцев, получающих непрерывное образование в очной форме, превысило 7,7 млн чел., более 8,4 млн чел. получали образование дистанционно. Наряду с этим 47 % молодых работников прошли курсы повышения квалификации в профессиональной сфере [10].

Современный Китай, как и другие азиатские и европейские государства, столкнулся с проблемой старения учёных и «утечки умов» среди молодых исследователей. Для решения этих проблем Китай реализует ряд национальных программ. Они предполагают развитие следующих направлений:

- увеличение финансирования деятельности молодых учёных;
- выделение грантов для реализации технических и гуманитарных исследований;
- расширение программ послевузовского обучения;

– повышение уровня языковой компетенции (английского языка) для успешной интеграции в мировое научное сообщество.

Начиная с 2021 г. в Национальном фонде естественных наук КНР действует специальная программа, нацеленная на привлечение молодых талантов из-за рубежа, при этом наибольшая доля заявок приходится на область естественных, медицинских и технических наук. Наряду с этим китайские исследователи в возрасте до 35 лет могут получить гранты Научного фонда поддержки. В 2022 г. его бюджет составил 915,5 млн юаней (12,2 млрд р.), что позволило профинансировать проекты 9420 молодых учёных. Отдельной категорией мер поддержки молодых исследователей выступают различные научные премии и награды, инициированные не только государством, но и бизнесом [10].

Образ науки в представлении российской молодёжи. В ходе опроса студенты должны были письменно представить ассоциации, связанные с наукой, а также оценить роль науки в их собственном жизненном опыте. Необходимо отметить, что в начале процедуры опроса респонденты проявили высокую степень заинтересованности в проблеме, а также отметили, что оценить место научного знания в жизни общества достаточно сложно, поскольку в качестве результатов научной деятельности можно выделить как положительное, так и негативное влияние. Так, студенты отметили, что, хотя развитие современного общества невозможно представить изолированно от научных достижений, неблагоприятное воздействие испытывает окружающая среда. Появление новых высокотехнологичных видов оружия порождает войны и масштабные конфликты.

Анализ качественных (ассоциативных) оценок науки, представленных российской молодёжью (см. рис. 1), показывает, что наука вызывает достаточно высокий интерес, но при этом существует достаточно изолированно, поскольку представляется особо сложной сферой деятельности. При этом большинство негативных реакций связано именно с представлениями о трудности научной деятельности.

Наука представляется как источник знания и одновременно как инструмент его создания и распространения. Среди российских студентов распространена установка, что наука связана с возможностью повышения уровня жизни, является средством созидания нового, необходимого как для каждого индивида отдельно, так и для общества в целом.

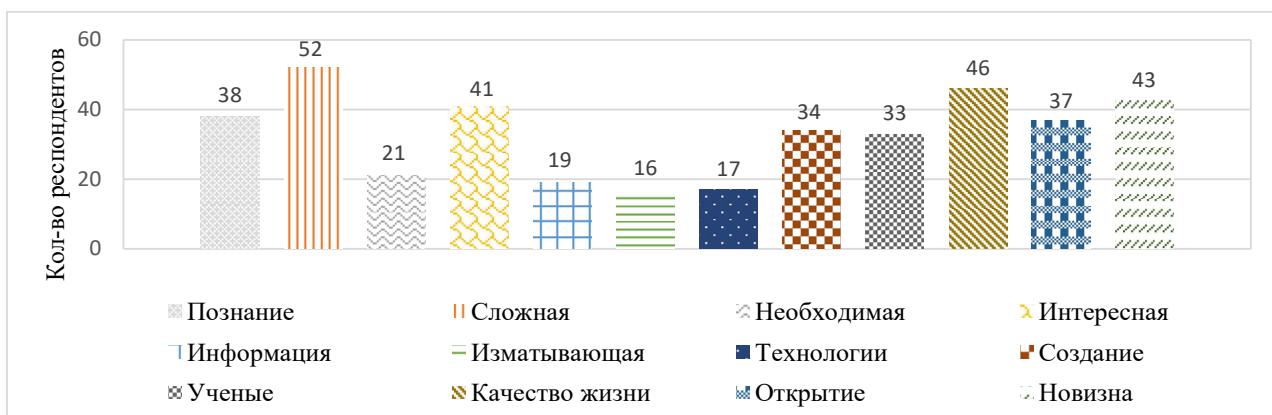

Рис. 1. Ассоциации, связанные с наукой (российские респонденты)

Образ науки в представлении китайской молодёжи. Рассматривая данные опроса китайских респондентов, необходимо отметить, что в целом фиксируется положительный образ (см. рис. 2). Это обусловлено тем, что позитивный имидж китайской науки в большей степени характеризуется оценкой прорывных научных достижений Китая и учёных, получивших международные научные награды, т. е. мировое признание. Китайцы отмечают, что уровень развития науки – это показатель силы и авторитета государства на международной арене, поэтому науку связывают с тем, что необходимо развивать.

Значительная доля китайских респондентов связывает научную деятельность с прогрессом и отмечает, что в последнее десятилетие произошло качественно новое восприятие производственного потенциала Китая. В связи с этим понятие «сделано в Китае» больше не ассоциируется с низким качеством, а, напротив, связано с достижениями научно-технического прогресса.

Более половины опрошенных китайских студентов отмечают, что наука для них – это ключ к карьерному росту и потенциальному улучшению уровня жизни. Также делается акцент на престижности деятельности учёного, несмотря на высокую трудозатратность.

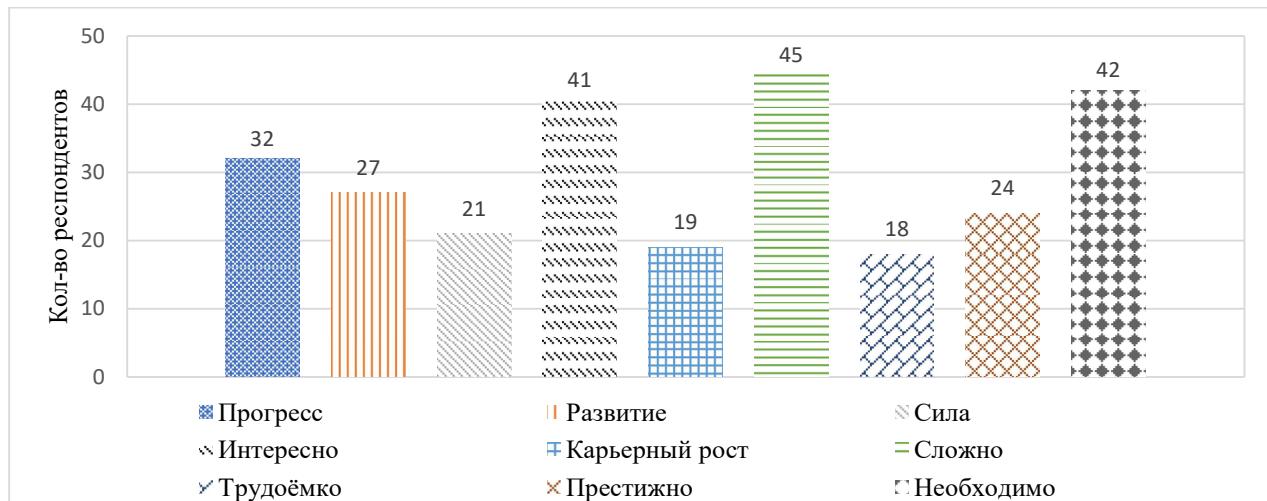

Рис. 2. Ассоциации, связанные с наукой (китайские респонденты)

На вопрос о важности науки в жизни респондентов было получен единогласный положительный ответ от российских и китайских студентов.

Также российские и китайские студенты отметили, что результаты научных достижений прочно вошли в жизнь людей и помогают обеспечить комфортное и безопасное существование – такой ответ дали 100 % российских и китайских респондентов.

Заключение. Проведённое исследование позволяет установить следующие особенности образа науки в представлениях молодёжи России и Китая:

- представители молодёжи обоих государств проявляют высокий интерес к научной деятельности;
- как у российских, так и у китайских респондентов отсутствуют отрицание науки и негативные настроения по отношению к этой сфере;
- в представлениях российской молодёжи наука – это в первую очередь ключ к получению новых знаний, познания мира;
- китайские респонденты, в отличие от российских, определяют науку как необходимую базу для карьерного роста и повышения личного благосостояния;
- российские студенты выражают более высокую степень тревожности, связанную с представлениями о непосильной сложности научной деятельности, чем китайские студенты.

Полученные результаты исследования способствуют определению актуальных тенденций среди молодёжи по отношению к научной деятельности, а также необходимы для оптимизации современной российской научной системы. Понимание национальных особенностей образа науки позволяет эффективно выстраивать двусторонние российско-китайские программы обмена и сотрудничества между научными учреждениями. Это позволит объединить потенциал молодого поколения двух государств для решения региональных и мировых проблем в сфере политики, экономики, культуры, экологии, здравоохранения и многих других.

Перспектива дальнейшего изучения проблемы формирования национального образа науки среди молодёжи заключается в необходимости выявления проблем оттока молодых кадров

из науки, разработке способов повышения мотивации к научной деятельности, осуществлении анализа опыта Китая по решению данных проблем и внедрении совместных российско-китайских молодёжных программ научно-технического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, М. Р. Социокультурные основания конструирования образов науки: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Васильева Марина Рашидовна. – Кемерово, 2005. – 24 с.
2. Герасимова, И. А. Образы науки в отечественной литературе XVIII-XXI вв. / И. А. Герасимова // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. 37. – № 3. – С. 100-111.
3. Клишина, С. А. Образ науки в русской художественной литературе / С. А. Клишина // Вестник российского химико-технологического университета имени Д. И. Менделеева: Гуманитарные и социально-экономические исследования. – 2015. – № 6-1. – С. 72-84.
4. Мень, С. А. Образ науки в современном мире / С. А. Мень, Л. В. Пятилетова // Современные научные исследования и инновации. – 2018. – № 4 (84). – С. 14.
5. Новикова, Е. Ю. Образ науки у студентов: образовательный аспект / Е. Ю. Новикова // Право и образование. – 2022. – № 7. – С. 4-12.
6. Трошихин, В. В. Современный образ науки и перспективы её развития / В. В. Трошихин // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2012. – № 2 (42). – С. 23-31.
7. Шалаев, В. П. Синергетический образ университетской науки в условиях вызовов современности: между хаосом и порядком (опыт критического анализа) / В. П. Шалаев // Социальное время. – 2020. – № 2 (22). – С. 66-73.
8. Яковлева, А. Ф. Образ науки в представлениях молодых учёных: социокультурные измерения / А. Ф. Яковлева, А. В. Селезнева, Н. Н. Емельянова // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2020. – № 4 (26). – С. 194-213.
9. Yang, Zh. Image of China Science on International Social Media Platform – Based on Data from Twitter / Zh. Yang // Bulletin of China of Sciences (Chinese Version). – 2023. – № 1 (38). – P. 14-21.
10. Wang, Haizhou. Guojia xingxiang yanjiude zhishi tupu jiqi zhengzhixue zhuanxiang / Haizhou Wang // Zai zhengzhixue yanjiu. – 2021. – № 3. – P. 3-16.
11. Исследование «Делаем науку в России» // Сайт национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – URL: <https://issek.hse.ru/news/813486610.html> (дата обращения: 13.09.2023). – Текст: электронный.
12. Грантовые программы для детей и молодёжи // Сайт «Движение Первых». – URL: <https://xn--90acaghgpc7c8c7f.xn> (дата обращения: 12.09.2023). – Текст: электронный.
13. Zhonghua renmin gongheguo jiaoyubu wangzhan // Официальный сайт Министерства образования КНР. – URL: <http://www.moe.gov.cn/> (дата обращения: 25.09.2023). – Текст: электронный.

Чжан Мяо, Жалсанова Б. М.

Zhang Miao, B. M. Zhalsanova

МОЛОДЁЖНАЯ МОДА В КИТАЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В XXI ВЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ СУБКУЛЬТУРЫ «Y2K»)

YOUTH FASHION IN CHINA AS A CULTURAL PHENOMENON IN THE 21st CENTURY (BASED ON THE EXAMPLE OF THE «Y2K» SUBCULTURE)

Чжан Мяо – преподаватель Цзилиньского педагогического колледжа инженерных технологий, Цицикарский университет (КНР, Чанчунь), аспирант факультета культуры и искусств Забайкальского государственного университета (Россия, Чита); тел. 8(924)2744353. E-mail: zhangmiao88@yahoo.com.

Zhang Miao – Teacher, Jilin Teachers College of Engineering Technology, Qiqihar University (China, Changchun), Postgraduate Student, Faculty of Culture and Arts, Transbaikal State University (Russia, Chita); tel. 8(924)2744353. E-mail: zhangmiao88@yahoo.com.

Жалсанова Баирма Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна факультета культуры и искусств Забайкальского государственного университета (Россия, Чита); тел. 8(924)3768377. E-mail: bairma-ts@mail.ru.

Bairma M. Zhalsanova – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Theory and History of Culture, Arts and Design, Faculty of Culture and Arts, Transbaikal State University (Russia, Chita); tel. 8(924)3768377. E-mail: bairma-ts@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена модной тенденции последних лет в Китае, которая вернулась благодаря молодому поколению Z и социальным сетям. С помощью изучения специальной литературы анализируются исторический и современный аспекты молодёжной культуры, которые наравне с остальными социальными факторами занимают важную часть в жизни современного человека. В статье установлено, что в сегодняшние дни трансформируется представление о моде: из дискурса мода переходит в функциональную операцию, когда молодое поколение диктует новые модные тенденции дизайнерам. Характерными особенностями уличной моды в Китае является её мобильность и транскультурность. В статье рассматривается одно из наиболее популярных китайских субкультурных движений «Y2K», раскрываются особенности его происхождения, функционирования и дальнейшие тенденции развития.

Summary. The article is devoted to the fashion trend of recent years in China, which has returned thanks to the young generation Z and social networks. Through the study of specialized literature, the historical and modern aspects of youth culture are analyzed, which, along with other social factors, occupy an important part in the life of a modern person. The article establishes that today the idea of fashion is being transformed: from a discourse, fashion moves into a functional operation, when the younger generation dictates new fashion trends to designers. The characteristic features of street fashion in China are its mobility and transculturality. The article examines one of the most popular Chinese subcultural movements «Y2K», reveals the features of its origin of functioning and further development trends.

Ключевые слова: уличная мода, Китай, «Y2K», стиль, футуризм, субкультура, поколение Z, космическая тематика, «проблема 2000 года».

Key words: street fashion, China, «Y2K», style, futurism, subculture, generation Z, space theme, «Y2K» problem.

УДК 39

На сегодняшний момент в молодёжной моде Китая в одинаковой степени популярны и местные молодёжные субкультурные группы, и эстетика Запада. Это объясняется растущим влиянием их на сферу моды: отдельные элементы и в том числе стиль одежды участников социальной группы видоизменяются и включаются в общую культуру современного общества. Представители творческого профессионального сообщества, в том числе дизайнеры и фотографы, регулярно об-

рашают свои взоры на молодёжные субкультурные группы, используют визуальный образ ушедших лет в виде референса и, возвращаясь к эстетике, пересматривают их. Речь идёт об уличной моде и субкультуре «Y2K». В последние годы в Поднебесной среди молодого поколения набирает популярность стиль нулевых с его одеждой ярких цветов, футуристических форм и металлических оттенков.

Исследования в области молодёжной моды достаточно обширны и разнообразны. Многие российские и зарубежные исследователи, проводившие изыскания в этой сфере, акцентируют своё внимание на отдельных аспектах и элементах данного феномена. Имеется ряд работ К. Бреварда, О. Вайнштейна, Т. Полимуса, касающихся культурологических исследований, в которых раскрыты феномен моды. Многочисленные труды А. Гофмана, Г. Зиммеля, Г. Эрнера и других исследователей наиболее полно отражают специфику исследования социологии моды. Отдельные стороны истории моды рассматривали китайские и российские исследователи (М. Мерцалова, Е. Киреева, Ван Цин, Ли Су, Вэй Жунхуй и др.).

При этом уличная мода в культуре Китая в XXI в. на примере субкультуры «Y2K» до сих пор не стала предметом целенаправленного научного изучения. Следовательно, концепция молодёжной моды требует дальнейших теоретических разработок. Одним из онтологических вопросов в данном контексте является проблема репрезентативности субкультуры «Y2K» для раскрытия национальных особенностей молодёжной субкультуры Китая в целом.

Цель настоящей работы – анализ особенностей молодёжной моды в современной культуре Китая на примере субкультуры «Y2K». Мода как своеобразный индикатор социокультурных изменений выступает предметом исследования. В качестве объекта исследования из множества молодёжных субкультурных образований Китая нами было отобрано субкультурное движение, обозначенное как «Y2K». Выбор именно данного сообщества продиктован ростом его популярности в среде китайской молодёжи поколения Z (девушки и юноши с 1997 по 2012 год рождения) в последние три года. «Поколение Z – это дети мультимедийных технологий. Это поколение, родившееся в информационном обществе, представители которого “связаны” между собой благодаря таким вещам, как интернет, YouTube, мобильные телефоны, SMS и MP3-плееры» [6, 121]. Если в прошлом коммуникация молодёжных субкультур осуществлялась «исключительно онлайн и по этой причине охватывала лишь сравнительно небольшие сообщества одного поселения, округа или префектуры, реже – небольшого государства, то теперь она происходит как на локальном уровне, так и дистанционно» [7, 7]. Согласно отчёту «Потребительский взгляд на моду поколения Z», опубликованному в 2020 году, число представителей поколения Z в Китае превысило 226 миллионов человек, что составляет 16 % от общего числа молодёжи [10].

Субкультура «Y2K» – это, по сути дела, отражение взгляда зумеров на модные тенденции конца 1990-х и начала 2000-х годов. По мнению некоторых специалистов, возрождение поколения 2000-х связано с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. Следовательно, «ошибка тысячелетия» – это признак тоски по минувшей (лучшей) эпохе.

Поэтому необходимы изучение и анализ характерных особенностей в этом направлении, что является основной целью настоящей статьи. В число задач входит:

1. выявить характерные черты, факторы формирования молодёжной субкультуры, функционирующей в современной культуре Китая;
2. выполнить обзор научной литературы по истории возникновения молодёжной субкультуры Китая «Y2K» в дизайне одежды;
3. осуществить терминологический и теоретический анализ уличной моды «Y2K» для получения объективных выводов относительно его специфики и особенностей существования в современной культуре Китая.

Исследование осуществлено с привлечением методов теоретического и терминологического анализа с опорой на комплексный подход, предоставляющих возможность детально изучить ключевые понятия, выяснить наличие их взаимосвязей и взаимозависимостей, определить теоретическую основу исследования молодёжной моды в Китае как культурного феномена в XXI веке, представить историю возникновения и развития молодёжных субкультур, характеристику совре-

менного состояния стиля «Y2K» и его проявления в одежде. Однако прежде чем начать теоретический анализ своеобразия и отличительных черт уличной моды Китая, следует разъяснить используемую терминологию путём рассмотрения различных вариантов определений, предлагаемых авторами в научной литературе.

В целом, тема молодёжной моды входит в сферу научных интересов многих современных исследователей. Сам термин «уличная мода» в современной научной литературе понимается и трактуется по-разному. Во-первых, уличная мода приравнивается к традиционному понятию – стиль одежды, понимаемый в качестве индивидуального средства выражения собственных предпочтений и вкуса во внешнем виде [11; 5]. Во-вторых, этот термин предстаёт в виде собственно уличной моды, способной вне зависимости от моды высокой, продвигаемой кутюрье, присваивать одежде модный статус [9].

Исследователь Л. А. Закарян в своей обширной работе, посвящённой феномену уличной моды в культуре начала XXI века, отстаивает точку зрения о том, что следует отличать «уличную моду» от «уличного стиля». Данные понятия очень часто трактуются как синонимы вследствие существования тесной взаимосвязи между ними. По её словам, уличный стиль является основой уличной моды [4]. Собственно говоря, уличная мода предстаёт в виде процесса создания глобальных и локальных тенденций, возникающих в городе из-за «лидеров» моды и посредством СМИ и распределяющихся в более широкие пласти общества. Глобальная уличная мода функционирует в виде полноценного модного направления по всему миру, локальная же действует в пределах масштаба одного города и с проникновением тенденций «снизу вверх».

В настоящее время трансформируется представление о моде: из дискурса мода переходит в функциональную операцию, когда молодое поколение диктует новые модные тенденции дизайнерам. Как утверждает А. В. Фролова, происходит смещение моды с подиумов на обычные улицы, в результате чего возникает слияние моды и городской среды, которое демонстрируется во внешнем облике людей [12, 241].

Согласно контент-анализу публикаций о модных городах мира в средствах массовой информации, самыми известными столицами моды являются Париж, Нью-Йорк, Милан и Лондон. В то же время, по мнению Р. Кейла, самые яркие проявления эры урбанизма можно наблюдать на периферии [2, 104]. Современные исследователи Д. Гилберт, П. Касадеи сходятся во мнении, что источниками культурной динамики и изменений общественной атмосферы всё чаще будут уже не прежние центры. Авторы обращают своё внимание на города, находящиеся в отдалении от крупнейших центров, но имеющие большую культурную и демографическую значимость. «Прирост городского населения происходил большей частью в городах, местоположение, культура потребления и политическая обстановка которых существенно отличаются от тех, которые раньше были типичны для “центров моды”» [2, 103]. Возможно, следующей мировой столицей моды станет китайский мегаполис – Шанхай. По словам К. Брюард, своими характерными особенностями этот город будет резко отличаться от прежних центров и даже от своих дореволюционных образов «Парижа Востока» и «Жемчужины Востока» [2, 203].

В конце XX и начале XXI веков Китай наравне с другими ведущими странами Восточной Азии (Южная Корея и Япония) оказывает значительное воздействие на мировые тенденции в сфере моды. По словам И. В. Черданцевой, А. Т. Жиреновой и А. А. Тузовой, они «постепенно становятся флагманами глобального мирового рынка, определяя тенденции развития многих предметов, подверженных влиянию на них моды и используемых нами в повседневной жизни. Одним из таких предметов является одежда – то, с чем слово “moda” ассоциируется в сознании субъекта прочнее всего» [13].

Феномен китайского фэшн-дизайна сам по себе уникален. Сегодня в Китае насчитывается свыше ста городов-миллионников и высокоразвитая индустрия производства, продажи и маркетинга модной одежды, обуви и аксессуаров. Благодаря улучшению качества многих сфер жизнедеятельности общества Китая индустрия моды в быстром темпе развивается. Но ещё недавно Китай переживал нелёгкие времена, когда эпидемия COVID-19 затронула каждую сферу жизнедеятельности человека, в том числе и модную индустрию. Беспрецедентное явление не только при-

несло убытки и спад, но и стало катализатором появления многих субкультур. Ярким свидетельством выступает возросший интерес у подрастающего поколения Китая к одежде в стиле «Y2K», ношение которой становится признаком соблюдения модного мейнстрима.

Молодое поколение Z как в Китае, так и во всём мире на протяжении последних лет (2021 – 2023 года) выбирает один из самых актуальных модных трендов – «Y2K». Модная тенденция в космической тематике возникла в конце 1990-х – начале 2000-х годов, в период, который часто именуют «новым тысячелетием» или «цифровой эпохой», когда мир с нетерпением ожидал наступления нового миллениума. Это время отмечается существенными технологическими изменениями и достижениями, сильно повлиявшими на образ жизни людей всего мира. Среди самых очевидных инноваций были повсеместное распространение мобильных устройств в качестве средства связи и медиацентра, появление высокоскоростного доступа в сеть Интернет, первых онлайн-сообществ, что увеличило возможности людей в сети и создало новые способы общения и обмена информацией. Между тем, невзирая на инновации, появившиеся в этот период, в новом тысячелетии ретро-мода не исчезла, а стала сочетаться с современными инновациями и технологичной модой.

Изначально «Y2K» не имел отношения к миру моды – его использовали программисты и разработчики компьютерных программ. Данная аббревиатура расшифровывается следующим образом: Y – year (год), 2 и K – kilo (1000) – и означает так называемую «Проблему 2000 года», заключающуюся в том, что многие компьютеры не были запрограммированы на эту временную перемену, и в этом специалисты видели риски огромных сбоев. Вопрос неувязки двух тысячелетий был переосмыслен и в массовой культуре.

Новый стиль стал популярен в моде, играх, музыке, кино, рекламе. На рубеже тысячелетий в музыке отмечался особый интерес к апокалиптической теме и электронной музыке (поджанры биг-бит, драм-н-бэйс и транс). К примеру, группы, исполнявшие эту музыку: Prodigy, Fatboy Slim, Junkie XL и др. В кинематографии XX – XXI столетий образ апокалипсиса стал также одной из наиболее сильных и выразительных тем (фильмы «Матрица», «Пятый элемент», «Люди Икс»).

Но сегодня этот термин ассоциируется только со стилем и модой прошлого века. Модные бренды Китая предоставляют разнообразный выбор футуризма в одежде как в онлайн-, так и в офлайн-магазинах. Ещё с 2018 года многие ведущие китайские модные дома стали включать элементы «Y2K» в свои коллекции одежды. Согласно статистическим данным, функционирует 48 брендов оригинальной одежды в стиле «Y2K» на платформе Taobao (крупнейшая платформа электронной коммерции) (см. рис. 1). В основном здесь представлена недорогая, но качественная базовая одежда независимых дизайнерских брендов. Кроме того, на популярных китайских платформах для социальных сетей и электронной коммерции, таких как Weibo, Xiaohongshu, темы и записи о «Y2K» возглавили рейтинг по количеству просмотров [3].

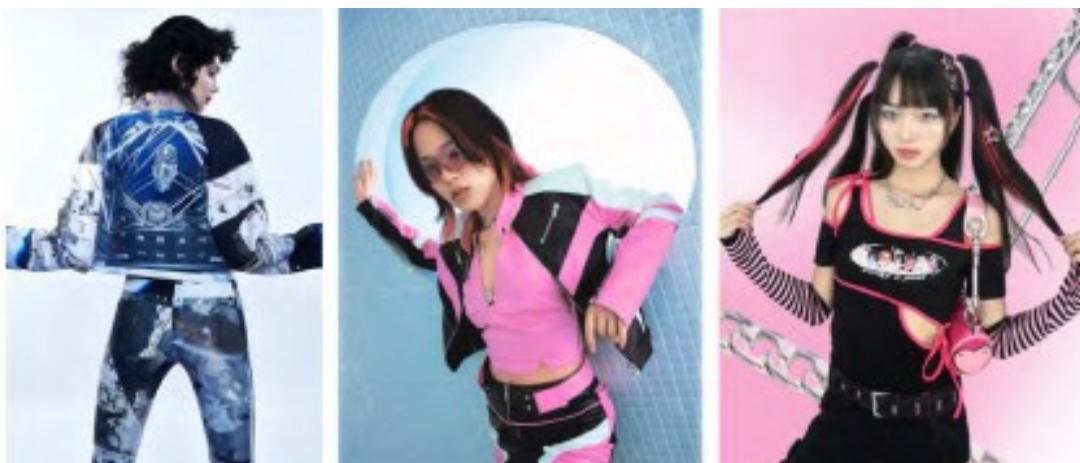

Рис. 1. Одежда «Y2K» оригинального бренда Taobao

Известный китайский бренд I LOVE CHOC представил коллекцию одежды весна/лето 2020 в стиле «Y2K», которая вдохновлена компьютерной игровой клавиатурой «WASD» (модели свободного кроя, флуоресцентные оттенки, спущенные плечи, асимметричные складки, крупные логотипы и другие дизайнерские приёмы). Серия BLACK CHOC (см. рис. 2) была сфокусирована на «кислотной» цветовой палитре (голубой и зелёный), радужном градиенте, логотипах, неправильных, увеличенных пропорциях, эффекте многослойности. Серия I LOVE BOBBY сосредоточена на высококачественных характеристиках продукции, элегантных и изысканных деталях, авангардном стиле, лёгкой ткани с ПВХ-покрытием и плиссированных деталях.

Рис. 2. Весенне-летняя серия I LOVE CHOC 2020

Ещё одним ярким примером применения стиля «Y2K» является совместно созданная коллекция китайской компании по производству спортивной одежды и спортивного оборудования Li NING (основатель – олимпийский чемпион Ли Нин) и известного японского модного бренда X-LARGE (см. рис. 3). Классический флуоресцентный зелёный цвет, высокотехнологичные шрифты и светоотражающие ткани были выбраны в качестве отправной точки для ретро-футуристического образа. В коллекцию вошли свитера и спортивные костюмы с деталями ретро-футуризма (лента окантовочная со светоотражающим эффектом, тканевые рюкзаки с аппликациями и геометрическая прострочка), гармонично сочетающие футуристическую эстетику с уличной повседневной модой.

В 2020 году известный китайский спортивный бренд Anta выпустил линейку кроссовок в двух вариантах – «Glacier» и «Bird Ling» (см. рис. 4) как сочетание классического видения и современных технологий. Первый вариант обуви выпущен в белом цвете, который дополнен флуоресцентным зелёным и чёрным цветами. Дизайн модели основан на геометрических фигурах и линиях с оптическим эффектом благодаря ткани с интегрированными оптическими волокнами. Второй вариант представляет собой обтекаемый силуэт с акцентом на объёмный рисунок и с эффектом плавного перехода цвета. Всё это идеально подчёркивает характерные особенности стиля «Y2K».

Главные характерные черты стиля «Y2K» выражаются в инновационных технологиях (искусственные материалы для одежды, такие как кожзам, винил, латекс, ПВХ, нейлон, кримплэн, пластик, люрекс, светоотражающие полосы), оптимистичных цветовых тенденциях (флуоресцентные цвета, насыщенные однотонные цвета, цвет металлик, сочетание контрастных цветов, геометрические принты и ломаные линии), недорогих деталях, усиливающих образ (украшения для волос конфетных цветов, мерцающая пудра и голограммические тени, массивная металлическая и пластиковая бижутерия, сияющие пояса и солнцезащитные очки в яркой оправе) [1, 114] и ретро-футуризме (архитектурно-геометрический крой).

Рис. 4. Кроссовки Anta «Glacier» и «Bird Ling»

Рис. 3. Продукция совместного сотрудничества
Ли Нина с X-LARGE

Китайская молодёжная социальная группа «Y2K» породила несколько стилистических течений, включающих в себя разнообразные формы выражения: научная фантастика будущего (science fiction future), чувственная, соблазнительная девушка (sexy hot girl) и милый образ земной девушки, вдохновлённый японской эстетикой «каваи» (earth cool girls).

Рассмотрев специфические особенности китайской уличной моды, можем сформулировать определённые выводы:

1. В настоящее время трансформируется представление о моде: из дискурса мода переходит в функциональную операцию, когда молодое поколение диктует новые модные тенденции дизайнерам.

2. Характерной особенностью уличной моды Китая является её мобильность. В максимально сжатые сроки происходит практически быстрое дублирование и адаптация модной тенденции в массовое производство.

3. Другой чертой является транскультурность. Основой для формирования уличной моды служат уже существующие элементы зарубежных культур (Япония и Европа), а значит, она заимствует и некоторые ценности этих культур.

4. Представители субкультуры «Y2K» – это молодые люди поколения Z (с 1997 по 2012 год рождения) и их современные кумиры (Белла и Джиджи Хадид, Кендалл Дженнер, Хейли Бибер и др.). В модную индустрию это слово попало благодаря социальной сети «ТикТок» (TikTok) и поколению Z, которые прониклись экстравагантной модой и популяризовали её. Представители субкультуры отличаются крайне эпатажным стилем «нулевых», необычной броской одеждой и обилием всевозможных аксессуаров. Своим внешним видом они похожи на последователей субкультуры киберпанка. Однако в отличие от киберпанка, характеризуемого пессимистическими взглядами на жизнь, наоборот, сообщество «Y2K» обретает позитивные черты, веру в светлое технологическое будущее.

5. Социальная группа «Y2K» является крупным коммуникативным каналом, подпространством информационного обмена, интегрирующим реальные и виртуальные виды общения [8]. Рассмотренная нами китайская молодёжная субкультура в той или иной мере функционирует в пространстве Всемирной паутины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, Е. А. Футуризм – вчера, сегодня, завтра. Особенности стиля в мире моды / Е. А. Васильева, Ю. Ю. Фирсова, М. И. Алибекова // Инновационное развитие лёгкой и текстильной промышленности (ИНТЕКС-2019): сборник материалов Международной научной студенческой конференции, Москва, 16 апреля 2019 года. Ч. 1. – М.: ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина», 2019. – С. 112-116.
2. Гилберт, Д., Охота на модный город: переосмысление отношений между модой и городской средой в XXI веке / Д. Гилберт, П. Касадеи; пер. с англ. Т. Пирусская // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2020. – Вып. 4: зима (58). – С. 91-108.
3. Гун Юцянь. Анализ и дизайнерское применение ретро-тенденций среди потребителей одежды после 90-х годов / Гун Юцянь. – Чжэцзян: Чжэцзянский технологический университет, 2020.
4. Закарян, Л. А. Феномен уличной моды в культуре начала XXI века: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Закарян Лилит Александровна. – Москва, 2013. – 29 с.
5. Кондакова, Ю. В. Уличная мода как социальный феномен / Ю. В. Кондакова, К. К. Вишнякова // Актуальные аспекты современной науки: сборник материалов XIV международной научно-практической конференции. – Липецк: «Радуши», 2017. – С. 94-97.
6. Копелович, Н. П. Поколение Z – дети информационного общества и их влияние на современную моду / Н. П. Копелович // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. – 2022. – Т. 22. – № 12. – С. 120-125.
7. Костюрина, Н. Ю. Субкультура барберов / Н. П. Костюрина, В. В. Короленко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № II (66). – С. 4-9.
8. Котельникова, Н. Н. Молодёжные субкультуры в медиаурбанистическом пространстве современного китайского города / Н. Н. Котельникова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – № 1 (47). – С. 25-32.
9. Лаврова, Л. Б. Российская мода подиумов и уличная мода: проблемы и практики / Л. Б. Лаврова // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире: материалы XXI российской научно-практической конференции (с международным участием). – Екатеринбург: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет», 2019. – С. 710-719.
10. Ма Чжунхун. Текущая ситуация и размышления об исследовании отечественной молодёжной онлайн-субкультуры / Ма Чжунхун // Молодёжное исследование. – 2011. – № 04. – С. 5-11.
11. Толобова, Е. О. Уличная мода как особое направление пост-моды начала XXI века / Е. О. Толобова // Образование. Наука. Культура: материалы международного научного форума. – Электроизолятор: Гжельский государственный университет, 2018. – С. 194-196.
12. Фролова, А. В. Street fashion в современной городской среде / А. В. Фролова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. – № 3. – С. 239-243.
13. Черданцева, И. В. Традиция и модерн в тенденциях развития современной моды Китая, Южной Кореи и Японии / И. В. Черданцева, А. Т. Жиренова, А. А. Тузова // Философские дескрипты. – 2021. – № 24. – Режим доступа: <http://philosophdescript.ru/?q=node/200> (дата обращения: 07.03.2023). – Текст: электронный.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ PHILOLOGY AND ART

Новикова В. М.
V. M. Novikova

ГРЕЧЕСКИЕ И ЛАТИНСКИЕ МЕДИЦИНСКИЕ ТЕРМИНЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

GREEK AND LATIN MEDICAL TERMS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Новикова Валерия Михайловна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(909)889-21-96. E-mail: devalera9@gmail.com.

Valeria M. Novikova – Senior Lecturer, Linguistics and Intercultural Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Pr.; tel. 8(909)889-21-96. E-mail: devalera9@gmail.com.

Аннотация. Латинский и греческий языки являются основополагающими источниками медицинской терминологии в английском языке. Множество медицинских терминов и выражений, используемых в современной медицине, имеет своё происхождение в греческом, а также латинском языке. Это связано с тем, что оба языка были универсальными в области науки и медицины в течение длительного времени. В этой статье рассматриваются примеры медицинских терминов из латинского и греческого языков в английском языке, а также их значение для современной медицинской практики. Медицинские термины из латинского и греческого языков имеют большое значение для современной медицины. Использование единого набора таких слов позволяет врачам и медицинскому персоналу из разных стран и культур понимать друг друга и обмениваться информацией. Это особенно важно в научной и международной медицинской практике, где точность и ясность коммуникации являются ключевыми составляющими. Кроме того, медицинские термины из латинского языка позволяют специалистам быстро и точно описывать симптомы и диагнозы пациентов, облегчая обмен информацией и обеспечивая более эффективное взаимодействие между врачами и пациентами.

Summary. Latin and Greek are the fundamental sources of medical terminology in the English language. Many medical terms and expressions used in modern medicine have their origins in Latin and Greek languages. This is because Latin has been the universal language in the fields of science and medicine for a long time. This article examines examples of medical terms from Latin and Greek into English and their significance for modern medical practice. Medical terms from Latin are of great importance for modern medicine. Applying a common set of these words allows doctors and medical personnel from different countries and cultures to understand each other and exchange information. This is especially important in scientific and international medical practice, where accuracy and clarity of communication are key components. In addition, medical terms from Latin allow professionals quickly and accurately describe patients' symptoms and diagnoses, facilitating the exchange of information and allowing more effective communication between doctors and patients.

Ключевые слова: термины, латинский, английский, медицина, греческий.

Key words: terms, Latin, English, medicine, Greek.

УДК 81

На сегодняшний день медицинская наука является одной из наиболее важных, а также быстроразвивающихся сфер в современном обществе. Стремительный прогресс в данной области не мог обойти стороной и английский язык. В английском языке всё больше появляются термины, применяющиеся при лечении болезней, из других языков. В современном мире медицинская терминология является неотъемлемой частью медицинской практики и обучения.

Такая специальная терминология используется врачами и медицинским персоналом. С её помощью можно описать болезни, процедуры, симптомы или другие аспекты взаимодействия между доктором и пациентом. Многие медицинские термины, используемые в английском языке,

уходят корнями в латинский и греческий языки. В данной статье мы рассмотрим значение и историю медицинских заимствований из греческого языка и латыни в английском языке.

Материалом для исследования в данной статье послужили медицинские термины из латинского и греческого языков.

Объект исследования – греческий и латинские языки.

Предмет исследования – медицинские термины из греческого и латинского языков.

Задачи исследования:

1. Отобрать методом сплошной выборки термины из греческого и латинского языков.
2. Раскрыть исторические аспекты и важность медицинских терминов.
3. Провести анализ примеров из греческого языка.
4. Провести анализ примеров из латинского языка.

Теоретический материал настоящей научной статьи включает результаты исследования, выполненного с помощью следующих методов познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, приёмы когнитивной лингвистики, а также компонентного и дистрибутивного анализа.

Важность медицинских терминов. Прежде всего, необходимо раскрыть понятие «термин». Термин – слово или словосочетание, являющееся названием определённого понятия определённой специальной области науки, техники и искусства. Под медицинским термином подразумевается определённое понятие из медицинской области. Современные медицинские термины из латинского языка имеют большое значение для медицины. Такие слова представляют собой единый язык, позволяющий медицинскому персоналу, врачам или иным специалистам в сфере здравоохранения взаимодействовать между собой, обмениваться информацией, преодолевая языковые барьеры. Такое единство языка крайне важно в контексте клинических исследований на международном уровне, где специалисты разных национальностей принимают активное участие [2].

Точность высказывания, успешная коммуникация в медицинской сфере играют решающую роль. Неправильная интерпретация медицинского термина негативно сказывается на взаимодействии между доктором и пациентом. Таким образом, употребление универсальной медицинской терминологии позволяет преодолеть этот барьер, снизить риски, облегчить понимание и обмен информацией между специалистами в медицинской сфере [1].

Исторический аспект медицинских терминов. Корни медицинских терминов из латинского языка уходят глубоко в античные медицинские традиции. Латинский язык во времена Римской империи служил основным и единственным средством, с помощью которого осуществлялась передача не только медицинских знаний, но и практик. Врачи и философы Древнего Рима занимались изучением древнегреческой медицины, осуществляли её перевод на латынь, что в конечном счёте послужило возникновению медицинской терминологии, которая используется до настоящего времени. Важную роль в развитии медицинской терминологии сыграл греческий врач и философ Гиппократ. Он внёс огромный вклад в развитие медицинской науки. Его научные работы были переведены на латинский язык и сохранены в исторических источниках [3].

Использование латинского языка в эпоху Римской империи внесло значительный вклад в развитие медицинской терминологии. Благодаря римским врачам и философам, изучавшим греческую медицину и переводившим её на латынь, была создана основа для медицинской терминологии.

Примеры греческих медицинских терминов. Как было сказано ранее, медицина – одна из древнейших наук, которая берёт своё историческое начало с античных времён. Греция считалась колыбелью знания и оказала огромное влияние на развитие медицинской науки и практики. Неудивительно, что множество медицинских терминов, существующих в английском языке, происходит из греческого языка. Далее мы рассмотрим некоторые из наиболее значимых греческих медицинских терминов в английском языке.

Слово «фармацевтика» является одним из наиболее широко используемых греческих медицинских заимствований. «Фармацевтика» происходит от греческого слова «pharmakeia», что означает искусство приготовления лекарств или ядов. В английском языке слово «фармацевтика» от-

носится к научному и профессиональному аспекту приготовления, изготовления или продажи лекарственных препаратов.

Ещё одно не менее важное греческое медицинское заимствование – «педиатрия». Оно происходит от греческих слов «*pais*» и «*iatros*», что соответственно означает «ребёнок» и «врач». «Педиатрия» является медицинской специализацией, изучающей здоровье и болезни детей.

В греческом языке существует термин «дерматология». Он состоит из таких слов, как «*derma*», что переводится как «кожа», и «*logos*», что означает «наука». «Дерматология» как наука изучает различные кожные заболевания. Врачи-дерматологи занимаются диагностикой, предупреждением и лечением кожных заболеваний.

От греческих слов «*arthron*», что означает «сустав», и «*itis*», что переводится как «воспаление», образуют ещё одно интересное заимствование – «артрит». Этот термин означает воспалительное заболевание определённых суставов, которое приводит к боли, жёсткости и ограниченности движений человека.

Не менее интересными являются термины, связанные с кровеносной системой и сердцем. Термин «кардиология» также происходит из греческого языка, от слова «*kardia*», что означает «сердце». «Кардиология» служит описанием медицинской специализации, которая занимается изучением и лечением сердечных заболеваний. Более того, термины «гипертония» (высокое кровяное давление) и «гипотония» (низкое кровяное давление) происходят от греческого слова «*tonos*», что означает «напряжение».

Термин «симптом» происходит от греческого «*symptōma*». Термин обозначает «состояние, показатель». С помощью термина «симптом» часто описывают проявление заболевания или состояния, которое помогает врачу поставить точный диагноз.

Термин «диагноз» происходит от греческого «*diagnōsis*», что в прямом смысле означает «различение». Диагноз обозначает процесс определения заболевания с помощью анализа симптомов и исследования.

Стоит упомянуть такие термины, как «терапия» и «реабилитация». Оба слова происходят от греческого «*therapeia*», что в греческом означает «лечение». Под терапией понимается определённый курс действий или медицинский поход, направленный на лечение заболевания или улучшение плохого состояния пациента.

Слово «психосоматика» образовано от греческих слов «*psyche*», что в переводе означает «душа», и «*soma*», что означает «тело». Психосоматика описывает взаимосвязь между психическими и физическими аспектами определённого заболевания, а также влияние психологических факторов на состояние организма человека.

Большое значение в медицинской лингвистике имеют также термины, связанные с названиями различных заболеваний человека. Ярким примером является термин «артериосклероз», который происходит от греческого «*arteria*», что означает «артерия», и «*skleros*», что означает «твёрдый». Артериосклероз описывает состояние, при котором артерии становятся твёрдыми и, как следствие, утрачивают свою эластичность из-за накопления холестерина и других веществ в организме [8].

Медицинская лингвистика и сами термины имеют огромное значение для коммуникации врачей с пациентами и между специалистами, особенно на международном уровне. Знание и точное понимание греческой медицинской терминологии позволяет врачам точно описывать симптомы, диагностировать различные заболевания и предписывать соответствующее лечение пациентам. Для самих пациентов это также важно, поскольку позволяет им лучше понимать состояние своего здоровья и общаться с врачами, преодолевая языковые барьеры [4].

Учитывая тот факт, что греческая медицинская терминология была в употреблении в английском языке на протяжении многих веков, она также продолжает развиваться и обновляться с развитием медицинской науки, и в особенности технологий. Новые термины и сама система терминологии эволюционируют, отражая новые открытия и достижения в медицине.

Это лишь небольшая часть примеров из греческого языка, поскольку самих терминов существует намного больше. Медицинская терминология, в которой использованы латинские и гречес-

ские слова, широка и разнообразна, она проникает во многие области медицинской науки и практики. Медицинская терминология в английском языке играет важную роль в обмене информацией и понимании между различными специалистами в сфере здравоохранения, пациентами и учёными. Термины позволяют точно описывать различные состояния, процедуры и лечение, что, в свою очередь, помогает врачам эффективнее диагностировать и лечить заболевания, а пациентам лучше понимать своё состояние и процессы лечения.

Однако немаловажным является тот факт, что не все пациенты могут знать данные медицинские термины и уметь их правильно употреблять, и врачи должны использовать язык, доступный для каждого конкретного пациента, чтобы обеспечить максимальное взаимопонимание между ними.

Следует также отметить, что медицинские термины в английском языке продолжают эволюционировать и обновляться с развитием медицинской науки. Новые термины возникают для описания новых заболеваний, лечения и технологий [5].

Примеры медицинских терминов из латинского языка. Среди множества медицинских терминов, используемых в современном английском языке, значительная часть происходит из латинского языка. Рассмотрим следующие примеры:

1. Anesthesia – анестезия, происходит от латинских слов «an-» (без) и «aesthesia» (чувство). Это состояние потери сознания и обезболивания при медицинских процедурах. Таким образом, анестезия означает «отсутствие чувствительности» и обычно используется для описания состояния, когда больной лишён болевых ощущений.

2. Autoimmune – аутоиммунный, состоит из латинских слов «auto» (сам) и «immunis» (свободный, независимый). Этот термин описывает состояние, при котором иммунная система организма направлена против собственных тканей.

3. Cerebrovascular – цереброваскулярный, состоит из латинских слов «cerebrum» (мозг) и «vasculum» (сосуд). Этот термин относится к сосудам, которые питают мозг.

4. Endoscopy – эндоскопия, состоит из латинских слов «endo» (внутренний) и «scopu» (изучение). Это медицинская процедура, при которой врач использует эндоскоп для внутреннего исследования полостей или органов.

5. Gastritis – гастрит, происходит от латинского слова «gastrus», что означает желудок. Этот термин обозначает воспаление слизистой оболочки желудка.

6. Hemorrhage – кровотечение, происходит от латинских слов «hem» (кровь) и «rhagia» (течь). Этот термин означает непроизвольную потерю крови.

7. Infarctus – загустение крови, используется для описания состояния, когда полностью или частично прекращается кровоснабжение определённого органа или тканей.

8. Laryngitis – ларингит, происходит от латинских слов «larynx» (гортань) и «itis» (воспаление). Это воспалительное состояние гортани.

9. Neurology – неврология, область медицины, которая изучает нервную систему.

10. Nephrology – нефрология, происходит от латинского слова «nephros» (почка). Это область медицины, которая изучает функцию и заболевания почек.

11. Osteoporosis – остеопороз, происходит от латинских слов «os» (кость) и «porus» (пора). Это состояние, при котором кости становятся хрупкими и склонными к переломам.

12. Prescription – рецепт, происходит от латинского слова «praescriptio» и означает указание врача на применение определённого лекарственного препарата.

13. Pathology – патология, происходит от латинского слова «pathologia» и обозначает изучение болезней и их последствий [7].

Заключение. Медицинские термины из латинского и греческого языков в английском языке имеют глубокое историческое и практическое значение. С помощью них обеспечивается единобразие и понятность коммуникации между врачами, медицинским персоналом и другими специалистами, связанными со сферой здравоохранения из разных стран и культур. Использование медицинских терминов из данных языков позволяет точно и эффективно описывать симптомы, проводить диагностику и лечение, а также обмениваться информацией в научных и клинических ис-

следованиях, особенно на международном уровне. Медицинские термины из латинского и греческого языков являются ключевым фактором для успешной международной кооперации и преодоления языковых барьеров между разными медицинскими сообществами. Медицинская терминология продолжает развиваться, отражая прогресс в медицинской науке и технологиях. Важно использовать язык, понятный для всех пациентов, чтобы обеспечить максимальное взаимопонимание между всеми участниками. Таким образом, использование медицинских терминов из латинского языка продолжает быть важной практикой в современной медицине, и, следовательно, медицинская лингвистика всё больше приобретает актуальность и значимость для специалистов, связанных со сферой здравоохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Angeles Maria. The English of the health sciences: a note on foreign borrowings. – URL: https://rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/35748/1/2012_Alcaraz_ESpecialist.pdf.
2. Banay George. An introduction to medical terminology. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC194697/pdf/mlab00247-0013.pdf>.
3. Dirckx John. Greek and Latin in medical terminology. – URL: <http://stedmansonline.com/webFiles/DictStedmans28/APP04.pdf>.
4. Дмитриева, Е. В. English for Bio-Medical Engineers (self-study competence development): учеб. пособие / Е. В. Дмитриева, С. Г. Иванова, Н. С. Сахарова; Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ, 2013. – 119 с.
5. Introduction to Biomedical Engineering / John Denis Enderle, Joseph D. Bronzino. Oxford: Academic Press, 2011. 1253 p.
6. Nagy Imola Katalin. The history, peculiar terminology and translation problems of the language of medicine. – URL: <http://www.upm.ro/lmd/LDMD-01/Lds/Lds%2001%2022.pdf>.
7. Online Etymology Dictionary. – URL: <https://www.etymonline.com/ru/>.
8. Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер, В. Л. Дашевская, В. А. Каплан и др. – 9-е изд. – М.: Русский язык, 2002. – 880 с.
9. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: Р. Валент, 2007. – 237 с.
10. Швейцер, А. Д. Теория перевода / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

Гиль О. Л.

O. L. Gil

ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОКИ СКАЗКИ Ж.-К. ГРЮМБЕРА «САМЫЙ ДОРОГОЙ ТОВАР»

FOLKLORE AND LITERARY ORIGINS OF J.-C. GRUMBERG FAIRY TALE «THE MOST PRECIOUS OF CARGOES»

Гиль Ольга Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск); 644099, г. Омск, ул. Партизанская, д. 4а, корп. 2. E-mail: ne_hill_o@mail.ru.

Olga L. Gil – PhD, Associate Professor, Literature and Cultural Studies Department, Omsk State Pedagogical University (Russia, Omsk); 644099, Omsk, 4a Partisanskaya St., building 2. E-mail: ne_hill_o@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу сказки Ж.-К. Грюмбера «Самый дорогой товар», основанной на историческом материале, обращающей читателей к недавнему прошлому человечества. Выявляются опора на фольклорную и литературную сказку XVII – XVIII вв., прежде всего на сказку Ш. Перро, преемственность и трансформация традиции в связи с задачами современности. Произведение французского писателя, призванное напомнить о Холокосте, адресовано подросткам, в связи этим в статье рассматриваются способ и форма общения с читателем, возможности влияния на его мировосприятие, расширение их кругозора и формирование интереса к литературе и истории.

Summary. The article is devoted to the analysis of J.-C. Grumberg's fairy tale «The Most Precious of Cargoes», based on historical material, and draws readers to the recent past of humankind. The reliance on the folklore and literary fairy tale of the 17–18th centuries is revealed, first, on the fairy tale of Ch. Perrault, continuity and transformation of tradition in connection with the challenges of modernity. The work of the French writer, designed to remind about the Holocaust, is addressed to teenagers, in this regard, the article examines the way and form of communication with the reader, the possibilities of influencing his worldview, expanding their horizons and forming an interest in literature and history.

Ключевые слова: фольклор, литературная сказка, притча, мотив, художественный приём, персонаж, традиция, детская литература, Холокост.

Key words: folklore, literary fairy tale, parable, motive, artistic technique, character, tradition, literature for children, the Holocaust.

УДК 82-3

Литературная сказка, дань которой отдали писатели разных стран и эпох, по праву занимает важное место в литературе для детей и подростков. В XX в. философские сказки, сказки-притчи, повести-сказки вошли в круг детского чтения благодаря А. де Сент-Экзюпери, Д. Крюсу, О. Пройслеру, Д. Родари, Я. Корчаку, А. Линдгрен, Т. Янссон и другим. Писатели на понятном школьникам языке говорили о самых разных проблемах, затрагивали темы, волнующие людей разного возраста, не всегда предлагая готовые ответы, но подводя аудиторию к необходимости размышлять, анализировать, самостоятельно делать выводы, следуя за логикой авторской мысли. Опираясь на опыт предшественников, писатели XXI столетия обращаются к событиям минувшего века, оставившим глубокий след в памяти современников, но по ряду причин не до конца осмысленным даже старшим поколением.

Одним из таких авторов стал Ж.-К. Грюмбер (J.-C. Grumberg, p. 1939) – французский драматург, сценарист, писатель. Жанр своего произведения «Самый дорогой товар» (La plus précieuse des marchandises, 2019) он определяет как «сказку» (un conte) и опирается на одну из наиболее

знаменитых сказок Ш. Перро «Мальчик-с-пальчик», таким образом отсылая читателя к традиции французской литературной сказки XVII в.

По мнению А. Строева, «...дата рождения французской литературной сказки известна совершенно точно – <...> в 1690 г. вышла «История Иполита, графа Дугласа», написанная Мари-Катрин Лежюмель де Барневиль, графиней д'Онуа. <...> вместо привычных вставных новелл герой решил рассказать сказку...» [5, 5]. Однако создателям литературных сказок пришлось отстаивать право жанра, считавшегося в то время низким, на существование. И член Французской Академии Ш. Перро, хотя и прочитал академикам на одном из заседаний свою (написанную явно под влиянием чтения «Декамерона» Д. Боккаччо) стихотворную сказку «Маркиза де Салюс, или Терпение Гризельды» (1691), в 1697 г. выпустил книгу «Сказки матушки Гусыни» под именем своего сына П. Дарманкура. Позднее, сравнивая тексты античности и французские народные сказки, Перро утверждал, что, в отличие от изящных произведений греков и римлян, в национальных сказках важную роль играет мораль: «Добродетель <...> вознаграждается, а порок наказывается. Все они проникнуты стремлением показать, сколь велики блага, которые приобретаешь, будучи честным, терпеливым, разумным, трудолюбивым, послушным, и какой вред приносит отсутствие этих качеств...» [1]. Так писатель подчёркивал дидактизм сказок, в соответствии с требованиями своего века считая важным нравственное воспитание юных читателей. Дидактизм сближал французскую литературную сказку с басней, недаром все произведения в книге Перро завершаются кратким поучением в стихах – «моралью».

Однако в опирающихся на фольклорную традицию сказках Перро много жестоких сцен, на что и обращает внимание Грюмбер. Первая фраза «Самого дорогого товара» почти полностью повторяет начало сказки «Мальчик-с-пальчик» (см. прим. 1). «Il était une fois un bûcheron et une bûcheronne <...>. Ils étaient fort pauvres...», – пишет Перро. («Жили-были дровосек и его жена <...>. Они были очень бедны...» – [перевод наш – О. Г.] [7, 112]. У Грюмбера читаем: «Il était une fois, dans un grand bois, une pauvre bûcheronne et un pauvre bûcheron» [6] (Жили-были в большом лесу бедная жена дровосека и бедный дровосек»). Так Грюмбер выделяет важные детали в сказке Перро, но тут же спешит успокоить читателя, что это не та самая хорошо известная всем сказка: «Вы тоже не любите эту глупую сказку? Я и сам её терпеть не могу. Где это слыхано, чтобы родители бросали своих детей, потому что не могли их прокормить? Вздор какой...» [2, 7]. Герои сказки Перро бедны из-за того, что у них слишком много маленьких детей, которые ещё не могут зарабатывать на жизнь, и их приходится кормить. У французской семейной пары в произведении Грюмбера вовсе нет детей, но там, где они живут, царит «великий голод», потому что идёт война и дровосек был «мобилизован <...> – работал на победителей» [2, 8]. Обращает на себя внимание и то, что традиционно в сказках сначала упоминается мужчина, а затем уже его жена, Грюмбер же на первое место ставит женщину. Именно её глазами читатель смотрит на происходящее, когда повествователь рассказывает о регулярно проходящих по железной дороге, проложенной через лес, товарных поездах.

К традиции XVII – XVIII вв. восходит деление произведения Грюмбера на несколько изначально кажущихся не связанными друг с другом частей – некое «разрушение единства повествовательного ряда, <...> введение параллельно развивающейся темы» [5, 28], предполагающее в то же время особую внутреннюю связь чередующихся эпизодов. Различается менталитет персонажей, культурный, интеллектуальный уровень, жизненный опыт, национальность, судьба – всё это делает текст стилистически неоднородным, позволяет читателю услышать другие голоса, увидеть некую «параллельную реальность». Вторая часть прямо вводит в произведение тему Холокоста, намёк на которую возникает в первой – при упоминании необычных товарных поездов.

Несобственно-прямая речь главного героя второй части – бывшего студента-медика (а теперь парикмахера-самоучки), который вместе с женой, грудными детьми, а также множеством говорящих на идише людей оказался в феврале 1943 г. в товарном вагоне, не оставляет у читателей сомнений, куда именно движется поезд, хотя место назначения прямо не названо: «Едва увидев товарный вагон <...>, он понял, что удача от них отвернулась. <...> До тех пор <...> им везло, их хотя бы не разлучили. <...> Этой благодатью, думал он, они обязаны своим драгоценным близне-

цам – Анри и Розе, Гершеле и Рореле» [2, 15]. Ясно понимая, что ждёт всех в скором времени, отец семейства пытается спасти хоть кого-то из малышей: «Только не выбирать <...>. Из-под пальто уже достал своё молитвенное покрывало. <...> Решётка, <...> но высунуть руку было можно. <...> Прошла головка, следом плечи. <...> Он помахал рукой старой женщине, которая стояла на коленях в снегу, словно благодарила небо. Поезд выехал из леса» [2, 22-23].

Беспомощный ребёнок по воле своего отца оказывается в лесу, как и Мальчик-с-пальчик с братьями, – Грюмбер, на первый взгляд, обманывает читательские ожидания. Однако во внешне сходных ситуациях таится их принципиальное различие: мотивы поступков героев произведений французских писателей диаметрально противоположны. Родители в сказке Перро избавляются от детей, чтобы не видеть их умирающими от голода, причём делают это дважды («...снова решили бросить детей в лесу, а чтобы теперь уже не потерпеть неудачи, завести их гораздо дальше» [4, 179]). Они отправляют детей на верную гибель, в то время как отец близнецов надеется сохранить жизнь хотя бы одному ребёнку.

В третьей и четвёртой частях реальность соединяется со сказкой. Грюмбер использует фольклорный мотив появления чудесного ребёнка у женщины или семейной пары, долгое время напрасно мечтающей о младенце. Но вместо традиционного сказочного чудесного зачатия или же создания ребёнка из доступных материалов, жене дровосека дают ребёнка «небеса <...>, бог товарного поезда» [2, 28-29] – она получает ответ на свои молитвы. Набожная женщина уверенно говорит мужу, что при необходимости другим дровосекам объяснил, «что это мой ребёнок, что я наконец-то понесла от твоих трудов» [2, 37]. Так возникает отсылка к Ветхому Завету. И само молитвенное покрывало в зимнем лесу выполняет функцию корзинки, в которой был отправлен Мойсей, однако воды Нила заменяет мягкий снег, а вместо дочери фараона появляется старая француженка.

Реакция вернувшегося домой «бедного дровосека» напоминает читателю сразу о двух персонажах сказки Перро: дровосеке, дважды бросавшем своих детей в лесу, и людоеде, готовом убить чужих мальчиков: «Это что ещё такое? – взревел бедный дровосек» [2, 35]. Он готов отнести «маленький товар» к железной дороге, оставить на верную смерть, ведь это «отродье проклятой расы» [2, 36], не имеющее права на жизнь. В споре дровосека с женой звучит одно из главных обвинений иудеев – «бессердечные», так как «распяли Христа». Есть в тексте намёк и на «Протоколы сионских мудрецов»: «Они убили Бога, и все они воры» [1, 37]. Дровосек не скрывает страх перед тем, что другие могут донести на них «охотникам за бессердечными» [2, 37], изгоняют из дома свою жену, как изгоняли евреев в разные времена из разных стран: женщина уходит с девочкой в дровяной сарай. Ребёнок для неё – радость, маленький ангелок, счастье, дар Божий. «Новая любящая мама» [2, 40] девочки мирно спит в сарае «сном праведников» [2, 31], в то время как её муж храпит, спит «отнюдь не сном праведника» [1, 62], но позднее – «почти праведника» [2, 67], ведь он привязывается к девочке и тоже благодарит Бога: «“Аллилуя!” <...> Мир казался им радостным <...> Они разделили на троих целую вязанку счастья...» [2, 72]. Фольклорная сказка могла бы завершиться подобным образом, но повествование Грюмбера на этом не заканчивается.

В идиллию вмешалась реальность военного времени. Бедный дровосек не просто сказал своим товарищам, что «у бессердечных есть сердце» [2, 77], но отдал свою жизнь, убивая преследователей, позволив жене и чужой по крови девочке, которая стала ему родной, спастись. Муж и жена в «Самом дорогом товаре» оказались теми, кого теперь причисляют к Праведникам народов мира. Таким же Праведником был и человек из лесной чащи, которого местные жители боялись как сказочного чудовища.

Повествование в очередной раз выходит за рамки сказочного, и рассказчик вынужден напомнить и себе, и читателям, что события происходят в вымышленном мире: «Во многих сказках – а у нас с вами сказка – обязательно есть лес. А в чаще этого леса непременно есть самая густая чащоба <...>. Детей, конечно, нельзя туда пускать» [2, 47]. Грюмбер, таким образом, играет с фольклорными и литературными текстами, с взаимоотношениями «автор – читатель», а кроме того, характеризует картину мира безграмотной жены дровосека: «...это заповедное место, где, как ей представляется, живут только лесные феи и эльфы, но также лешие и волки-оборотни» [2, 47].

Однако и другие местные жители знают, что здесь живет не то злой колдун, не то «враг людей», которого боятся абсолютно все.

К нечистой силе герои волшебных сказок обращаются, как правило, в тот момент, когда никто не может помочь в привычном и понятном им мире. За свои услуги сказочные существа берут определённую плату. И уродливый лесной человек в обмен на козье молоко для грудного ребёнка требует нечто ценное. Эта ценность – талит, который необходимо спрятать от посторонних. Образ двоится: в реальности – это недвусмысленный знак национальной принадлежности ребёнка, могущий стоить жизни всем, кто укрывает евреев, но для сказочного мира жены дровосека – это «роскошное покрывало <...>. Боги <...> постарались на славу, упаковав свой подарок в такую дивную ткань» [2, 31], «чудесное покрывало», «подарок богов», «божественное покрывало», «пальчики феи соткали его и расшили золотом и серебром» [2, 53].

Сюжет о подкидышех благородного происхождения, вскормленных козой и овцой, хорошо известен европейцам благодаря роману Лонга «Дафнис и Хлоя»: «...пастух <...> мальчика находит <...> в убранстве для подкидыша чересчур богатом: покрывало пурпурное, застежка золотая...» [3]. Покрывало должно помочь родителям узнать своего подросшего ребёнка. К античности (сказке об Амуре и Психее в романе Апулея «Золотой осёл») восходит сюжет сказки «Красавица и чудовище», с которой французы XVIII в. познакомились благодаря обработкам Г.-С. де Вильнёв (1740) и Л. де Бомон (1756). Любовь красавицы должна помочь заколдованныму принцу обрести прежний облик. Однако и эти мотивы Грюмбер использует лишь для того, чтобы вновь не оправдались читательские ожидания: «чудовище», наделённое добрым сердцем, укрывшее женщину и девочку в лесной глупи, когда им обеим угрожала опасность, не только не превратится в прекрасного принца, но будет бессмысленно убито в конце войны. Молитвенное покрывало не поможет чудом выжившему в концлагере отцу найти свою дочь.

В целом, история родной семьи девочки оказалась далеко не сказочной: «Дина, <...> и её новенькие метрики, и её ребёнок Анри, младенец, брат-близнец Розы, обрели невесомость в лимбере, уготованного невинным душам» [2, 44]. Бывший студент в концлагере брил заключённых, собирая волосы и увязывал их в тюки. Его спас «молоденький солдат с красной звездой», «в чьих вытаращенных глазах застыл ужас от увиденного» [2, 117]. Потом «бывший отец» «товарной единички» вернулся в свою страну, на медицинский факультет, стал знаменитым педиатром, долго искал свою дочь, но нашел ли её, «никто не знает» [2, 130].

Спасение ребёнка напоминает о благополучном конце сказки Перро. Мальчик-с-пальчик не просто спасает себя и братьев, но в дальнейшем помогает им и отцу разбогатеть (за приличную плату приносит королю вести о судьбе войска, дамам – об их возлюбленных, благодаря чему в итоге покупает должности своим близким). Следовательно, война помогает разбогатеть предпримчивому младшему сыну бедных дровосеков. В «Самом дорогом товаре», напротив, именно благодаря окончанию войны прекращаются несчастья многих людей, бывшая «товарная единичка», у которой теперь другое имя и фамилия, подрастая, становится «самой достойной пионеркой», и её фотография появляется в журнале. Счастлива её приёмная мать, но за это счастье пришлось заплатить страданиями и утратами, а родные по крови люди навсегда потеряли друг друга. Счастливый конец произведения Грюмбера весьма условен.

Чередование сказочного и реалистичного позволяет писателю рассказать о тяжёлых событиях недавнего прошлого так, чтобы у читателей не осталось сомнений в том, что вымышленные детали не отменяют правдивости истории в целом. И если Перро завершает повествование стихотворным поучением, то Грюмбер, поставив точку в истории «товарной единички», в эпилоге ведёт диалог с любознательными слушателями: «Ещё вопрос? Вы хотите знать, правда ли это?» [2, 133]. Убеждая читателей в том, что это лишь сказка и ничего подобного не было – «товарных поездов <...>, лагерей для перемещённых лиц, <...> лагерей смерти, <...> огня, пепла, слёз» [2, 133], обыгрывая приём умолчания, Грюмбер даёт понять, что случившееся в середине прошлого столетия не должно исчезнуть из памяти человечества. Эпилог выводит текст на уровень притчи о добрых сердцах, о мужественных людях и о любви к детям, «только благодаря которой жизнь продолжается» [2, 135].

Но и это ещё не конец произведения: «Приложение для любителей правдивых историй» занимает одну страницу. Грюмбер, приводя лишь цифры и факты, говорит о гибели евреев – старииков, инвалидов, взрослых, маленьких детей. В этом списке значатся и ближайшие родственники писателя. Так окончательно разрушается сказочный мир, уступая место действительности.

Полемика с Перро приводит к неожиданному результату: оба писателя (каждый в соответствии с обстоятельствами и требованиями своей эпохи) считают нужным говорить с читателем о добре и зле, о нравственных качествах, о том, каким должен быть человек и как он может себя вести, оказавшись в непростых обстоятельствах. История Грюмбера намного страшнее сказки Перро в силу того, что слишком близка к реальности. Однако отсылка к знакомым с детства текстам, сюжетам и мотивам, сочетание разнородных начал в произведении позволяют писателю говорить с подростками о прошлом так, что остается надежда на то, что человеческое в людях сильнее антигуманного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко, С. П. Шарль Перро / С. П. Бойко. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 314 с. – URL: <https://www.rulit.me/author/bojko-sergej-pavlovich> (дата обращения: 11.11.2023). – Текст: электронный.
2. Грюмбер, Ж. К. Самый дорогой товар / Ж. К. Грюмбер; пер. с фр. И. Хотинской. – М.: ИД «Книжники», 2020. – 144 с.
3. Лонг. Дафнис и Хлоя. Античный роман / Лонг; пер. с древнегреческого С. П. Кондратьева. – М., 2001. – URL: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1505001000> (дата обращения: 30.10.2023). – Текст: электронный.
4. Перро, Ш. Мальчик-с-пальчик / Ш. Перро // Сказки матушки Гусыни / Ш. Перро; пер. с фр. – М.: Астра, 1993. – С. 167-206.
5. Строев, А. Судьбы французской сказки / А. Строев // Французская литературная сказка XVII – XVIII вв. // Пер. с фр.; вступ. статья, сост. и comment. А. Строева; ил. А. Андроновой. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 5-32.
6. Grumbert J.-C. La plus précieuse des marchandises. Un conte. – Paris: Editions du Seuil, 2019. – URL: <https://www.babelio.com/livres/Grumbert-La-plus-precieuse-des-marchandises--Un-conte/1090646/extraits> (дата обращения: 10.10.2023). – Текст: электронный.
7. Perrault Ch. Le petit Poucet // Charles Perrault. Les Contes de ma mère l'Oye. – Lausanne: Éditions Rencontre, 1968. – Р. 112-131. – URL: <https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Perrault-contes.pdf> (дата обращения: 10.11.2023). – Текст: электронный.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В связи с тем, что в переводах на русский язык в данном случае эта связь теряется, представляется необходимым обратиться к началу текстов оригиналов.

Подворная А. В.
A. V. Podvornaya

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В КНИГЕ Ю. ЯКОВЛЕВОЙ «ДЕТИ ВОРОНА»

THE IMAGE OF TIME IN Y. YAKOVLEVA'S BOOK «CHILDREN OF THE RAVEN»

Подворная Алла Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культуры Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск); 644099, г. Омск, ул. Партизанская, д. 4а, корп. 2. E-mail: alla_omsk@bk.ru.

Alla V. Podvornaya – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Literature and Cultural Studies, Omsk State Pedagogical University (Russia, Omsk); 644099, Omsk, 4a Partisanskaya St., building 2. E-mail: alla_omsk@bk.ru.

Аннотация. В статье рассматривается первая книга из «Ленинградских сказок» Ю. Яковлевой. Обращаясь к жанру литературной сказки, автор предпринимает попытку рассказать о времени сталинского террора. Подчёркивается, что реалистическая и сказочно-фантастическая линии повествования обладают собственной значимостью. Отмечаются мотивные переклички с повестью Л. Чуковской «Софья Петровна». Оспаривается представление о том, что сказочная ритуальность снимает ощущение катастрофизма исторических событий.

Summary. The article examines the first book from «Leningrad Tales» by Yu. Yakovleva. Turning to the genre of literary fairy tales, the author makes an attempt to talk about the time of Stalin's terror. It is emphasized that the realistic and fairy-tale-fantastic lines of the narrative have their own significance. There are motivic similarities with the story «Sofya Petrovna» by L. Chukovskaya. The idea that fairy-tale ritualism removes the feeling of catastrophism of historical events is challenged.

Ключевые слова: литературная сказка, литература для подростков, современная литература, исторические темы.

Key words: literary fairy tale, literature for teenagers, contemporary literature, historical themes.

УДК 821.161.1

Литературная сказка прошла долгий путь развития, постепенно раскрывая свои жанровые возможности. Наибольшего расцвета и многообразия этот жанр достиг в литературе XX века. Исследователи выделяют такие разновидности литературной сказки, как философская, приключенческая, социальная, романтическая, научно-фантастическая, познавательная и др. Сказка, как и любой другой жанр, развивается, взаимодействуя с теми историческими, социальными и культурными реалиями, в которых она создаётся. В начале XXI века в рамках этого жанра писатели начинают осваивать темы трагического исторического опыта: репрессий, ужасов войны, Холокоста. Приём введения сказочных элементов в реалистические произведения, связанные с исторической традицией, получает распространение в детской литературе многих стран (Д. Йолен «Дьявольская арифметика» и «Принцесса Шиповничек» и др.), в отечественной традиции он реализован в «Ленинградских сказках» Ю. Яковлевой.

«Ленинградские сказки» (2016–2021) – это общее заглавие пенталогии, написанной для подростков, которую составили следующие книги: «Дети ворона», «Краденый город», «Жуки не плачут», «Волчье небо», «Глиняные пчёлы». События в этих книгах происходят в Советском Союзе начиная с конца 30-х годов вплоть до послевоенного времени. По словам автора, эти книги «прото, каково было быть ребёнком, взросльть в 1937–53 годах» [4].

Первая книга «Дети ворона» создаёт «мрачный сказочный образ инфраструктуры сталинских репрессий времени Большого Террора» [2, 323]. В издательской аннотации её жанр определён как роман-сказка, ряд исследователей использует другое жанровое определение – роман-

фэнтези. Сама Ю. Яковлева так объясняет выбор поэтики: «Действие книги происходит в 1938 году. Это жизнь в то время была страшной сказкой. Мне кажется чрезвычайно странным, если бы у героев книги про это время не разговаривали птицы и не выпрыгивали сардельки изо рта <...>. Какое там “правдоподобие”, когда почва уплыла из-под ног и небо упало на землю?» [4]. По замечанию Е. Асовой, Ю. Яковлева продолжает традицию, начатую «Тремя толстяками» Юрия Олеши, «Лоскутиком и облаком» Софьи Прокофьевой или «Чиполлино» Джанни Родари [2].

События книги разворачиваются в Ленинграде 1938 года. Повествование начинается реалистично и исторически конкретно. Такая локализация сказки во времени, а также существование фантастических героев с советскими гражданами было характерно для советской литературной сказки (к примеру, «Старик Хоттабыч» Л. Лагина). В книге Ю. Яковлевой читатель знакомится с главным героем Шуркой, когда тот вместе с другом подкладывает под колёса проходящего поезда разную металлическую мелочь на дальних путях ленинградского вокзала. Но художественное пространство романа-сказки не ограничивается одним городом, за топикой Ленинграда встаёт пространство всего Советского Союза. Такое расширение создаётся за счёт мыслей Шурки: мальчик представляет, как рельсы разбегаются по всей огромной советской стране. Уже с первых страниц читатель узнаёт, что в этой стране есть диверсанты. Увидев на вокзале милиционера с собакой, Шурка и его друг сразу делают предположение, что тот высматривает, чтобы какой-нибудь диверсант не устроил крушение поезда.

Жизнь мальчика меняется с арестом его родителей. Сначала ночью приходят за папой. Этого Шурка не видит, поскольку спит со старшей сестрой в соседней комнате, а только слышит от соседки, что приезжал чёрный воронок. На следующую ночь исчезают мама с младшим братом. В сознании ребёнка воронок превращается в чёрного ворона, что по ночам уносит детей и взрослых в своё гнездо, и Шурка решает отправиться на поиски своих родителей. Сказочный сюжет и фантастические события порождаются в книге Ю. Яковлевой буквализацией языковой метафоры: «чёрный воронок» – Чёрный Ворон. Этот приём виртуозно реализован, например, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», где фантастические события формируются за счёт превращения переносного значения слова в прямое. Собственно, вход в сказку произойдёт в тот момент, когда ленинградские птицы обретут способность говорить.

В «Детях ворона» сохраняются сюжетные мотивы и типы героев волшебной сказки. Уральский филолог О. Ю. Багдасарян вычленяет такие мотивы: нарушение запрета, уход героя из дома, испытание героя, встреча с волшебными помощниками. Путь, который проходит Шурка, учёный соотносит с инициационной схемой [3]. Исследователь справедливо делает вывод, что авторская сказка Яковлевой гибко подстраивает жанровую природу под выбранную цель – говорить с детьми в увлекательной форме о советском прошлом. Но, по мнению О. Ю. Багдасарян, сказочная ритуальность снимает ощущение катастрофизма исторических событий, сам жанр страшной сказки «препятствует серьёзному разговору на историческую тему» [3, 116]. Если взрослый читатель легко улавливает за сказочной метафорикой исторические события, то для детей все страшные события выглядят как сказочное наваждение [3]. С таким выводом нельзя согласиться.

В романе Ю. Яковлевой две линии повествования: реалистическая и сказочно-фантастическая – и каждая из них обладает собственной значимостью. Реалистический план позволяет сформировать у читателя правдоподобный и устрашающий образ времени. Как известно, на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года была объявлена кампания по борьбе с «предателями и изменниками Родины», определившая общественные настроения. Идея борьбы с «врагами народа» пронизывала все поры советского общества. О борьбе со шпионажем, вредительством, диверсией писали в газетах, в том числе и в «Пионерской правде», снимали фильмы. В книге Яковлевой этот мотив станет ведущим: «Таня разгладила забытый кем-то шуршащий лист. Со страницы большие буквы кричали о шпионах, вредителях, о трудовых советских победах» [9, 104]; «Об этом предупреждали в школе. Об этом писали в газетах. Об этом постоянно твердило радио. Об этом говорили дома родители. У отца на работе даже арестовали одного. Диверсант. Вредитель. Шпион. Враг народа» [9, 36].

Другая примета времени – система «прослушки» и слежки за советскими людьми – будет введена уже языком сказки: «Вдруг в стене открылись два глаза. Они уставились прямо на Шурку» [9, 144]; «Из стены вытянулся росток. Расправился, раскрылся, как лист лопуха. Это было ухо» [9, 215].

Как известно, человек, у которого арестовывали кого-то из близких, становился неблагонадёжным, от него отворачивались. В «Детях ворона» Яковleva очень удачно использует метафору невидимости. Люди, у которых арестован кто-то из близких, становятся буквально невидимыми для остальных. Невидимым становится и Шурка: «На них надвинулось глазастое рыло грузовика. Конец, подумал Шурка. Он даже глаза не успел закрыть. И ясно увидел, как грузовик проходит сквозь него <...>. Я что – прозрачный?! Изумился Шурка» [9, 179]; «Потом им ещё попадались невидимки. Больше всего Шурку удивляло, что невидимки шарахаются друг от друга. Потом он понял. Случилась беда. Они изо всех сил её прятали. Притворялись обычными» [9, 202].

Ю. Яковлевой, несомненно, удаётся передать ужас этого времени. И здесь автор опирается на художественные и мемуарные «лагерные» тексты, и прежде всего на повесть Л. Чуковской «Софья Петровна» как на художественный документ, воссоздающий «спёртую и ядовитую атмосферу Ленинграда 1936-1937 годов» [6]. Как известно, повесть Л. Чуковской была написана в Ленинграде зимой 1939/1940 года «по свежему следу только что произошедших событий» [8]. Роднит оба текста ряд характерных фактических деталей, отражающий реалии времени.

В поисках родителей Шурка оказывается в тюремной очереди, сначала не понимая, что происходит. Этот эпизод во многом перекликается с описанием первого посещения Софьей Петровной тюрьмы на Шпалерной. Первое, что удивляет Софью Петровну, это то, как одеты женщины: «Она обратила внимание на большую толпу женщин посреди улицы. Одни стояли, облокотившись на парапет набережной, другие медленно прохаживались по панели и по мостовой. Софью Петровну удивило, что все они были очень тепло одеты: поверх пальто закутаны в платки, и почти все в валенках и калошах» [7, 517]. Эта же деталь поражает и Шурку: «Впереди вынырнула сгорбленная фигура в пальто и рукавицах. <...> Почему вы <...> в рукавицах ходите? – так и вертелось у него на языке» [9, 160]. В обеих книгах описана система записи в очередь к тюремному окошку: «344, – сказала женщина, записывая. – Ваш номер 344» [7, 518]. «Женщина схватила Шуркину ладонь и <...> вывела на ней крупные фиолетовые цифры – 5, 1, 8» [9, 159].

Попав впервые в тюремную очередь, Софья Петровна думает: «Подумать только, все эти женщины – матери, жёны, сёстры вредителей, террористов, шпионов!» [8, 519]. Шурка: «Да сколько же их тут! Шурке стало страшно. Они постепенно вставали друг за другом. Мамы шпионов. Сёстры шпионов. Сёстры врагов. Мамы диверсантов. Жёны вредителей. Значит, злодеи скрывали тайну даже от своих родных?» [9, 161-162].

Мальчик открывает потаённую жизнь своего родного города. Шурка узнаёт, что есть два Ленинграда: видимый (весенний, солнечный, яркий) и невидимый (незнакомый, враждебный, серый, город Ворона). Этот мотив также присутствует в повести Чуковской: «Ей казалось, что она не в Ленинграде, а в каком-то незнакомом чужом городе» [7, 519].

Но в отличие от героини Чуковской, Шурка «прозревает», освобождается от наваждения. Мальчик начинает понимать, что власть в городе принадлежит Злу – чёрному Ворону, который внушает взрослым и детям ложные мысли, из-за которых человек начинает во всех подозревать своих врагов. Эпизод прозрения Шурки изображён очень наглядно: его буквально начинает тошнить серыми зубастыми сардельками. Эти существа были его прежними мыслями. «Шурка был не виноват в этих мыслях. Эти мысли прокрадывались в тебя тайком <...>, присасывались своими ротиками к самой душе. Из-за них человек во всех вокруг подозревал врагов. Готов был считать шпионами собственных маму и папу» [9, 231]. Шурка понимает, что родителей арестовывали для того, чтобы забрать детей и вырастить из них преданных Ворону, убеждённых, что «серое и страшное царство Ворона – лучшая страна в мире» [9, 229].

Любопытно, что к подобной метафоре освобождения от идеологической пропаганды прибегает Вениамин Ерофеев в эссе «В. Розанов глазами эксцентрика». Ерофеев пишет, что именно

Библия помогла ему «изблевать» из своей души «пищу», которой кормил народ тоталитаризм и от которой его тошило [5, 160].

Ю. Яковлева создаёт исторически достоверный образ времени Большого Террора, опираясь на художественную традицию отечественной лагерной прозы, а сочетание сказочного и реалистического планов позволяет автору балансировать между тяжёлым для восприятия материалом и необходимостью не поступиться правдивостью. «Дети ворона» знакомят юного читателя с тем, как устроен современный мир в его недавней исторической перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асова, Е. Современная литературная сказка: история и политика в детском чтении / Е. Асова, О. Бухина // Детские чтения. – 2021. – Т. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoy-literaturnaya-skazka-istoriya-i-politika-v-detskom-chtenii> (дата обращения: 22.11.2023). – Текст электронный.
2. Асонова, Е. Табу или не табу – вот в чём вопрос! / Е. Асонова // Детские чтения. – 2020. – № 1 (17). – С. 320-333. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tabu-ili-ne-tabu-vot-v-chem-vopros> (дата обращения: 22.11.2023). – Текст электронный.
3. Багдасарян, О. Ю. «Дети ворона» Ю. Яковлевой: жанровая логика vs. авторский сценарий / О. Ю. Багдасарян // Политическая лингвистика. – 2018. – № 4. – С. 112-117. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deti-vorona-yu-yakovlevoy-zhanrovaya-logika-vs-avtorskiy-stsenariy> (дата обращения: 22.11.2023). – Текст электронный.
4. Дмитриева, А. Сталин и дети. Интервью с Ю. Яковлевой / А. Дмитриева // АНО «Портал “Такие дела”», 2023. – URL: <https://takiedela.ru/2015/11/stalin-i-det/> (дата обращения: 30.10.2023). – Текст электронный.
5. Ерофеев, В. В. Оставьте мою душу в покое (Почти всё) / В. В. Ерофеев. – М.: Изд-во «Х.Г.С», 1997. – 408 с.
6. Нерлер, П. Фантастическая явь / П. Нерлер // Октябрь. – 1988. – № 10. – URL: <https://www.chukfamily.ru/lidia/biblio/recenzii-biblio/fantasticheskaya-yav> (дата обращения: 30.10.2023). – Текст электронный.
7. Чуковская, Л. Софья Петровна / Л. Чуковская // Трудные повести: 30-е годы / Сост. и предисл. А. И. Ванюкова. – М.: Молодая гвардия, 1992. – С. 483-560.
8. Чуковская, Л. «“Софья Петровна” – лучшая моя книга». Из дневника: Попытки напечатать повесть. Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания Елены Чуковской / Л. Чуковская // Новый мир. – 2014. – № 6. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2014/6/8221-sofya-petrovna-8221-8212-luchshaya-moya-kniga.html (дата обращения: 23.11.2023). – Текст электронный.
9. Яковлева, Ю. Дети ворона: 1938 год. Ленинградские сказки. Книга первая / Ю. Яковлева. – М.: Самокат, 2016. – 264 с.

ИСТОРИЯ
HISTORY

Абабкова Н. Н.
N. N. Ababkova

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ДЕЛА НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРАМАТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА)

ON THE QUESTION OF THEATRICAL ACTIVITY START IN THE RUSSIAN FAR EAST AT THE END OF THE 19th CENTURY (ON THE EXAMPLE OF ACTIVITIES OF THE CIRCLE OF DRAMATIC ART AMATEURS)

Абабкова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)24-11-58. E-mail: ababkova70@mail.ru.

Natalia N. Ababkova – PhD in History, Associate Professor, History and Culture Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave., 27; tel. +7(4217)24-11-58. E-mail: ababkova70@mail.ru.

Аннотация. В статье представлен обзор деятельности любительских творческих объединений г. Хабаровска во второй половине XIX века. Актуальность и научная значимость исследования определяются как тенденциями формирования и развития современных форм и методов театрального искусства и усиливающейся ролью театра в трансляции лучших достижений отечественного и зарубежного искусства, так и возрастающим интересом исследователей к истокам театрального дела. Показано, что театр на дальневосточных окраинах России формировался в русле общегосударственных тенденций благодаря инициативе и активной деятельности горожан и изначально был представлен любительскими кружками и объединениями. Проанализированы хозяйствственные механизмы работы Кружка любителей Драматического искусства и Общества любителей сценического и музыкального искусства, охарактеризованы направления их деятельности, творческие предпочтения в репертуарной политике. Отмечено, что на становление профессионального театра на российском Дальнем Востоке существенное влияние оказал опыт любительских коллективов, творчество которых регулярно освещала местная пресса.

Summary. The article presents an overview of the activities of amateur creative associations of Khabarovsk in the second half of the 19th century. The relevance and scientific significance of the research are determined both by the trends in the formation and development of modern forms and methods of theatrical art and the increasing role of theater in broadcasting the best achievements of domestic and foreign art, and by the increasing interest of researchers in the origins of theatrical business. It is shown that the theater on the Far Eastern outskirts of Russia was formed in line with national trends, thanks to the initiative and active activity of citizens and was initially represented by amateur circles and associations. The economic mechanisms of the work of the Circle of Lovers of Dramatic Art and the Society of Lovers of Scenic and Musical Art are analyzed, the directions of their activities, creative preferences in the repertoire are characterized. It is noted that the formation of professional theater in the Russian Far East was significantly influenced by the experience of amateur groups, whose work was regularly covered by the local press.

Ключевые слова: Хабаровск, Дальний Восток, Кружок любителей Драматического искусства, В. Ф. Духовская, хабаровское Военное собрание, Общество любителей сценического и музыкального искусства, спектакль, театральная культура, благотворительность, газета «Приамурские ведомости».

Key words: Khabarovsk, Far East, Circle of lovers of Dramatic art, V. F. Dukhovskaya, Khabarovsk Military Assembly, Societies of lovers of scenic and musical art, performance, theatrical culture, charity, the newspaper «Amur Vedomosti».

УДК 792.03(571.6)

Театральная жизнь современного Дальнего Востока России, с одной стороны, представляет собой важнейший компонент общего культурного пространства региона, с другой – обособленное, самодостаточное пространство. С такой позиции немаловажное значение имеет изучение истории

дореволюционной театральной культуры, особенно её любительской сферы, которая являлась значимой составляющей повседневной жизни дальневосточного города [2, 3]. В контексте повседневности XIX в. успех театральных постановок определялся прежде всего использованием зрелищно-художественных элементов и их воздействием на настроения и эмоциональную сферу горожан. Недаром в художественной культуре XIX в. муза театра-варьете в некоторых странах имела статус десятой музы [15, 33]. Эстетика повседневности давала возможность театральному зрителю увидеть в обыденных вещах, простых предметах быта эстетическую значимость, воплощающую красоту [4, 5].

В марте 1882 г. в России было разрешено создание частных театров [5, 23-24], в результате чего театральное дело в стране заметно активизировалось. Для театрального искусства на российском Дальнем Востоке конца XIX в. было характерно разнообразие организационно-экономических форм и методов работы [6, 77]. Как и в центральной части России, здесь реализовывались все формы частного театрального предпринимательства: товарищество, дирекция, антреприза и др. [6, 78].

Любительские спектакли заняли важное место в проведении досуга интеллигенции. Помимо этого, они способствовали приобщению участников встреч к достижениям мирового и отечественного искусства, расширяли круг общения [16, 70]. Русское любительство в судьбе театра стало играть особую роль. Её активное распространение создало в регионе особый театральный климат, ввело театральность в быт, сделало её органической потребностью и в итоге подготовило зрителей к профессиональному театру. Оно стало той необходимой средой, где искусство уже могло свободно заявить о себе.

Творческий потенциал интеллигенции реализовывался в том числе через деятельность театральных кружков, для которых характерными чертами выступали ограничение состава участников, замкнутость и закрытость [3, 88]. На Дальнем Востоке, в отличие от центральных регионов страны, деятельность большинства кружков была значительно шире и практически совпадала с работой общества или клуба. Все кружки в дальневосточных городах создавались по инициативе самой активной части интеллигенции [3, 88]. Наиболее стабильно функционировали кружки, созданные при военных, общественных, коммерческих и других собраниях [3, 89].

В г. Хабаровске немалый вклад в становление и популяризацию театрального дела внёс Кружок любителей Драматического искусства (далее – Кружок). Его идейным вдохновителем и председателем была Варвара Федоровна Духовская.

Спектакли Кружка проходили в здании хабаровского Военного собрания. Уход за сценой и сохранность её состояния взяло на себя руководство собрания.

Творческая деятельность Кружка (репертуар, ценовая политика, планы руководства) регулярно освещались на страницах газеты «Приамурские ведомости». Первый выпуск газеты вышел в свет в 1894 г. и сразу привлек к себе внимание горожан, поскольку в ней были отражены политические, экономические, социальные, культурные новости всех уровней (правительственные, региональные и местные). Кроме того, в газете был сосредоточен огромный исторический, географический и этнический материал [1, 25], что повышало читательский интерес самых разных слоёв населения. Большую популярность среди населения газета приобрела благодаря активной деятельности своих первых редакторов – М. Я. Сибирцева и А. П. Сильницкого. Их усилиями «Приамурские ведомости» получили статус официального органа Приамурского Генерал-губернаторства и долгое время занимали прогрессивные позиции в региональной прессе.

29 ноября 1894 г. на общем собрании Кружка было избрано его руководство в составе директора-распорядителя П. А. Донаурова и режиссёра П. С. Гроссеевича, разработаны и принятые правила, согласно которым членами Кружка могли стать действительные и временные члены хабаровского Военного собрания, постоянные гости собрания и их дети.

Посещение спектаклей было платным. Цены на входные билеты устанавливались также на общем собрании и указывались в афишах. Кружок был закрытым объединением, поэтому спектакли и все репетиции могли посещать только члены Кружка. На генеральных репетициях спектаклей могли присутствовать дети членов Кружка и сопровождающие их лица (в том числе прислуга).

Для них и для тех граждан, которые купили билет на сам спектакль, вход на генеральную репетицию был бесплатным. Во всех иных случаях за вход взималась плата.

Вопросами вступления в Кружок занимался директор-распорядитель. Претенденты представляли подписаные заявления с приложенными к ним членскими взносами [7, 17]. За членство в Кружке устанавливалась плата в размере 1 рубль.

Финансовые источники Кружка формировались преимущественно за счёт продажи билетов, театральных программок и сборов за просмотр генеральных репетиций. В среднем доход от одного спектакля составлял 260-280 рублей.

Расходы на постановку и показ одного спектакля составляли сумму 180-190 рублей и включали в себя достаточно большой перечень оплачиваемых услуг. Обеспечение спектакля и генеральной репетиции музыкальным сопровождением стоило 25 рублей. Все музыканты были представлены окружным штабом. Ответственный за распределение ролей, в зависимости от масштаба постановки, получал от 5 до 8 рублей. Буфетчику за работу выплачивалось от 23 до 28 рублей. Как правило, эта сумма складывалась из работы на восьми репетициях и на самом спектакле. Освещение на репетициях и спектакле, включая свечи для музыкантов, обходились Кружку в 11-20 рублей. На бутафорию и реквизиты тратилось от 10 до 18 рублей. Услуги парикмахера стоили 15 рублей, его помощника, билетёра и декоратора – по 5 рублей каждая. Работа по постановке спектакля вместе с поправкой сцены и расклейкой афиш оценивалась от 9 до 15 рублей. Работа грифёра, рабочих и извозчиков в совокупности составляла 29-35 рублей [8, 17].

Основу репертуара Кружка составляли произведения А. Н. Островского, А. П. Чехова. 23 апреля 1895 г. его коллективом были поставлены спектакль-комедия «Правда хорошо, а счастье лучше» (по произведению А. Н. Островского) в 4 действиях и спектакль-шутка «Медведь» по пьесе А. П. Чехова в 1 действии. В газете был опубликован отклик на это событие. Работа актёров и режиссёра была высоко оценена автором заметки.

7 апреля 1896 года на сцене Военного собрания было представлено два спектакля по пьесам «По бабушкиному завещанию» и «На маневрах». «Приамурские ведомости» сообщали о безукояривенной игре исполнителей. Было отмечено мастерство многих сцен, преимущественно из спектакля «По бабушкиному завещанию». Великолепным было названо музыкальное сопровождение спектаклей в виде живого исполнения романсов. Положительно был оценён и спектакль «На маневрах», который проходил, по свидетельству прессы, при неумолкающем смехе зрителей. Все роли были сыграны «просто и обдуманно, поэтому главные герои получились такими, какими они были задуманы автором произведения» [10, 7].

В газете также отмечалось, что обе пьесы профессионально отрепетированы, дружно исполнены, очевидна работа единого цельного ансамбля. Особое внимание было обращено на «безупречное» оформление спектаклей [10, 7]. Газета констатировала, что игра на сцене любителей соответствует высшим требованиям, предъявляемым к искусству [10, 7].

На страницах газеты были опубликованы и мнения зрителей, которые выражали единодущие в оценках спектаклей. Подобные постановки, по их мнению, «сделали бы честь не только нашему далёкому Хабаровску, но и любому городу Европейской России» [10, 7].

Спектакли ставились для военнослужащих и их семей не только в выходные, но и в будни. Поэтому зачастую они начинались в вечернее время [9, 14]. Помимо постановки спектаклей, члены Кружка исполняли мелодекламации (чтение произведений под музыку) [3, 90].

В октябре 1896 г. Кружок любителей Драматического искусства был объединён с Кружком музыкального искусства. В результате такого творческого объединения возникло Общество любителей сценического и музыкального искусства (далее – Общество) [11, 9].

На общем собрании вновь созданного Общества было избрано правление. Директором-распорядителем единогласно был снова избран П. А. Донауров. Члены Общества высоко оценили его прежнюю работу в Кружке любителей Драматического искусства, который он возглавлял, и выразили уверенность в том, что новое объединение под его руководством займёт важное место в деле распространения культурных ценностей в г. Хабаровске.

В состав правления также вошли: зав. музыкальной частью – И. В. Урядов, дирижёр – А. Е. Жеребцов, режиссёр – М. А. Соковнин, казначей – Н. Ц. Грудзинский, библиотекарь – И. Н. Хлебников. Собрание сформировало и репертуарный комитет, ядро которого составила творческая интеллигенция города: В. Ф. Каппель, А. И. Оссовский, А. М. Валуев [12, 7].

Собрание приняло ряд организационно-правовых документов, в том числе устав Общества. Согласно документу, членами общества могли стать только члены Военного собрания и лица, имеющие право входа в собрание на правах гостей. Устав закреплял сумму годового членского взноса с одного человека. Она составляла 3 рубля [12].

С целью методического обеспечения работы Общества и сохранения уже накопленного опыта собрание приняло решение: все книги, пьесы, находившиеся ранее в ведении Кружка, передать библиотекарю Общества И. Н. Хлебникову [11, 9].

Официальное открытие Общества состоялось 5 октября 1896 г. постановками спектаклей в здании Военного собрания [13]. 27 октября творческие встречи Общества продолжились спектаклем «Без вины виноватые» (по произведению А. Н. Островского).

В колонке «Местная хроника» «Приамурских ведомостей» была размещена целая статья, посвящённая этому событию. Отмечался высокий уровень актёрской игры на сцене. «Игра даже второстепенных исполнителей так глубоко продумана, что художественно правдива», – писала пресса [13, 6].

После спектакля был организован дивертисмент (см. прим. 1). Он состоял из 4 номеров: Марш саперного батальона в исполнение автора, пианиста А. Жеребцова; соло для мандолины в исполнении В. Э. Генричи; выступление И. Н. Хлебникова со стихотворением «Русалка»; Мелодия Берио – соло для скрипки в исполнении Л. В. Дзярского [13, 7]. Каждый номер был исполнен на бис несколько раз. Свидетельством признательности зрителями творчества Общества являлось и отсутствие свободных мест в зале.

Программа деятельности Общества была многогранной. Помимо спектаклей, дивертисментов, проводились музыкальные концерты, на которые приглашались лучшие мастера музыкального искусства, в том числе из центральных регионов России. Один из таких концертов состоялся 4 апреля 1897 г. Программа включала исполнение «Мелодии» А. Рубинштейна (переложение Д. Попера, виолончель), сцену из оперы Сен-Санса «Самсон и Далила», исполнение «Berceuse» – колыбельная из оперы Бенджамина Годара и «Серенады» Пьерне. Наряду с исполнением классических музыкальных произведений на концерте прозвучали романсы, продекларированы стихотворения известных поэтов [14, 8].

Традиционно все общественные организации и объединения вносили посильный вклад на благотворительные нужды города. Общество не было исключением. Остаток средств от постановки спектаклей, музыкальных вечеров, концертных программ, дивертисментов делился поровну, 50 % выручки шло на дальнейшее развитие Общества, вторая часть – на благотворительность. Финансовая помощь была оказана Хабаровскому Благотворительному обществу, Вольному пожарному обществу, Николаевской публичной библиотеке для постройки в ней читального зала и другим учреждениям города [14, 8].

Таким образом, во второй половине XIX в. на Дальнем Востоке России в русле общегосударственных тенденций происходили качественные изменения в духовном просвещении общества. Творческая интеллигенция предпринимала поиск новых путей культурного развития, результатом которого стало расширение любительского искусства. Любительство сыграло значимую роль и в становлении театрального дела, заложило основы для формирования профессионального театра. Деятельность объединений широко освещалась и обсуждалась на страницах региональной печати, что свидетельствует о неподдельном интересе города к их творчеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов, В. Л. Официальная пресса Российской империи во время Первой мировой войны (по материалам «Приамурских ведомостей») / В. Л. Агапов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 3 (41). – С. 25-34.

2. Андриец, Г. А. История культурной жизни городов юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Андриец Галина Алексеевна. – Владивосток, 2012. – 27 с.
3. Андриец, Г. А. Культурная деятельность городских кружков и обществ на юге Дальнего Востока (конец XIX – начало XX вв.) / Г. А. Андриец // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2009. – № 3 (10). – С. 86-101.
4. Белащ, Н. В. Эстетика повседневности в современной культуре / Н. В. Белащ // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № IV-2 (44). – С. 4-9.
5. Лях, В. П. Театр в социокультурном пространстве России (вторая половина XIX – начало XX века) / В. П. Лях, А. В. Дечева // Культурная жизнь Юга России. – 2012. – № 4 (47). – С. 23-25.
6. Преснякова, Л. В. Театральные предприниматели на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии в конце XIX – начале XX в. / Л. В. Преснякова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2009. – № 1 (1). – С. 74-86.
7. Приамурские ведомости. 1894. 4 декабря.
8. Приамурские ведомости. 1895. 16 апреля.
9. Приамурские ведомости. 1895. 23 апреля.
10. Приамурские ведомости. 1896. 14 апреля.
11. Приамурские ведомости. 1896. 13 октября.
12. Приамурские ведомости. 1896. 20 октября.
13. Приамурские ведомости. 1896. 10 ноября.
14. Приамурские ведомости. 1897. 6 апреля.
15. Соин, Я. Я. Кинозрелище в контексте культуры повседневности / Я. Я. Соин // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № II-2 (58). – С. 32-37.
16. Шавгарова, А. В. Особенности становления и развития дальневосточного театра на примере сценической интерпретации горьковской драматургии / А. В. Шавгарова // Театр и драма: эстетический опыт эпохи. – 2019. – № 6. – С. 69-81.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Дивертисмéнт (от франц. *divertissement*) – увеселение, развлечение в театре. В 70-х гг. XIX в. дивертисмент – самостоятельная концертная программа эстрадных театров и балаганов.

Верхоломов С. А.
S. A. Verkholomov

СУДЬБА ЛИБЕРАЛИЗМА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

THE FATE OF LIBERALISM: A HISTORICAL REVIEW

Верхоломов Сергей Александрович – старший преподаватель кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)24-11-58. E-mail: verholomov_s@mail.ru.

Sergey A. Verkholomov – Senior Lecturer, History and Culture Studies Department, Komsomolsk-na-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)24-11-58. E-mail: verholomov_s@mail.ru.

Аннотация. Либерализм прошёл долгий путь развития, где можно выделить периоды подъёма и упадка за счёт наступления правых и левых идей. При этом, в отличие от других идеологий, либерализм сохранил свою жизнеспособность, т. к. представляет ценности капиталистической системы. Автор данной работы рассматривает особенности и этапы развития либеральной идеологии, а также комплекс проблем, порождённых либерально-капиталистическим строем, свидетельствующих о наступлении кризиса современной системы ценностей. Автор отмечает, что развитие и распространение либерализма происходило за счёт обнищания неевропейских народов.

Summary. Liberalism has gone a long way and it is possible to distinguish periods of its rise and decline due to the setting of right and left ideas. At the same time, unlike other ideologies, liberalism has retained its viability, since it represents the values of the capitalist system. The author of this work examines the features and stages of the development of liberal ideology, as well as a set of problems generated by the liberal-capitalist system, indicating the onset of the crisis of the modern system of values. The author notes that the development and spread of liberalism occurred due to the impoverishment of non-European peoples.

Ключевые слова: либерализм, капитализм, глобализация, коммунизм, идеология, бедность, кризис.

Key words: liberalism, capitalism, globalization, communism, ideology, poverty, crisis.

УДК 94/930

Либерализм как идеологическое течение зародилось в XVII – XVIII вв. Именно тогда стали появляться критические замечания в адрес монархов, злоупотребляющих своей властью со стороны европейских мыслителей Дж. Локка, Ж-Ж. Руссо, Ш. Монтескье и др.

В XIX в. по итогам Венского конгресса распространяется классический либерализм в Европе, превращая его в господствующую идеологию, когда «правительство способствует “изобилию” через политику, поддерживающую естественную свободу, устанавливая законы справедливости, которые гарантируют свободный обмен и мирное соперничество, а совершенствование морали оставляют неправильным институтам» [7, 137]. Принципы свободы и индивидуализма, лежавшие в основе либерализма, уготовили пролетариату печальную судьбу. Происходит обнищание дезорганизованной массы населения в Европе, где крестьяне и рабочие не имели права на защиту от эксплуатации со стороны правящего класса. Корейский экономист Ха Джун Чхан пишет, что в 1819 г. в Великобритании в парламенте на обсуждении подняли вопрос об ограничении использования детского труда, который вызвал острую полемику, т. к. противники данного закона видели в нём нарушение законов свободы рынка. «Их аргумент гласил: дети хотят работать (и им нужна работа), а владельцы фабрик хотят принимать их на работу, так что же в этом плохого?» [17, 18].

В коллективной работе английских экономистов «Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени» отмечено, что до середины XIX в. повышение заработной платы носило ограниченный характер. Незначительное повышение было лишь в Нидерландах и

Великобритании, на остальной части Европы роста реальных доходов населения не наблюдалось до 1850-1870 гг. К тому же учёные отмечают, что постепенное утверждение либерализма сопровождалось сокращением государственных расходов на содержание беднейших слоёв общества. Были пересмотрены законы о бедных, согласно которым было ограничено количество людей, претендующих на социальную защиту [1].

Неудивительно, что в таких условиях происходит зарождение новых идей, предполагавших консолидацию рабочих и беднейших слоёв общества в борьбе за свои права и повышение уровня доходов. Под влиянием новой революционной силы в Европе К. Маркс пишет «Манифест коммунистической партии».

Популярность идей К. Маркса росла среди других социальных групп в условиях социальной напряжённости, поэтому позиции либерализма в Европе пошатнулись. Либеральная идеология не была готова к борьбе с новой политической силой, и в конце концов идеология должна была уступить место новой силе [14].

Дж. Бернхем и Д. Белл пишут, что либерализму свойственна аполитичность, он не способен вести политическую борьбу с другими идеологиями, как с правыми, так и с левыми, поэтому рано или поздно должен был уйти в тень [18].

В сложившейся ситуации единственно верным решением для сохранения либерально-капиталистической системы было бы повышение издержек производства: налогов, заработной платы, страховых выплат – для сглаживания противоречий в обществе. Такое решение могло бы быть одновременно и полезным, и губительным. Повышенные доходы рабочих и крестьян, тем самым снижая революционную активность, система вступила бы в стагнацию, т. к. норма прибыли предпринимателя опускалась до отрицательного значения. Именно об этом писал К. Маркс, когда предрекал скорую смерть капитализму из-за неразрешимых противоречий. Поэтому европейская цивилизация нуждалась в расширении сферы влияния для перекладывания необходимых издержек производства на периферию, но и здесь капиталистическая система столкнулась с проблемами.

Во-первых, сложившийся международный порядок сковывал действия европейцев за пределами их мира. Благодаря промышленной революции размер капиталистической системы мог внезапно увеличиться, но международная экспансия европейцев сковывалась мировыми империями – Китаем и Россией. Одна из них проводила политику закрытых дверей, тем самым закрывала путь европейцам на азиатский рынок, а другая предлагала свой вариант раздела мира, который ассоциировался с пересмотром границ Османской империи, а это европейский мир не устраивало. Поэтому расширение границ капитализма произошло военным путём. Китай был насилием открыт для европейцев благодаря двум опиумным войнам, а Россия была отброшена от европейской политики по результатам Крымской войны.

Во-вторых, традиционные домохозяйства на Западе и Востоке, в том числе плантации и поместьи хозяйства, использовавшие рабский труд, не давали возможности перейти к сверхэксплуатации местного населения. С отмены рабовладельческих отношений и пролетаризации периферии начинается отток капиталов в Европу для разрешения внутренних противоречий. Не зря российский историк М. Туган-Барановский отмечает, что «после освобождения крестьян заработка плата фабричных рабочих изменилась в другом направлении, чем раньше. В крепостную эпоху заработка плата росла – после освобождения падала» [11, 340].

Об этом же говорит американский исследователь И. Валлерстайн. Расширение капиталистической системы было обусловлено не столько поиском новых рынков сбыта продукции, сколько поиском дешёвой рабочей силы с целью снижения издержек производства. «Включение новых зон в мир-систему капитализма, как правило, совпадало с fazами стагнации в мир-экономике, то становится ясно: географическое расширение мир-системы служило противовесом снижающему прибыль процессу нарастающей пролетаризации путём включения новой рабочей силы, обреченной на полупролетаризацию... Воздействие пролетаризации на процесс поляризации компенсировалось, и возможно, более чем компенсировалось (по крайней мере до сих пор) результатами включения новых зон» [2, 95].

Проведённая европейцами политика дала плоды, что, несомненно, отразилось на улучшении положения рабочих и крестьян. Э. Хобсбаум пишет о формировании среднего класса, кембриджские английские историки отмечают рост ВВП и улучшение положения рабочих в Европе в конце XIX в. Нельзя не отметить и развитие либеральных ценностей. Происходит становление социального либерализма, согласно которому для того, чтобы пользоваться свободой и прелестями рынка, необходимо создать соответствующие условия для людей. Конец XIX в. ознаменован внедрением планирования в рыночную экономику, ростом социальных программ для малообеспеченных слоёв общества. Таким образом, либерализм трансформируется за счёт наступления левых идей, т. к. идеология свободного рынка была неспособна бороться с идеями, которые политически были более жизнеспособными. В связи с чем, по мнению английских исследователей, «в конце XIX в. европейские правительства производили обширные интервенции на рынке труда, причём этот же период времени был отмечен стабильным ростом социальных выплат... профсоюзы соглашались поддерживать свободную торговлю и вообще открытую экономику в обмен на внутреннюю политику, отвечавшую интересам трудящихся» [6, 47].

В то же время классический либерализм сохраняет свою жизнеспособность в мире за счёт проникновения его на периферию. Не зря Э. Хобсбаум пишет, что к концу XIX в. человечество было поделено на расы, где одни олицетворяли технический прогресс, а другие – «племенные деревни». Наиболее ярко эти идеи были отражены в работах М. Вебера. В них исследователь стремился познать западную цивилизацию через противопоставление другим обществам: арабскому, китайскому, индийскому [15]. Тем самым немецкий учёный заложил основы новой концепции – теории модернизации. В основе этой теории лежали принципы сравнения развитости и неразвитости, где последняя объясняется отсутствием западных ценностей и институтов. И развитие незападных цивилизаций должно сопровождаться копированием «хороших институтов», а именно либеральных ценностей и институтов.

Ситуация кардинально начинает меняться на рубеже 1945-1968 гг. В 1945 г. в борьбе за мировое господство национально-фашистская идеология проиграла либерально-коммунистическому блоку. А в 1968 г. начинается постепенный крах коммунистических ценностей в мире. Отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что коммунистические движения, получив власть в свои руки, так и не решили поставленных проблем, поэтому приход к власти «старых левых» надо расценивать не как победу, а как предательство [5]. В таких условиях происходит упадок левых идей в мире, а вместе с этим, по утверждению американского правоведа Б. Линдси, начинается процесс омертвления «институтов коллективистской эпохи» [8]. У либерализма не осталось альтернатив, поэтому с 1970-х гг. в мире распространяются либеральные ценности под эгидой неолиберальных реформ, которые олицетворяли идеологию «здравого смысла».

Наступление либеральных ценностей стало возможным и благодаря технологической революции, осуществляющейся в конце XX в., которая привела к реформированию государственного сектора экономики. Ф. Хайек, М. Фридмен на волне успеха реформ подвергли критике государственное регулирование экономики. Их доводы основывались на разнообразных аргументах – от библейского обоснования свободного капитализма до макроэкономических расчётов [19].

При этом «успех» либерализма и технологическая революция позволили произвести наступление на периферию, где отныне правила не колониальные правительства, а финансовая элита, использующая систему долговых отношений для укрепления зависимости незападных обществ от ядра капиталистической системы.

Наступила новая эпоха в развитии мировой цивилизации, получившая название «глобализация». Изменению подверглись все сферы общественной жизни – от института семьи до государства. При этом успех отдельных государств (Тайвань, Южная Корея, Сингапур) ставили в качестве примера успеха неолиберальных реформ и тем самым продвигали новый «бренд» в массы.

С крушением коммунистического мира началось наступление либеральных идей и ценностей по миру, т. к. жизнеспособных альтернатив не оказалось. В рамках нового миропорядка бедность и неразвитость объясняли как необходимое и неизбежное зло. Поэтому повсеместно происходит сокращение государственной сферы экономики, возладала идея свободного рынка [10].

Спустя тридцать лет с момента крушения СССР мир опять оказался на перепутье истории. Либерально-капиталистическая система вызвала небывалое количество проблем, о которых говорят учёные. Российский философ А. В. Готнога считает, что либерально-капиталистическая система ценностей в погоне за прибылью перешла на более низкую ступень хозяйственных отношений, приватизировав сферу информационных технологий и перейдя к отношениям ренты [3]. Американский климатолог М. Манн пишет, что погоня за прибылью, спровоцированная идеей личного успеха, ведёт современный мир к экологической катастрофе [5]. Американский исследователь Дж. Хикел утверждает, что под влиянием процессов глобализации и неолиберализации вопрос уровень мировой бедности [13]. Американский социолог Н. Фрейзер пишет о кризисе семьи и общественного воспроизводства, сложившемся в современном мире под влиянием вступления капитализма в новую стадию развития в ходе проведения неолиберальных реформ [12]. Российский журналист А. Дубов пишет, что в погоне за прибылью многие корпорации и исследовательские центры искажают данные, чтобы конкуренты не смогли повторить эксперимент и первыми не смогли совершить прорыв в той или иной научной области [4].

Либерализм не может предложить варианты назревших проблем, т. к. исчерпаны инструменты давления на периферию. Не реализуются принципы свободы и равенства, о чём свидетельствует работа американского исследователя и журналиста Эмили Чен. Автор пишет, что сфера информационных технологий, располагающаяся в Кремниевой долине, закрыта для женщин, их роль в этой сфере маргинализируется [16]. Американский журналист К. Пайн пишет, что деятельность IT-компаний сопровождается нарушениями прав трудящихся, которые нередко приводят к суицидам и профессиональному выгоранию [9]. Поэтому сторонники либерально-капиталистического курса развития проводят контрреакцию, выражющуюся в ужесточении нормативно-правовой базы и усилении контроля над инакомыслящими, тем самым усиливая системно-кризисные явления в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арриги, Дж. 1989-й как продолжение 1968-го / Дж. Арриги, И. Валлерстайн, Т. Хопкинс // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 4. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/arr2.html> (дата обращения: 17.12.2010). – Текст: электронный.
2. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 176 с.
3. Готнога, А. В. Теоретико-методологические основания исторического прогнозирования: моногр. / А. В. Готнога. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. – 264 с.
4. Дубов, А. Невоспроизводимость научных статей только увеличила их цитируемость / А. Дубов // N + 1, Интернет-издание, 2023. – URL: <https://nplus1.ru/news/2021/05/26/citing-nonreplicable-publications> (дата обращения: 27.05.2021). – Текст: электронный.
5. Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / пер с англ., под ред. Г. Дерлугьяна. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 320 с.
6. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2. 1870 – наши дни / Пер. с англ. Н. Эдельмана; под ред. Т. Дробышевской. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 624 с.
7. Лал, Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты / Д. Лал; пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева и Ю. Кузнецова. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 338 с.
8. Линдси, Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма / Б. Линдси; пер. с англ. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011. – 416 с.
9. Пайн, К. Живи, вкалывай, сдохни. Репортаж с тёмной стороны Кремниевой долины / К. Пайн. – М.: Изд-во «Individuum», 2019. – 304 с.
10. Стедмен-Джоунз, Д. Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер / Д. Стедмен-Джоунз; пер. с англ. А. А. Столярова; науч. ред. А. В. Куряев. – М.; Челябинск: Социум; Мысль, 2017. – 522 с.
11. Туган-Барановский, М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке / М. Туган-Барановский. – М.: Кооперативное издательство «Московский рабочий», 1922. – 429 с.

12. Фрейзер, Н. Противоречия капитала и заботы / Н. Фрейзер. – URL: <https://artguide.com/posts/2130> (дата обращения: 17.02.2021). – Текст: электронный.
13. Хикел, Дж. Как не следует измерять уровень неравенства / Дж. Хикел // Артгид, 2009-2023. – URL: https://scepsis.net/library/id_3914.html (дата обращения: 19.04.2021). – Текст: электронный.
14. Хобсбаум, Э. Век Капитала. 1848-1875 / Э. Хобсбаум. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. – 480 с.
15. Хобсбаум, Э. Век империи. 1875 – 1914 / Э. Хобсбаум. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. – 512 с.
16. Чен Эмили. «О боже, это хрень какая-то»: тёмная сторона разнужданной Кремниевой долины / Чен Эмили // ИноСМИ.ru, 2000-2022. – URL: <https://inosmi.ru/social/20180121/241236061.html> (дата обращения: 20.04.2021). – Текст: электронный.
17. Чхан Ха Джун. 23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм / Чхан Ха Джун; пер с англ. Е. Кисленковой. – М.: ACT, 2014. – 314 с.
18. James Burnham's & Daniel Bell's Critiques of Globalization & Liberalism // IMAGINATIVE CONSERVATIVE, 2023. – URL: <https://theimaginativeconservative.org/2019/05/james-burnham-daniel-bell-globalization-liberalism-nayeli-riano.html> (дата обращения: 18.04.2021). – Текст: электронный.
19. Gerstle G. The rise and fall of the neoliberal order. America and the world in the free market era. Oxford University Press. New York. 2022. – 418 p.

Ярославцева Т. А., Крадожен-Мазурова Е. М.
T. A. Yaroslavtseva, E. M. Kradozhen-Mazurova

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ТЕРРИТОРИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР С ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТЬЮ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

SPATIAL LIMITS OF THE TERRITORY OF KHABAROVSK KRAI. TERRITORIAL DISPUTE WITH JEWISH AUTONOMOUS REGION: HISTORICAL ASPECT

Ярославцева Татьяна Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (Россия, Хабаровск); 680026, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15; тел. 8(924)117-04-40. E-mail: mu322@mail.ru.

Tatyana A. Yaroslavtseva – Doctor of History, Professor, Social, Humanitarian and Economic Disciplines Department, Far Eastern Home Ministry Law Institute, Russian Federation (Russia, Khabarovsk); 680026, Khabarovsk, Kazarmenny per., 15; tel. 8(924)117-04-40. E-mail: mu322@mail.ru.

Крадожен-Мазурова Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург); 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1; тел. 8(914)191-18-02. E-mail: krelena@mail.ru.

Elena M. Kradozhen-Mazurova – Candidate of Philology, Assistant Professor, Russian Language Department, St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry (Russia, St. Petersburg); 198206, St. Petersburg, Lyotchika Pilyutova str., 1; tel. 8(914)191-18-02. E-mail: krelena@mail.ru.

Аннотация. Границами субъекта РФ определяются пространственные пределы территории и распространение юрисдикции региональных органов государственной власти. Это определяет чёткое и непротиворечивое урегулирование вопросов, связанных с территориальными спорами, является задачей законодательства регионального и федерального уровней. В сложный для страны период (1991-1993 гг.) без принятия решений органами власти Хабаровского края ЕАО стала субъектом РФ, в нарушение конституционных прав граждан Хабаровского края и ЕАО, а также административно-территориальных интересов Хабаровского края (без референдумов).

Summary. The boundaries of a constituent entity of the Russian Federation determine the spatial limits of the territory and the spread of jurisdiction of regional state authorities. This determines a clear and consistent settlement of issues related to territorial disputes is the task of legislation at the regional and federal levels. In a difficult period for the country (1991-1993), the EAO became a constituent entity of the Russian Federation without any decision-making by the authorities of Khabarovsk Krai, in violation of the constitutional rights of the citizens of Khabarovsk Krai and EAO, as well as the administrative-territorial interests of Khabarovsk Krai (without referendums).

Ключевые слова: границы субъекта Российской Федерации; Хабаровский край; Еврейская автономная область; конституционные права граждан; исторические уроки.

Key words: Borders of the subject of the Russian Federation, Khabarovsk Krai, Jewish Autonomous Region, constitutional rights of citizens, historical lessons.

УДК 324

Спор о границах Хабаровского края и ЕАО длится не одно десятилетие. Думается, что настало время исправить ошибки, сделанные в 1993 г., и обеспечить реализацию прав граждан Хабаровского края и ЕАО на целостность исторически сложившейся территории. В настоящей статье авторы рассматривают одну из ключевых задач органов власти всех уровней – обеспечить реальное и юридически обоснованное разграничение территорий конкретных субъектов Российской Федерации.

Территориальные споры возникали в разные периоды истории государства и носили как межгосударственный, так и внутригосударственный характер. Обострение территориальных спо-

ров в постсоветский период связано с политическими реформами 1991 г., которые привели к смене системы административного управления в государстве. Ликвидированные советы и исполкомы ушли в прошлое, и многие нерешённые проблемы, стоявшие перед органами советской, партийной, общественной власти, остались в документах истории СССР. В переходный (постсоветский) период стала складываться новая модель государственного управления, в которой территория РСФСР была условно поделена на «субъекты Российской Федерации». Сам термин «субъекты Российской Федерации» был введён в официальный оборот в одном из дополнительных протоколов к Федеративному договору.

Авторы обращают внимание на суть Федеративного договора: этот договор разграничили компетенции органов государственной власти регионального и федерального уровней, не являясь учредительным договором. Границы территорий, входящих в состав Российской Федерации, субъектов РФ, при этом не изменились. Таким образом, административные границы субъектов Российской Федерации сегодня фактически те же, что существовали до образования федеративного государства на территории РСФСР. Эти границы были признаны РФ по состоянию на 12 декабря 1993 года, когда была принята Конституция Российской Федерации.

Если обратиться к недавнему советскому прошлому, то становится очевидно, что административно-территориальными единицами в СССР были края (Хабаровский край, Приморский край и др.); области (Сахалинская область, Амурская область и др.); районы (Комсомольский район, Ванинский район и др.); города (Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Амурск и др.); городские районы, посёлки, территории сельских советов. Установление границ административно-территориальных единиц являлось прерогативой союзных республик, в исследуемом случае – РСФСР. Административно-территориальное устройство в РСФСР выстраивалось в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 августа 1982 г. «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР». По существу, в Российской Федерации сохранились прежние границы между субъектами, доставшиеся в наследство от РСФСР, однако законодательно понятие «граница между субъектами Российской Федерации» не закреплено.

В связи с этим на сегодняшний день отсутствует полная определённость в вопросе о пределах территорий субъектов РФ и сохраняется предпосылка к территориальным спорам внутри Российской Федерации.

В Российской Федерации насчитывается более двух тысяч территориальных споров, возникших после 1990-х гг. Спорят субъекты России – «соседи»: Иркутская область – с Красноярским краем, Москва – сразу с двумя субъектами РФ: Московской и Калужской областями. Не разрешены территориальные споры Ингушетии с Северной Осетией и Чечнёй, а Татарстана с Удмуртией. Список можно продолжать и продолжать.

Авторы статьи считают целесообразным дать современное общеязыковое толкование слова «граница» на базе фундаментального словаря русского языка XXI века. Сразу оговоримся, что понятие «граница» многозначное. Мы в исследовательских целях указываем в статье только базовое значение слова, соответствующее контексту обсуждаемого вопроса. В цитируемом словаре это значение зафиксировано как 1.0: «Граница – линия (обычно условная), которая разделяет смежные области, участки и является пределом какой-либо территории. Спорить (судиться *несов.* ...) из-за границы чего-либо» [12, 212].

Следовательно, линия, отделяющая территориальные пределы одного субъекта РФ от других, это внутренняя граница административно-территориальных единиц России. Уставы и конституции субъектов Российской Федерации, Конституция РФ закрепляют правовой статус внутренних границ.

В связи с рассмотрением вопроса о внутренних границах субъектов РФ авторы полагают уместным определить понятия «делимитация» и «демаркация» на базе академического словаря XXI в.:

«Делимитация – юр. Определение государственной границы с описанием её прохождения и нанесением на карту в соответствии с заключённым договором. Делимитация дальневосточных границ» [10, 90].

«Демаркация – юр. Установление государственных границ на местности» [10, 91].

Очевидно, что административные границы субъектов РФ должны пройти процедуру делимитации и демаркации. Данные процессы отражаются в описании в договоре (протоколе-описании прохождения линии границы) и на специальных топографических картах. Эти документы являются обязательной частью межсубъектного договора, основанием для государственного признания границ между субъектами Российской Федерации, в результате чего устанавливается особая процедура территориальных отношений.

Так, прежде всего, субъект Российской Федерации, равно как и федеральный центр, не имеют права в одностороннем порядке изменить состав территории субъекта России. Для этого необходимо провести референдум на тех территориях, границы которых предполагается изменить. Создаётся также специальный документ, включающий картографию и описание того, как будет пролегать граница субъекта РФ.

Кроме того, «границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия» [1]. Документ должен быть утверждён Советом Федерации [1].

Разумеется, частные вопросы об изменении внутренних территориальных границ между субъектами Российской Федерации не отражены в Конституции. Они делегированы федеральному законодательству. Обратимся к Федеральному закону от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Согласно ст. 5 (подп. «е» п. 3) данного закона, установлено, что соглашение об изменении границ субъектов России вступает в законную силу после его утверждения Советом Федерации. Утвержденное соглашение должно исполняться законодательными и исполнительными органами власти субъектов Российской Федерации, указанными в документе об изменении границы. Таким образом, понятно, как действовать после узаконивания изменения границ субъектов РФ, но нет указаний, как подготовить и заключить подобное соглашение.

Обратимся к истории вопроса о внутренних границах административно-территориальных единиц на территории России. Согласно архивным данным, такие границы устанавливались и утверждались актами государственной власти Российской империи. Советское государство сохранило эту практику. Исследуя материалы архивов по Дальнему Востоку, разбираясь в запутанной истории административно-территориальных границ дальневосточных регионов, авторы статьи специально выделяют в новейшей истории спорный вопрос территориального разделения Хабаровского края и Еврейской автономной области.

Рассмотрим документы советского периода, установившие 20 октября 1938 г. датой разделения Дальневосточного края на Приморский и Хабаровский. С этого времени 20 октября ежегодно отмечается в регионе как день рождения Хабаровского края. Мы имеем в виду Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 октября 1938 г. «О разделении Дальневосточного края на Приморский и Хабаровский края» [6]. Следует отметить, что при разделении в 1938 году Еврейская автономная область (ранее по архивным документам 1934 года автономная Еврейская национальная область) оставалась в составе Хабаровского края.

При этом в Уставе ЕАО не отражено вхождение территории Еврейской автономной области в состав Хабаровского края [14].

Не обозначены в указанном документе даже договоры с Хабаровским краем или другими субъектами РФ, составляющие правовую основу области (ст. 4) [14]. Любопытно, что официального документального подтверждения о том, что ЕАО исключили административно или территориально из состава Хабаровского края, не существует, так же как нет подтверждения проведения законных процедур для решения проблем территориального межсубъектного характера.

Так, Еврейская автономная область изначально находится в составе Хабаровского края и на его территории с 28 марта 1928 г., когда Президиумом ЦИК СССР было принято постановление «О закреплении за Комитетом по земельному устройству трудящихся евреев при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР (КОМЗЕТ) для нужд переселения трудящихся евреев Биробиджанского района РСФСР Дальневосточного края РСФСР» [7]. В 1928 г. на территории засе-

ления насчитывалось до 34 тыс. человек, из них 70 % русских, 6,8 % украинцев, 10 % корейцев, 1,6 % китайцев, 1 % северных народностей.

В 1934 г. новое административное деление ДВК не изменило территориальных границ Хабаровского края. В мае 1934 г. вышло постановление Президиума ВЦИК «О преобразовании Биробиджанского района в автономную национальную область», которая осталась в составе Дальневосточного края (авторы статьи сохраняют орфографию документов эпохи, на которые ссылались выше) – ДВК РСФСР. В результате преобразований дополнительно в состав Хабаровской области (до разделения ДВК на Хабаровский и Приморский края территория официально называлась Хабаровской областью) включили Кур-Урмийский район автономной Еврейской национальной области (Постановление Президиума ВЦИК от 22 июля 1934 г.) [13].

Очередная административно-территориальная реформа на Дальнем Востоке в октябре 1938 г. привела к разделению ДВК на два самостоятельных края: Приморский и Хабаровский. Территория Еврейской автономной области (ранее – Еврейской национальной области) по-прежнему осталась в составе Хабаровского края. В последующие годы каких-либо процедур, позволявших признать, что ЕАО решала территориальные споры, а также официального документального подтверждения того, что ЕАО вышла из состава Хабаровского края, не существует. Следовательно, Хабаровский край продолжает иметь внутригосударственную административную границу с Амурской областью, а не с ЕАО, которая входит в состав Хабаровского края как «сложноСоставной» субъект с особым статусом. Любые утверждения об обратном являются домыслами, не основанными на законодательстве, или попытками умышлено ввести в заблуждение, чтобы не привлекать к ответственности лиц, причастных к незаконным действиям.

Следует учитывать, что при определении статуса субъекта РФ указывается также принадлежность к определённому виду субъектов Российской Федерации: республике, краю, области, городу федерального значения, автономной области, автономному округу [2].

Спорный вопрос о присвоении Еврейской автономной области статуса самостоятельного субъекта РФ обсуждался депутатами на комиссиях, на сессии Хабаровского краевого Совета народных депутатов в 1992-1993 гг. Один из авторов статьи (Т. А. Ярославцева) принимал личное участие в ходе подготовки данного вопроса к рассмотрению на заседании малого совета и на сессии Хабаровского краевого Совета народных депутатов. По поручению Хабаровского краевого Совета народных депутатов в Верховном Совете РСФСР (Москва) осуществлялся поиск документального подтверждения факта превращения ЕАО в отдельную административно-территориальную единицу. Предстояло выяснить, что и кто стоит за появлением ЕАО отдельной строчкой в Федеративном договоре: преступная халатность, умысел или некомпетентность должностных лиц органов и депутатов регионального и областного уровней.

Удалось установить, что из-за неправомерных действий депутатов Хабаровского краевого Совета народных депутатов, избранных от ЕАО, включённых в состав делегации для встречи с руководством страны в марте 1992 г., а также вследствие дальнейшей технической ошибки обслуживающего персонала Верховного Совета РСФСР сложились условия для получения ЕАО статуса субъекта РФ.

Так случилось, что подписали протокол к Федеративному договору от себя лично люди, не имевшие на то никаких полномочий или каких-либо согласований с государственными органами Хабаровского края. На основании этого протокола в нарушение всех норм законодательства РСФСР Еврейская автономная область была включена в Федеративный договор от 31 марта 1992 г. («Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации») как самостоятельный субъект РФ.

В условиях реформирования системы государственной власти исправить ошибку и оспорить незаконные действия неуполномоченных лиц депутаты Хабаровского краевого Совета народных депутатов не успели. Совет как орган власти был ликвидирован в январе 1994 г.

При внимательном рассмотрении этой истории с опорой на архивные документы и материалы возникают сомнения в том, что произошла обычная техническая ошибка. Так, ошибку можно

было бы исправить своевременно, если бы не бездействие руководства Хабаровского края (в лице экс-губернатора В. И. Ишаева). О неоднократных попытках изменения статуса Еврейской автономной области было известно в Хабаровском краевом Совете народных депутатов и в крайисполкоме. В. И. Ишаев участвовал в работе данных органов и не мог не знать обстановки.

Удивительным является и тот задокументированный факт, что повышение статуса Еврейской автономной области при выходе из состава Хабаровского края не было поддержано населением субъекта. Более того, в конце 1991 г. жители области массово писали Президенту РСФСР о том, что не согласны с отделением ЕАО от Хабаровского края. Трудовые коллективы Еврейской автономной области слали в Москву телеграммы о недопустимости подобных действий, о своём несогласии с решением областного Совета народных депутатов по созданию самостоятельного субъекта на территории ЕАО. Жители области законно требовали проведения референдума, что нашло отражение в материалах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 53-68). Тем не менее референдум не был проведён.

Восторжествовали в очередной раз интересы чиновников, добивавшихся статуса новой политической элиты, искающих мест и званий в качестве руководителей нового региона. При этом замалчивалось, что «титульная нация» – евреи – в Еврейской автономной области на момент принятия решения составляла 3 % населения, в то время как проживавших там русских было 96 %. Эта информация могла помешать осуществить задуманное тем, кто стремился занять посты во вновь образованных властных структурах ЕАО. В результате отделения ЕАО от Хабаровского края увеличилось количество должностных лиц, чиновников разных рангов, возросли «управленческие расходы».

На сегодняшний день, по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу, в ЕАО проживает не более 1 % еврейского населения. Переведём проценты в реальные цифры, чтобы проиллюстрировать ситуацию. По данным Федеральной службы государственной статистики, численность постоянного населения Еврейской автономной области на 1 января 2023 г. (с учётом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.) составила 147 458 чел. [16]. Несложно подсчитать, что 1 % от этого числа составляет менее полутора тысяч человек.

В этом случае возникает закономерный вопрос о целесообразности сохранять в названии субъекта РФ «Еврейская автономная область» указание на то, что она «еврейская». По факту территория ЕАО является частью в территориальном составе Хабаровского края с самопровозглашённым суверенитетом.

Хабаровский край – многонациональный. На его территории проживает 145 национальностей, и если по примеру ЕАО компактно проживающие в Нанайском районе Хабаровского края нанайцы, например, захотят автономии, повышения статуса до уровня «субъект Российской Федерации», то оснований у них, пожалуй, не меньше: в районе проживает около 15 тыс. чел., из них более трёх тысяч – нанайцы.

Вопрос об административно-территориальных единицах с особым статусом на территории современной России – тонкий вопрос, требующий деликатного подхода. По мнению российского исследователя О. П. Личичан, подобные единицы территориального деления РФ «можно рассматривать в качестве административной формы национально-территориальной автономии регионального уровня» [11].

Авторы статьи полагают, что Еврейскую автономную область можно рассматривать как административную единицу в статусе сложносоставного субъекта РФ.

Сложившаяся спорная ситуация с узакониванием внутритERRITORIALНЫХ границ ЕАО и Хабаровского края сохраняется до настоящего времени. Этому в немалой степени содействовало безразличие к решению спорного вопроса руководства Хабаровского края (его экс-губернаторов: В. И. Ишаева, В. И. Шпорта, С. И. Фургала, который до вступления в должность более 10 лет являлся депутатом ГД РФ); Законодательной Думы Хабаровского края всех созывов, начиная с 1994 г.; всех партий, имеющих региональные отделения, и других общественных организаций.

Нынешний губернатор края (М. В. Дегтярев) вопрос определения административных границ между Хабаровским краем и ЕАО воспринимает как имеющий межсубъектный характер. Им даже подписано Соглашение между Хабаровским краем и ЕАО «Об описании местоположения границы между ЕАО и Хабаровским краем» (документ не опубликован).

Следует отметить, что в настоящее время продолжает действовать Закон РФ от 3 июля 1992 г. № 3198-1 «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации», в соответствии с которым запрещено изменение территориальных границ. Очевидно, что в сложившейся ситуации органы субъектной власти пытаются обойти данную норму. Они объясняют свои действия уточнением границ. Однако обстоятельства, сложившиеся в Хабаровском крае, нельзя рассматривать как уточнение границ с ЕАО по причине незаконного, не основанного на нормах права получения самого статуса субъекта РФ.

Не следует сохранять предпосылку избегания ответственности за ошибки и действия или бездействие органов власти, не говоря уже о преступном умысле конкретных лиц. События на Украине свидетельствуют в том числе о последствиях несвоевременного разрешения территориальных споров.

Принцип территориальной целостности субъектов Российской Федерации заключается в том, что «любые изменения территории субъектов РФ возможны лишь с общего согласия Российской Федерации и данного субъекта» [4].

В Определении Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2005 г. № 365-О подчёркивалось, что Конституция РФ не исключает возможности изменения границ между субъектами РФ при обязательном соблюдении ст. 71 Конституции РФ, а также при условии взаимного согласия соответствующих субъектов РФ, волеизъявление которых по этому вопросу основывается на решении, принятом либо населением субъекта РФ (референдум), либо законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ или полученном в результате сочетания обоих способов. При этом не допускается в одностороннем порядке решение территориальных вопросов, изменение границ между субъектами Российской Федерации.

Как упоминалось выше, недопустимо произвольно изменять административно-территориальные границы между субъектами Российской Федерации. Российская Федерация нуждается в согласии субъектов, а они должны решать данные вопросы в правовом поле. В ч. 1 статьи 102 Конституции РФ прямо указано на нормативный характер изменения административно-территориальных границ: «К ведению Совета Федерации относятся: а) утверждение изменения границ между субъектами Российской Федерации».

По справедливому мнению Т. Я. Хабриевой, «необходимо установить законодательное требование об обязательности официального опубликования соглашений об изменении границ субъектов РФ как условия их вступления в силу» [15].

В настоящее время наблюдается тенденция к сокращению количества субъектов РФ за счёт их слияния. Позитивно оценивается происходящее в результате такой процедуры сокращение количества чиновников и расходов на их содержание. Дотационные субъекты входят в состав более экономически устойчивых, сильных.

ЕАО до настоящего времени не подписывала договор об административной границе с Хабаровским краем.

Законодатель предлагает варианты выхода из сложившейся ситуации. Конституция РФ допускает возможность изменения статуса субъекта РФ (ч. 5 ст. 66) [1]. Он может быть изменён по взаимному согласию Российской Федерации и её субъекта в соответствии с федеральным конституционным законом.

Процедура изменения конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации была определена в середине 1990-х, например, Постановлением Конституционного Суда РФ [3] и должна полностью соответствовать установленным в ч. 3 ст. 67 Конституции РФ видам конституционно-правового статуса субъектов РФ.

По мнению российского исследователя В. В. Иванова, «изменение статуса субъекта Российской Федерации – это отказ региона от статуса субъекта Федерации с последующим включе-

нием его территории в состав другого региона либо с предоставлением этому образованию какого-либо иного статуса в Федерации» [9]. В случае исправления ситуации, сложившейся в 1993 г., ЕАО изменит только конституционный статус субъекта РФ, но при этом административно-территориальные границы Хабаровского края сохранятся без изменения.

Если этого не произойдёт, то необходима процедура признания и легитимации изменения территории и населения Хабаровского края без ЕАО, в состав которого область входит как субъект РФ. Следует согласиться с Б. Д. Дамдиновым, что выход из состава субъекта РФ неизбежно повлечёт изменение его территории [8]. Обращает на себя внимание, что отсутствие решения территориального спора приведёт к тому, что Хабаровский край существенно потеряет не только исторически сложившуюся общность, но и территорию, имевшую важное хозяйственное назначение, например, для развития АПК.

Захочет ли Еврейская автономная область изменить свой статус? Это должно быть выявлено при «выполнении всех необходимых процедур, включая учёт мнения населения (референдум), подписание и ратификацию соглашения, согласование в Правительстве РФ, получение решения Совета Федерации» [5]. Хабаровский край не имеет права быть сторонним наблюдателем.

По мнению авторов, необходимо упорядочить процедуру изменения административно-территориальных границ субъекта Российской Федерации, включив её (в анализируемом случае) в Устав Хабаровского края. Устав должен содержать указания на возможность изменения границы. При этом в документе должна отражаться бланкетная норма, которая включает ссылку к Конституции РФ, федеральному конституционному или федеральному закону, а также к специальному закону субъекта РФ. Нужно указать на обязательность получение согласия населения субъекта РФ в форме референдума. Необходимо подготовить порядок подписания и опубликования проекта соответствующего соглашения, который подлежит утверждению органами государственной власти.

В январе 2023 г. информационное агентство «Хабаровские вести» в новостном канале сообщило о том, что «единственным регионом, с которым у Хабаровского края пока нет официально утверждённой административной границы, остаётся ЕАО. Как уточнили нашему корреспонденту в краевом управлении Росреестра, работа в этом направлении продолжается» [17].

Однако согласно ответу и. о. председателя комитета по внутренней политике Правительства Хабаровского края В. В. Зубкова (май 2023 г.), в настоящее время предложения органов государственной власти Еврейской автономной области о заключении соглашения об описании местоположения границ между Еврейской автономной областью и Хабаровским краем либо об изменении границ субъектов в адрес Правительства Хабаровского края не поступали. Как видим, ответ краевого чиновника на обращение в адрес Губернатора Хабаровского края М. В. Дегтярева не соответствует действительности. Более того, в ответе сказано, что «создание специальной комиссии не планируется». В таком случае возникает закономерный вопрос: какие же работы продолжает краевое управление Росреестра?

При таких обстоятельствах вести работы по установлению административно-территориальных границ между ЕАО и Хабаровским краем, тем более без изучения вопроса по существу, было бы преждевременно и юридически неправомерно, а также не в интересах Хабаровского края.

И в заключение отметим, что, видимо, необходимо принятие специального федерального закона, в котором будут подробно определены нормы установления и изменения межсубъектных границ на территории Российской Федерации. Разумеется, в основе этого нормативно-правового акта будут положения Конституции РФ, «устанавливающие совместное определение статуса субъектов РФ и невозможность его изменения в одностороннем порядке Федерацией или её субъектом» (ст. 66 ч. 1, ч. 5) [1].

Чтобы исправить административно-политические ошибки прошлого, требуется открытость всех процедур. Замалчивание снижает доверие к руководству субъекта РФ и не может не вызывать сомнений в законности действий или коррупционной договорённости, зачастую под прикрытием высокой должностью от имени субъекта РФ. Вместе с тем локальные конфликты могут перерасти в международные и явиться причиной крупных вооружённых конфликтов.

Настоящая статья призвана привлечь внимание учёных различных направлений науки, специалистов органов государственного и муниципального управления к проблемам межсубъектного характера. С участием научного сообщества можно ускорить поиск законного разрешения вопроса о границе между субъектами: Хабаровским краем и Еврейской автономной областью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Гарант-Интернет, 2001. – URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 12.09.2023). – Текст электронный.
2. Конституция Российской Федерации: вопросы и ответы / [Е. А. Данилов и др.]. – М.: Юрид. лит-ра, 1994. – 125 с.
3. По делу о толковании содержащегося в части 4 ст. 66 Конституции РФ положения о вхождении автономного округа в состав края, области: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П // Гарант-Интернет, 2001. – URL: <http://constitution.ru/decisions/65786/65786.htm> (дата обращения: 12.09.2023). – Текст: электронный.
4. По запросу Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан о толковании ряда положений статей 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 и 78 Конституции Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2001 г. № 250-О // КонсультантПлюс, 2015-2023. – URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutusionnogo-suda-tf-ot-06122001-n-250-o-po/> (дата обращения: 12.09.2023). – Текст: электронный.
5. Стенограмма 300-го заседания Совета Федерации от 13 июля 2011 г. – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXIUoewruAkaf_fMuXOLh97OUqHySRY86PSc74CCkVc_fPlCkDZUoRYK0ijC5MwxrtHXTfxRmJBEoOz0ebcd8Ogij-pO88-OEbAOsn6JVe7pE3M-WY2elfMWHhGrLXiY0rk1TLIPg%3D%3D%3Fsign%3DjtVJDasYi1Wcu_ov-Wb6rf7EUTE1KJN_SRTOMERI9w%3D&name=41d44e66670f00b958a1.doc&nosw=1 (дата обращения: 12.09.2023). – Текст: электронный.
6. Ведомости Верховного Совета СССР. 1938 г. № 13.
7. ГАЕАО. Ф. Р-186. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.
8. Дамдинов, Б. Д. К вопросу об объединении «сложносоставных» субъектов Российской Федерации: первый опыт и перспективы (конституционные и финансово-правовые аспекты) / Б. Д. Демдинов // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 2. – С. 29.
9. Иванов, В. В. К вопросу о концепции территориального образования / В. В. Иванов // Государство и право. – 2003. – № 11. – С. 52.
10. Крысин, Л. П. Современный словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. – 416 с.
11. Личичан, О. П. Административно-территориальные единицы с особым статусом во вновь образованных субъектах Российской Федерации: модели в региональном законодательстве / О. П. Личичан // Государство и право: вызовы XXI в. Кутафинские чтения. Сб. тезисов: материалы Международной научно-практической конференции. – М.: Издательство Элит, 2009. – С. 78-83.
12. Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. В. В. Морковкина. – М.: Словари XXI века, 2017. – 1456 с.
13. О новом административном делении Дальневосточного края: Постановление Президиума ВЦИК от 22 июля 1934 г. // СУ РСФСР. – 1934. – № 31. – ст. 190.
14. Устав ЕАО // Официальный сайт Правительства ЕАО. – URL: <https://www.eao.ru/> (дата обращения: 12.09.2023). – Текст электронный.
15. Хабриева, Т. Я. Границы субъектов Российской Федерации и их изменение («Круглый стол») / Т. Я. Хабриева // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 110-113.
16. Индексы производства по видам экономической деятельности (в процентах к предыдущему году) // Росстат. – URL: <https://27.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/> (дата обращения: 12.09.2023). – Текст: электронный.
17. В Хабаровском крае примут закон о границе с Приморьем // Информагентство ХКС. – URL: <https://todaykhv.ru/news/policy/64437/> (дата обращения: 12.09.2023). – Текст: электронный.

ЭКОНОМИКА ECONOMICS

Кизиль Е. В., Радченко Н. Б.
E. V. Kizil', N. B. Radchenko

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ РИСКОВ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

BUDGET RISK FORECASTING OF KHABAROVSK KRAI MUNICIPAL ENTITY

Кизиль Елена Витальевна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(914)179-42-20. E-mail: kisil_ev@mail.ru.

Elena V. Kizil' – Doctor of Economics, Professor, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(914)179-42-20. E-mail: kisil_ev@mail.ru.

Радченко Никита Баирович – студент Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(924)410-52-48. E-mail: nikitaradchenko10@gmail.com.

Nikita B. Radchenko – Bachelor's Degree Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komso-molsk-on-Amur); tel. 8(924)410-52-48. E-mail: nikitaradchenko10@gmail.com.

Аннотация. В работе исследуются вопросы состава и оценки бюджетных рисков локальной территории. Целями исследования являются выявление и анализ бюджетных рисков муниципального образования (МО), а также их прогнозирование на ближайшую перспективу. Представлен обзор современных научных исследований по данной тематике. Определены основные виды бюджетных рисков и взаимосвязь между ними. Отражены основные факторы риска муниципальных бюджетов. Изложен методологический подход, позволяющий оценивать бюджетные риски локальной территории и строить прогнозные тренды развития бюджетной ситуации. Результаты исследования могут быть использованы в сфере бюджетного планирования. В условиях текущей экономической ситуации, когда муниципалитету необходимо контролировать необоснованный рост бюджетных расходов, а также поддерживать уровень дефицита бюджета на приемлемом уровне, выводы, сделанные в работе, будут способствовать повышению качества финансового управления, увеличению устойчивости бюджетов, снижению влияния факторов риска и неопределённости.

Summary. The paper studies the issues of composition and assessment of budgetary risks of the local territory. The purpose of the study is to identify and analyze the budgetary risks of municipal formation (MO), as well as their forecasting for the near future. The review of modern scientific research on this subject is presented. The main types of budgetary risks and the relationship between them are defined. The main risk factors of municipal budgets are reflected. The methodological approach that allows estimating the budgetary risks of the local territory and building forecast trends of the budgetary situation development is presented. The results of the research can be used in the sphere of budget planning. In the current economic situation, when the municipality needs to control the unreasonable growth of budget expenditures, as well as to maintain the level of budget deficit at an acceptable level, the conclusions drawn in the paper will contribute to improving the quality of financial management, increasing the sustainability of budgets, reducing the impact of risk factors and uncertainty.

Ключевые слова: муниципальный бюджет, виды рисков, модели, тенденции.

Key words: municipal budget, types of risks, models, trends.

УДК 336.14:332.14(571.62)

В течение продолжительного времени прослеживается пристальный интерес к проблеме бюджетных рисков в трудах отечественных учёных [1–6]. Немало работ посвящено разработке научно обоснованных методических подходов к их оценке и способам снижения. Необходимость овладения эффективными приёмами управления бюджетными рисками продиктована требованиями обеспечения экономической безопасности муниципальных территорий и повышения их финансовой устойчивости [7].

В условиях кризисного периода как для Российской Федерации в целом, так и для российских регионов существенно возрастает риск недополучения налогов [5]. Происходит снижение налоговых поступлений от предприятий – резидентов муниципальной территории в связи с ухудшением их финансового состояния, кроме того, из-за снижения заработной платы и роста безработицы бюджет недополучает значительную часть поступлений от налога на доходы физических лиц.

В связи со снижением деловой активности уменьшается прибыль от активов, находящихся в муниципальной собственности, что может влиять на неналоговые доходы бюджета. Также существуют неконтролируемые риски, связанные с увеличением зависимости от федерального бюджета или иных внешних источников финансирования.

Тем не менее исследователи отмечают, что, несмотря на важность проблемы, в отечественных разработках недостаточно полно представлены вопросы методологии оценки и прогнозирования бюджетных рисков, приобретающие особую значимость для муниципальных образований. Нестабильность бюджетной ситуации объясняется рядом причин, важнейшими из которых можно назвать изменение объёмов инвестиционных расходов, трансфертных поступлений, необходимость перераспределения финансовых ресурсов между уже утверждёнными муниципальными программами [4].

Таким образом, идентификация, оценка и прогнозирование рисков местных бюджетов имеют большое значение как для региональной экономики, так и для экономики государства в целом. Анализ и своевременное выявление бюджетных рисков позволили бы снизить их влияние на экономику путём принятия своевременных мер управленческих воздействий.

К основным видам бюджетных рисков, характерных для местных бюджетов, относятся риски:

- сокращения поступлений из федерального и регионального бюджетов;
- снижения автономии местного бюджета;
- роста расходных статей;
- снижения финансовой устойчивости из-за дефицита бюджета;
- снижения ликвидности по причине увеличения долговой нагрузки.

Некоторые исследователи связывают бюджетные риски с отклонениями фактических бюджетных показателей от их потенциальных, а не от утверждённых значений. Так как риск – следствие того или иного управленческого решения, действия государственных и муниципальных органов власти отражаются в разрабатываемых бюджетах. Следовательно, при оценке бюджетных рисков необходимо сравнивать фактические показатели с утверждёнными, а не с потенциальными [8].

Ряд авторов связывает с бюджетным риском отклонение, соответствующее снижению фактических доходов (расходов) бюджета по сравнению с утверждёнными значениями, как равно и их увеличению. Несмотря на то что категория риска сама по себе означает возможность недополучения дохода, мы считаем это оправданным, т. к. вероятность появления профицита также ведёт к риску несбалансированности бюджета.

Для практической оценки бюджетных рисков важно определить показатели, которые будут использоваться для расчёта фактических отклонений от утверждённых. В основном, такими индикаторами являются доходы и расходы.

В большинстве существующих исследований бюджетные риски оцениваются с помощью статистических или экспертных методов. Экспертный метод основан на анализе бюджетных рисков специалистами и экспертами. Такой способ используется при недостаточном объёме информации. Метод предполагает опрос нескольких независимых экспертов для оценки уровня риска и определения степени влияния различных его факторов. Следует учесть, что экспертный метод обладает некоторой субъективностью, что может повлиять на достоверность оценки.

Наибольшей популярностью пользуются вероятностно-статистические способы, которые в условиях несовершенной муниципальной статистики позволяют избежать неадекватной экспертино-аналитической оценки бюджетных рисков.

Для оценки риска исполнения расходной, доходной частей консолидированного бюджета локальной территории, а также зависимости от внешних источников (безвозмездных поступлений) в работе используются такие статистические показатели, как стандартное отклонение σ и коэффициент вариации v :

$$\sigma = \sqrt{\sum (Y_i - Y_{cp})^2 \cdot p_i},$$

$$v = \frac{\sigma}{Y_{cp}} \cdot 100\%,$$

где Y_i – уровень поступления i -го источника дохода (расходной статьи); Y_{cp} – усреднённый уровень поступления доходов (расходования средств); p_i – удельный вес i -го доходного источника (расходной статьи) в фактической сумме доходов (расходов).

Значение коэффициента вариации позволяет дать количественную оценку риску исполнения бюджета и классифицировать его по уровням. Среднеквадратическое отклонение характеризует степень расхождения реально исполненного показателя (объём доходов или расходов) и утверждённого. Таким образом, стандартное отклонение можно рассматривать как инструмент оценки бюджетного риска, вероятность наступления которого зависит от удельного веса доходной (или расходной) статьи в итоговой сумме доходов (расходов) исполненного бюджета.

Следует отметить, что проблема снижения бюджетных рисков тесно связана с процессами составления кратко- и долгосрочных бюджетных прогнозов [4]. Наличие прогноза состояния бюджетных показателей даже на краткосрочный период, в условиях отсутствия экспертно-аналитических агентств и официальных источников по анализу бюджетных рисков, позволяет своевременно реагировать на внешние и внутренние вызовы, препятствующие эффективной реализации бюджетного процесса.

Эмпирической основой практической реализации методического подхода к выявлению, оценке и прогнозированию бюджетных рисков послужили данные бюджета Комсомольского муниципального района Хабаровского края за период с 2018 по 2021 годы, полученные из открытых источников [9].

На базе аналитической информации и с использованием статистических методов определены бюджетные риски, связанные с исполнением доходной, расходной частей бюджета муниципального образования, а также с зависимостью от внешних источников финансирования (см. табл. 1).

Таблица 1
Интерпретация бюджетных рисков муниципального образования

Год	Наименование показателя	Процент исполнения бюджета, %	Количественная оценка значения риска (коэффициент вариации)	
			приемлемый (от 0 до 5 %)	допустимый (от 5 до 10 %)
2018	Доходы	98	1,38	
	Расходы	97,2	3,73	
	Зависимость от внешних источников	100	1,2	
2019	Доходы	98,7	1,38	
	Расходы	97,5	3,81	
	Зависимость от внешних источников	100	1,29	
2020	Доходы	105,4	4,89	
	Расходы	98,1	3,15	
	Зависимость от внешних источников	100	4,6	
2021	Доходы	102,3		6,73
	Расходы	94,7		5,88
	Зависимость от внешних источников	100		6,48

В табл. 1 приведена условная градация количественной оценки бюджетного риска: «приемлемый» (от 0 до 5%), «допустимый» (от 5 до 10 %). Уровень риска свыше 10 % может рассматриваться как «высокий».

В табл. 2 приведены сводные показатели риска, позволяющие оценить отдельные составляющие бюджетного риска (риск собираемости доходов, структуры расходов, зависимости от внешних источников) и дать комплексную характеристику бюджетной ситуации в муниципальном образовании.

Таблица 2
Сводные показатели динамики бюджетных рисков и их математическая интерпретация

Показатель	Период				Уравнение аппроксимирующей зависимости (трендовая модель)
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	
Стандартное отклонение доходов бюджета	1,35	1,36	5,15	6,88	
Риск структуры доходов	1,38	1,38	4,89	6,73	$y = 0,4595x^2 - 0,3413x + 1,0015$
Стандартное отклонение расходов бюджета	3,63	3,72	3,09	5,56	
Риск структуры расходов	3,73	3,81	3,15	5,88	$y = 0,6606x^2 - 2,7263x + 6,005$
Стандартное отклонение уровня безвозмездных перечислений в сумме доходов бюджета	0,018	0,013	0,048	0,066	
Риск зависимости от внешних источников	1,2	1,29	4,6	6,48	$y = 1,1323x^2 - 4,5684x + 7,0059$
Интегральная оценка бюджетного риска	2,53	2,58	4,50	6,50	

Результаты построения трендовых моделей, отражающих тенденции изменения бюджетных рисков во времени, получены с помощью аналитического выравнивания (см. табл. 2). Выбор наиболее достоверной модели для прогнозирования сделан в соответствии с наиболее подходящим коэффициентом детерминации (см. рис. 1). Тенденция изменения всех составляющих бюджетного риска имеет вид полинома второй степени (полиномиальная зависимость).

На основе математической интерпретации процесса с помощью полиномиальных моделей проведена прогнозная оценка бюджетных рисков на 2022-2023 годы (см. табл. 3).

Ситуация, складывающаяся в 2018-2020 годах, характеризуется приемлемым уровнем бюджетного риска. Все показатели риска имеют значение менее 5 %. В 2021 году уровень бюджетного риска по всем его видам перешёл в другую категорию (от 5 до 10 %) и стал определяться как допустимый. Сказалось влияние нестабильной внутренней, связанной с пандемией коронавируса, и геополитической ситуацией.

В целом, все виды рисков стремятся к росту. Особенно нестабильна структура бюджетного риска по показателям «риск структуры доходов» и «риск зависимости от внешних источников». Темп роста интегральной характеристики бюджетного риска значительно возрос в 2020 году (74,4 %) и несколько замедлился, хотя и не достиг уровня 2019 года, в 2021 году (44,4 %) . Это связано, очевидно, с усилением поступлений бюджетных средств из вышестоящих бюджетов в период ковидных ограничений и с некоторой стабилизацией ситуации в 2021 году.

Прогнозные значения рисков структуры расходов и риска зависимости от внешних источников на 2022 год увеличиваются практически в два раза по сравнению с предыдущими годами. В дальнейшем значения этих рисков продолжат рост.

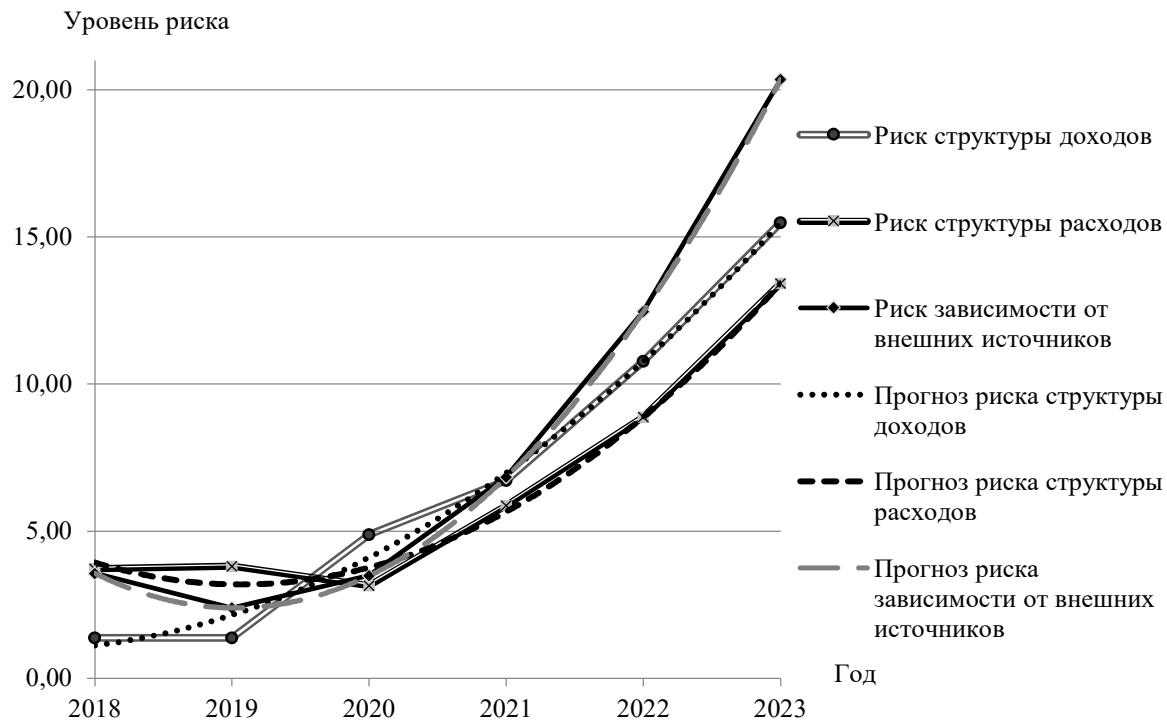

Рис. 1. Трендовые модели бюджетных рисков МО

Таблица 3

Исследуемые (фактические) и прогнозные значения бюджетных рисков

Виды риска	Период					
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Риск структуры доходов	1,38	1,38	4,89	6,73	7,39	6,92
Риск структуры расходов	3,73	3,81	3,15	5,88	11,89	21,24
Риск зависимости от внешних источников	1,2	1,29	4,6	6,48	12,47	20,36

Прогноз по риску структуры доходов намного лучше (7,39 в 2022 году по сравнению с 6,73 в 2021 году). В 2023 году ожидается его снижение до 6,92.

Таким образом, полученная интегральная характеристика бюджетных рисков, основанная на фактических показателях бюджета, демонстрирует тенденцию к росту всех составляющих бюджетного риска. Проведённые на основе построения аппроксимирующих зависимостей оценка и прогнозирование бюджетных рисков на 2022-2023 годы показали, что наиболее «опасными» в прогнозе оказались риски структуры расходов и зависимости от внешних источников. Они не достигают пика к 2023 году. Наиболее благоприятная ситуация складывается по риску структуры доходов, т. к. налицо тенденция к снижению риска собираемости доходов.

В дальнейшем целесообразно провести анализ точности результатов прогнозирования бюджетных рисков, т. к. уже появляется отчётность муниципальных органов в открытых источниках.

В заключение следует отметить, что используемый в работе вероятностно-статистический подход основывается на ретроспективной информации. Таким образом, полученные результаты «устаревают» и не вполне соответствуют реальным вызовам времени. Несмотря на это, данные анализа и оценки рисков могут оказать существенное влияние на принятие муниципальными органами управленческих решений в части планирования бюджетного процесса, а также контроля рационального использования бюджетных ассигнований.

В качестве перспективного можно предложить сценарный метод оценки и прогнозирования рисков, позволяющий смоделировать вероятностный ход развития ситуации в финансово-бюджетной сфере и упредить нежелательные события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамукин, В. В. Комбинаторика рисков бюджетной системы / В. В. Гамукин // Бухгалтерский учёт в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2015. – № 19 (379). – С. 18-26.
2. Желнова, К. В. Определение бюджетных рисков Удмуртской Республики / К. В. Желнова // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. – 2015. – № 4 (48-2). – С. 93-103.
3. Мельник, Е. Д. Управление бюджетными рисками / Е. Д. Мельник // УЭкС. – 2013. – № 5 (53). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-byudzhetnymi-riskami-1> (дата обращения: 11.12.2022). – Текст: электронный.
4. Соломко, М. Н. Проблемы составления долгосрочных бюджетных прогнозов на муниципальном уровне / М. Н. Соломко // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2020. – № 3 (104). – С. 76-84.
5. Шабельникова, С. И. Проблемы обеспечения сбалансированности бюджетов регионов в условиях санкционного давления / С. И. Шабельникова // Федерализм. – 2022. – Т. 27. – № 2 (106). – С. 31-45.
6. Кувалдина, Т. Б. Бюджетный риск: понятие и система управления / Т. Б. Кувалдина // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – № 2 (22). – С. 26-31.
7. Ларченко, Ю. Г. Характеристика социально-экономического положения муниципальных образований Хабаровского края / Ю. Г. Ларченко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № II (66). – С. 96-103.
8. Юшкин, С. Н. Специфика бюджетных рисков территории и пути их минимизации / С. Н. Юшкин // Russian Journal of Economics and Law. – 2013. – № 1 (25). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-byudzhetnyh-riskov-territorii-i-puti-ih-minimizatsii> (дата обращения: 10.12.2022). – Текст электронный.
9. Бюджет Комсомольского муниципального района // Официальный сайт администрации Комсомольского муниципального района. – Раздел сайта «Финансы района», подраздел «Бюджет». – URL: <https://raion-kms.khabkrai.ru/Finansy-rajona-/Byudzhet-/> (дата обращения: 30.11.2022). – Текст электронный.

Ларченко Ю. Г.
Y. G. Larchenko

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ НА РЫНКЕ ТРУДА ПО УРОВНЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХ СОИСКАТЕЛЕЙ

CLUSTERING OF REGIONS IN THE LABOR MARKET BY THE LEVEL OF ATTRACTIVENESS FOR NON-RESIDENT APPLICANTS

Ларченко Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры проектирования, управления и разработки информационных систем Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: 1_uliya_g@mail.ru.

Yulia G. Larchenko – PhD in Economics, Associate Professor, Design, Management and Development of Information Systems Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: 1_uliya_g@mail.ru.

Аннотация. В работе проводится кластеризация субъектов РФ, оказывающих поддержку экономически активному населению при переезде к новому месту работы. Актуальность поставленной задачи исследования обусловлена необходимостью принятия взвешенных решений всеми участниками рынка труда для своевременной адаптации к изменениям внешней среды и сохранения своего устойчивого, конкурентного положения. Для решения данной задачи использовался метод К-средних и аналитическая платформа Deductor. С помощью показателей, предложенных Федеральной службой по труду и занятости на портале «Работа России», сформированы девять кластеров. Наиболее важными индикаторами, определяющими состав большинства кластеров (70-85 %), являются сбережения населения и доступность детских садов. В половине рассмотренных субъектов РФ также значимыми показателями выступают: уровень безработицы, удельный вес трудоустроенных инвалидов и лиц с ОВЗ, плотность населения. Выводы, полученные в ходе группировки субъектов РФ, позволят кандидатам выбрать работодателя и регион его функционирования на основе тщательного изучения социально-экономических ориентиров развития соответствующей территории.

Summary. The work involves clustering of subjects of the Russian Federation that provide support to the economically active population when moving to a new place of work. The relevance of the research task is due to the need to make informed decisions by all participants in the labor market in order to timely adapt to changes in the external environment and maintain their stable, competitive position. To solve this problem, the K-means method and the Deductor analytical platform were used. Using the indicators proposed by the Federal Service for Labor and Employment on the Work of Russia portal, nine clusters were formed. The most important indicators that determine the composition of the majority of clusters (70-85 %) are the savings of the population and the availability of kindergartens. In half of the examined constituent entities of the Russian Federation, the following significant indicators are: the unemployment rate, the proportion of employed disabled people and persons with disabilities, and population density. The conclusions obtained during the grouping of subjects of the Russian Federation will allow candidates to choose an employer and the region of its operation based on a thorough study of the socio-economic guidelines for the development of the corresponding territory.

Ключевые слова: кластер, алгоритм К-средних, Deductor, показатели, регион, соискатель, рынок труда.

Key words: cluster, K-means algorithm, Deductor, indicators, region, applicant, labor market.

УДК 65.011

В условиях динамичности внешней среды, характеризующейся высоким уровнем конкуренции, предприятия разных отраслей промышленности и сфер деятельности сталкиваются с необходимостью гибкого реагирования на изменения конъюнктуры рынка. В этой связи одним из факторов своевременной адаптации к новым условиям хозяйствования является наличие квалифицированных работников, способных выполнять свои должностные обязанности с учётом необхо-

димых корректировок, обусловленных колебаниями параметров микросреды [5; 7]. Исходя из этого, насущной задачей для обеспечения эффективного управления предприятием выступает организация процесса рекрутинга.

В настоящее время существует большое разнообразие инструментов, позволяющих в сжатые сроки и с минимальными усилиями провести поиск и выбор кандидатов на соответствующие вакантные должности предприятий. Наиболее популярными сервисами в данной области являются информационные системы (порталы): «Работа России», «HeadHunter», «SuperJob» и ряд других [9; 16; 17].

Преимуществом данных информационных систем является возможность быстрого поиска в базе данных резюме соискателей на основе установления фильтров, соответствующих требованиям, предъявляемым работодателем к определённой вакансии. При этом указанные порталы также позволяют и кандидатам проводить мониторинг и анализ объявлений на рынке труда, оценивать привлекательность и перспективы развития региона – территории нахождения и функционирования работодателя. Исходя из этого, интересной и практически значимой задачей исследования является кластеризация (группировка) регионов, оказывающих поддержку соискателям при переезде.

Объектом исследования является портал «Работа России», аналитический раздел которого содержит информацию о регионах РФ, которые рассматривают в качестве экономически активного населения иногородних граждан, готовых к переезду к новому месту работы. Отсюда предмет исследования – это показатели, предложенные Федеральной службой по труду и занятости и опубликованные на сайте. К ним относятся: стоимость аренды однокомнатной квартиры, уровень цен на фиксированный набор товаров, средняя заработка, уровень безработицы, темп экономического роста, доступность детских садов, удельный вес трудоустроенных инвалидов и лиц с ОВЗ, численность населения и площадь территории. В табл. 1 показаны значения этих показателей в разрезе соответствующих регионов. Из табл. 1 видно, что только 20 регионов (22,5 % от общего числа) заинтересованы в содействии трудоустройству кандидатов с других субъектов РФ.

Для проведения кластеризации регионов некоторые показатели, представленные в табл. 1, были укрупнены и приведены к сопоставимому виду, т. е. нормированы [1; 6; 8]. Так, индикатор «сбережения населения» заменил показатели: средняя заработка, уровень цен на фиксированный набор товаров, стоимость аренды однокомнатной квартиры. Введённый показатель – это разность между средней заработной платой и стоимостью аренды квартиры и продуктового набора. Качественный показатель «доступность детских садов» был переведён в количественный параметр посредством балльной системы (высокий уровень доступности – 3 балла, средний – 2 балла и низкий – 1 балл). Показатель «плотность населения» представляет собой отношение численности населения субъекта РФ к его площади. Далее полученное значение плотности населения в разрезе территорий было преобразовано в баллы, исходя из условия:

$$\text{ЕСЛИ} \left(\Pi_n < 1; 0; \text{ЕСЛИ} \left(\Pi_n < 10; 3; \text{ЕСЛИ} \left(\Pi_n < 25; 2; 1 \right) \right) \right),$$

где Π_n – плотность населения, чел./ км^2 .

Шкала балльной системы оценки плотности населения принята исходя из интерактивной карты распределения плотности населения по регионам РФ, действующей в настоящее время.

Кластеризация регионов, оказывающих поддержку соискателям при переезде, проводилась в аналитической платформе Deductor с помощью метода К-средних [4; 10; 11; 12; 14; 15]. Полученные результаты исследования – таблица и профили кластеров – показаны на рис. 1 и 2.

Учёные записки

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

№ VIII (72)
2023

Таблица 1

Показатели для оценки привлекательности регионов [17]

Регион	Стоимость аренды однокомнатной квартиры, р. / мес.	Уровень цен на фиксированный набор товаров, р. / мес.	Средняя заработка, тыс. р. / мес.	Уровень безработицы, %	Темп экономического роста, %	Доступность детских садов, балл	Удельный вес трудоустроенных инвалидов и лиц с ОВЗ, %	Численность населения, тыс. чел.	Площадь, тыс. км ²
Калужская область	15 160,47	20 849,81	53,91	3	7,5	2	30,0	1070,3	29,8
Тамбовская область	11 323,71	18 866,29	39,35	3	0,3	3	32,9	966,3	34,5
Еврейская автономная область	20 221,30	24 003,88	56,96	4	4,3	3	24,0	156,5	36,3
Ульяновская область	12 546,85	19 582,8	41,52	4	3,2	2	32,9	1265,1	37,2
Псковская область	9274,78	19 534,00	38,97	3	1,6	3	21,5	613,4	55,3
Курганская область	12 136,18	18 751,99	41,79	5	1,1	3	39,7	854,1	71,5
Нижегородская область	14 929,18	20 239,26	48,37	2	6,0	3	30,0	3270,2	76,6
Сахалинская область	29 283,80	25 086,32	102,68	3	-2,5	3	29,0	487,3	87,1
Приморский край	20 990,42	23 552,17	63,59	3	7,2	3	27,0	1933,3	164,7
Республика Бурятия	20 348,09	20 221,98	53,50	7	4,5	2	23,0	971,8	351,3
Амурская область	25 681,38	21 792,88	65,86	3	7,5	2	25,0	809,9	361,9
Республика Коми	17 532,33	22 655,26	68,79	6	2,2	3	39,0	813,6	416,8
Забайкальский край	21 250,35	20 842,63	59,41	7	5,4	2	26,0	1053,5	431,9
Магаданская область	28 982,75	28 694,21	121,46	4	6,1	3	32,9	146,4	462,5
Камчатский край	29 495,47	31 814,79	103,54	2	7,5	3	30,0	318,3	464,3
Архангельская область	16 015,77	23 132,51	64,42	6	3,9	3	30,0	1136,5	589,9
Чукотский автономный округ	32 403,70	34 973,82	140,60	3	6,1	3	32,9	49,5	721,5
Хабаровский край	23 102,63	24 193,52	65,90	2	4,1	3	29,0	1338,3	787,6
Красноярский край	18 423,93	21 327,96	71,73	2	-0,2	2	29,0	2852,8	2366,8
Республика Саха (Якутия)	25 659,48	26 623,40	96,73	6	16	3	34,0	956,9	3083,5

Регион	Сбережения населения, %	Удельный вес трудоустроенных инвалидов и лиц с ОВЗ, %	Уровень безработицы, %	Темп экономического роста, %	Доступность детских садов, балл	Плотность населения, балл	Номер кластера	Расстояние до центра кластера
Псковская область	26,07	21,5	3	1,6	3	2	0	0,32
Нижегородская область	27,29	30,0	2	6,0	3	1	0	0,48
Хабаровский край	28,23	29,0	2	4,1	3	3	0	0,35
Еврейская автономная область	22,35	24,0	4	4,3	3	3	0	0,41
Приморский край	29,95	27,0	3	7,2	3	2	0	0,19
Республика Бурятия	24,16	23,0	7	4,5	2	3	1	0,12
Забайкальский край	29,15	26,0	7	5,4	2	3	1	0,12
Ульяновская область	22,62	32,9	4	3,2	2	1	2	0,00
Чукотский автономный округ	52,08	32,9	3	6,1	3	0	3	0,13
Магаданская область	52,51	32,9	4	6,1	3	0	3	0,25
Камчатский край	40,79	30,0	2	7,5	3	0	3	0,34
Тамбовская область	23,27	32,9	3	0,3	3	1	4	0,58
Республика Коми	41,58	39,0	6	2,2	3	3	4	0,58
Курганская область	26,09	39,7	5	1,1	3	2	4	0,21
Архангельская область	39,23	30,0	6	3,9	3	3	5	0,37
Сахалинская область	47,05	29,0	3	-2,5	3	3	5	0,37
Калужская область	33,20	30,0	3	7,5	2	1	6	0,00
Республика Саха (Якутия)	45,95	34,0	6	16,0	3	0	7	0,00
Красноярский край	44,58	29,0	2	-0,2	2	3	8	0,38
Амурская область	27,92	25,0	3	7,5	2	3	8	0,38

Рис. 1. Таблица кластеров регионов

Из рис. 1 и 2 видно, что двадцать регионов сосредоточены в девяти кластерах:

– 0-й кластер: Псковская область, Нижегородская область, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Приморский край;

- 1-й кластер: Республика Бурятия, Забайкальский край;
- 2-й кластер: Ульяновская область;
- 3-й кластер: Чукотский автономный округ, Магаданская область, Камчатский край;
- 4-й кластер: Тамбовская область, Республика Коми, Курганская область;
- 5-й кластер: Архангельская область, Сахалинская область;
- 6-й кластер: Калужская область;
- 7-й кластер: Республика Саха (Якутия);
- 8-й кластер: Красноярский край, Амурская область.

Рис. 2. Профили кластеров регионов

Профили кластеров на рис. 2 демонстрируют наиболее значимые признаки, формирующие их состав:

- 0-й кластер: сбережения, уровень безработицы, доступность детских садов, удельный вес трудоустроенных инвалидов и лиц с ОВЗ;
- 1-й кластер: уровень безработицы, доступность детских садов, удельный вес трудоустроенных инвалидов и лиц с ОВЗ, плотность населения;
- 2-й кластер: сбережения, доступность детских садов;
- 3-й кластер: сбережения, доступность детских садов, плотность населения;
- 4-й кластер: темп экономического роста, доступность детских садов, удельный вес трудоустроенных инвалидов и лиц с ОВЗ;
- 5-й кластер: сбережения, темп экономического роста, плотность населения;
- 6-й кластер: доступность детских садов;
- 7-й кластер: сбережения, уровень безработицы, темп экономического роста, плотность населения;
- 8-й кластер: уровень безработицы, доступность детских садов, плотность населения.

В большинстве кластеров (70-85 % от общего числа) основополагающими параметрами их классификации являются сбережения населения и доступность детских садов.

Исходя из проведённого анализа, можно заключить, что соискателям при намерении трудоустройства в других регионах необходимо в первую очередь рассматривать вакансии в тех субъектах РФ, которые оказывают поддержку и помочь кандидатам при переезде. Кроме этого, следует соотносить важность социально-экономических факторов, определяющих привлекательность территорий, с требованиями самих кандидатов, предъявляемыми к работодателю и инфраструктуре региона [2; 3; 13]. В этом случае данные о составе и структуре кластеров являются важным и актуальным инструментом принятия решений со стороны всех участников рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деркаченко, О. В. Кластеризация регионов России по качеству жизни населения и уровню цифровой экономики / О. В. Деркаченко // Вопросы региональной экономики. – 2020. – № 2 (43). – С. 59-65.
2. Кизиль, Е. В. Анализ тенденций инновационного развития регионов / Е. В. Кизиль // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II (50). – С. 93-97.
3. Кизиль, Е. В. Оценка инновационной составляющей потенциала развития региона / Е. В. Кизиль // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 277-290.
4. Ларченко, Ю. Г. Кластеризация как метод группировки и анализа многомерных объектов в промышленности / Ю. Г. Ларченко, В. П. Котляров // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № II (66). – С. 88-95.
5. Ларченко, Ю. Г. Оценка кадрового потенциала предприятий Хабаровского края / Ю. Г. Ларченко // Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Комсомольск-на-Амуре, 25-26 ноября 2021 года. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2021. – С. 9-11.
6. Орлов, Д. А. Кластеризация региональных рынков труда с учётом оценок NAIRU / Д. А. Орлов, Е. А. Постников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2021. – Т. 15. – № 3. – С. 34-44.
7. Усанов, И. Г. Трансформационный менеджмент: формы преобразования бизнеса / И. Г. Усанов, Г. И. Усанов // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № VI (62). – С. 124-130.
8. Чистик, О. Ф. Процессы занятости и рынка труда в России / О. Ф. Чистик // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2021. – № 2 (196). – С. 67-72.
9. Яшкова, Е. В. Технологии интернет-поиска как средство трудоустройства студентов-выпускников на рынке труда / Е. В. Яшкова, Л. В. Лаврентьева, А. К. Г. Ака // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 66-1. – С. 299-302.

10. Alexandru, V. A., Bolisani, E., Andrei A. G., Cegarra-Navarro, J. G., Martínez, A. M., Paiola, M., Scarso, E., Vatamanescu, E.-M., Zieba, M. Knowledge management approaches of small and medium-sized firms: a cluster analysis. *Kybernetes*, 2020, no. 49, P. 73–87. DOI: 10.1108/K-03-2019-0211.
11. Burdakova, G., Byankin, A. The Research of Cluster Initiatives of a Higher Education Institution in a Priority Development Area. Proceedings of the international scientific conference far east con (2018) (ISCFEC 2018), 2018, (Atlantis Press, 2019), vol. 47, P. 367–370. DOI: 10.2991/iscfec-18.2019.94.
12. Filipova, A. G., Inzartsev, A. V., Vysockaya, A. V. Educational inequality in Russian regions: Mathematical modeling. Current Problems and Ways of Industry Development: Equipment and Technologies. Lecture Notes in Networks and Systems, Springer, Cham, 2021, 200 p., P. 948–958. DOI: 10.1007/978-3-030-69421-0_105.
13. Kliestik, T., Valaskova, K., Lazarou, G., Kovacova, M., Vrbka, J. Remaining Financially Healthy and Competitive: The Role of Financial Predictors. *Journal of Competitiveness*, 2020, no. 12, P. 74–92. DOI: 10.7441/joc.2020.01.05.
14. Radeva, I. Multicriteria Fuzzy Sets Application in Economic Clustering Problems. *Cybernetics and information technologies*, 2017, no. 17, pp. 1311–9702. DOI: 10.1515/cait-2017-0028.
15. Zharkova, E. P., Grigoryev, Y. Y., Grigoryeva, A. L. Application of neural networks for water area analysis. *Marine Intellectual Technologies*. Issue 2, 2021, no. 2, P. 129-133. Part 2. DOI: 10.37220/MIT.2021.52.2.063.
16. hh.ru: HeadHunter: сайт по поиску работы и сотрудников. – Москва, 2023. – URL: <https://hh.ru/?hhtmFrom=article&customDomain=1> (дата обращения: 10.11.2023). – Текст: электронный.
17. trudvsem.ru: Работа в России: сайт. – Москва, 2023. – URL: <https://trudvsem.ru/> (дата обращения: 10.11.2023). – Текст: электронный.

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ КНАГТУ:
НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ 2023

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Костюрина Н. Ю., Короленко В. В.

СУБКУЛЬТУРА БАРБЕРОВ

Ли Цзин

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В КИТАЕ (К 80-ЛЕТИЮ ПУБЛИКАЦИИ КНИГИ КЛИФФОРДА Х. ПЛОППЕРА «ИСТОРИЯ ВОСТОЧНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ»)

Мусалитина Е. А.

ПОВЫШЕНИЕ АКЦЕПТАЦИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В УСЛОВИЯХ ЭСКАЛАЦИИ КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ

Радь Э. А.

АВТОРЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Скоринов С. Н.

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕКТОРА ХАБАРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО

ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ В. Я. СУРТАЕВА ПО РАЗВИТИЮ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1981 – 1986 ГОДАХ

Сюй Цидун

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН ДОСТИЖЕНИЯМИ В ОБЛАСТИ

КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА СЮЙ МИНХУА)

Наливайко Т. Е.

КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА: К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

Смирнова И. И.

ХОРРОР КАК ЖАНР И ДИСКУРС. АРХЕТИПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ХОРРОРА НА МАТЕРИАЛЕ

РУССКОЙ КОЛЫБЕЛЬНОЙ

Тимофеева И. Ю.

ЯПОНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕКАДАНС: ПАРАДОКСЫ ЭСТЕТИКИ

Шушарина Г. А., Шушарин Н. С.

ПОДКАСТ КАК СОВРЕМЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР

Усанов Г. И., Финогеев М. А.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БИЗНЕСА

Гиль О. Л., Подворная А. В.

АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ТРАВМЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Маркова А. В., Прокофьева В. Ю., Байкова И. А.

КУЛЬТУРНЫЙ ТЕКСТ В РЕЧЕВОМ РАЗВИТИИ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ ТВОРЧЕСКОГО ВУЗА:

АУДИТОРНАЯ РАБОТА С ПИСЬМОМ Н. В. ГОГОЛЯ

Мусалитина Е. А.

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА

УРБАНИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Полежаев Д. В.

«МАТРИЦА ИДЕНТИЧНОСТИ» КАК МОДЕЛЬ ИЗМЕРЕНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ (СЕГМЕНТ «НАУКА. ТЕХНИКА. ТЕХНОЛОГИИ»)

Шушарина Г. А.

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ишутина Ю. А.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПЦИИ «КИТАЙСКАЯ МЕЧТА»

Канчуга А. Д., Галкина Е. Г.

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ

И РАЗВИТИЕ СРЕДОВЫХ РЕШЕНИЙ В ЭКСТЕРЬЕРЕ И ИНТЕРЬЕРЕ

Малышева Н. В., Бурин О. В.

ТЕЛЕСЕРИАЛ КАК МАРКЕР СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Малышева Н. В., Позднякова Ю. Р.

НЕКРОЛОГ КАК ЖАНР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Мусалитина Е. А.

ФЕНОМЕН КОМПЛИМЕНТА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ И КИТАЯ

Назаров М. А., Прокофьева В. Ю.

ЭСКАПИЗМ КАК ОБЪЕКТ КИНЕМАТОГРАФА: ПОПЫТКА ТИПОЛОГИИ

Пестушко Ю. С., Нестерова В. О., Савелова Е. В.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

КАК ЧАСТЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: ТИПОЛОГИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Пустовит Н. Е., Мусалитина Е. А.

ОБРАЗ НАУКИ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЁЖИ РОССИИ И КИТАЯ: КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Чжан Мяо, Жалсанова Б. М.

МОЛОДЁЖНАЯ МОДА В КИТАЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В XXI ВЕКЕ

(НА ПРИМЕРЕ СУБКУЛЬТУРЫ «Y2K»)

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ

Васильченко А. В.

КОНЦЕПТ, ЗНАЧЕНИЕ И ОБРАЗ ГЛАГОЛОВ ЛЕТЕТЬ-ЛЕТАТЬ

Васильева А. А.

МЕМ «КАРЕН» В КУЛЬТУРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

Кортун Е. А.

«СЛОВО ГОДА» КАК ОРГАНИЗУЮЩАЯ ИДЕЯ ДЛЯ ПОДБОРА ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Шибико О. С., Зимин Е. А.

О ПОНЯТИИ ПОЛИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Непочатова В. М.

ПЕРЕВОД НЕОЛОГИЗМОВ: ИЗУЧЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ И СТРАТЕГИЙ

Шушарина Г. А., Скидин В. В.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТА АУДИОГИДА

Новикова В. М.

ГРЕЧЕСКИЕ И ЛАТИНСКИЕ МЕДИЦИНСКИЕ ТЕРМИНЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Гиль О. Л.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОКИ СКАЗКИ Ж.-К. ГРЮМБЕРА «САМЫЙ ДОРОГОЙ ТОВАР»

Подворная А. В.

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В КНИГЕ Ю. ЯКОВЛЕВОЙ «ДЕТИ ВОРОНА»

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Матухно Е. В., Ткач И. М.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ:

ФАКТОРЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИНЦИПЫ

Сохацкая Д. Г., Васильева Е. А.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ ДИЗАЙНЕРОВ И АРХИТЕКТОРОВ В РУЧНОЙ ПОДАЧЕ ПРОЕКТОВ ПЕРВЫХ ЛЕТ ОБУЧЕНИЯ

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

ИСТОРИЯ

Петрунина Ж. В.

ИНТЕГРАЦИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ДВА ПОДХОДА К ОДНОМУ ВОПРОСУ

Чащина С. И.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Кузьмин А. Ю.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГЕРМАНСКОГО АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.

ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Платонова Н. М.

«НАСТРОЕНИЕ РАБОЧИХ НЕРВНОЕ...»: СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – КОНЕЦ 1920-Х ГГ.)

Аксенов А. А.

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПРОЕКТЕ ГЕРБА ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ 1877 ГОДА

Петрунина Ж. В.

РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В УКРЕПЛЕНИИ КИТАЙСКО-САУДОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Абабкова Н. Н.

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ДЕЛА НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРАМАТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА)

Верхоломов С. А.

СУДЬБА ЛИБЕРАЛИЗМА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Ярославцева Т. А., Крадожен-Мазурова Е. М.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ТЕРРИТОРИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР С ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТЬЮ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ЭКОНОМИКА

Азимов П. Х.

ФАКТОРЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ

Ларченко Ю. Г., Котляров В. П.

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ КАК МЕТОД ГРУППИРОВКИ И АНАЛИЗА МНОГОМЕРНЫХ ОБЪЕКТОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ларченко Ю. Г.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Усанов И. Г., Усанов Г. И.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Яковлева Т. А., Зазубрина Л. В.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМ ОЦЕНКИ И МОНИТОРИНГА ЭФФЕКТИВНОСТИ

ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Азимов П. Х.

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ОТРАСЛИ

Мохина М. В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО ИМИДЖА БИЗНЕСА

В ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛЕ

Усанов Г. И., Усанов И. Г., Панарина М. С.

МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОЙ СТРАТЕГИИ БИЗНЕСА

Коротеева Л. И., Шилова А. А.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ КАДАСТРОВОЙ ОЦЕНКИ НЕДВИЖИМОСТИ

Коротеева Л. И., Шилова А. А.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ВЫЯВЛЕННЫХ ЦЕНООБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ НА КАДАСТРОВУЮ

СТОИМОСТЬ НЕДВИЖИМОСТИ ПРИ ЕЁ ОЦЕНКЕ

Яковлева Т. А., Кузнецова И. Н.

АНАЛИЗ ДВИЖЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ОРГАНИЗАЦИИ

Кизиль Е. В., Радченко Н. Б.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ РИСКОВ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Ларченко Ю. Г.

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ НА РЫНКЕ ТРУДА ПО УРОВНЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

ДЛЯ ИНОГОРОДНИХ СОИСКАТЕЛЕЙ

Содержание

Научное издание

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 4

Ишутина Ю. А.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПЦИИ «КИТАЙСКАЯ МЕЧТА» 10

Канчуга А. Д., Галкина Е. Г.

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОСОБЕННОСТИ

АРХИТЕКТУРЫ И РАЗВИТИЕ СРЕДОВЫХ РЕШЕНИЙ

В ЭКСТЕРЬЕРЕ И ИНТЕРЬЕРЕ 19

Малышева Н. В., Бурин О. В.

ТЕЛЕСЕРИАЛ КАК МАРКЕР СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ 26

Малышева Н. В., Позднякова Ю. Р.

НЕКРОЛОГ КАК ЖАНР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА 32

Мусалитина Е. А.

ФЕНОМЕН КОМПЛИМЕНТА В СОВРЕМЕННОЙ

КУЛЬТУРЕ РОССИИ И КИТАЯ 37

Назаров М. А., Прокофьева В. Ю.

ЭСКАПИЗМ КАК ОБЪЕКТ КИНЕМАТОГРАФА:

ПОПЫТКА ТИПОЛОГИИ 42

Пестушко Ю. С., Нестерова В. О., Савелова Е. В.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ

ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА КАК ЧАСТЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА:

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

НА РУССКИЙ ЯЗЫК 48

Пустовит Н. Е., Мусалитина Е. А.

ОБРАЗ НАУКИ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЁЖИ РОССИИ И КИТАЯ:

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 56

Чжан Мяо, Жалсанова Б. М.

МОЛОДЁЖНАЯ МОДА В КИТАЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В XXI ВЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ СУБКУЛЬТУРЫ «Y2K») 63

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ

Новикова В. М.

ГРЕЧЕСКИЕ И ЛАТИНСКИЕ МЕДИЦИНСКИЕ ТЕРМИНЫ

В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 70

Гиль О. Л.

Фольклорные и литературные истоки сказки

Ж.-К. Грюмбера «Самый дорогой товар» 75

Подворная А. В.

Образ времени в книге Ю. Яковлевой «Дети ворона» 80

ИСТОРИЯ

Абабкова Н. Н.

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ДЕЛА

НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ

ДРАМАТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА) 84

Верхоломов С. А.

СУДЬБА ЛИБЕРАЛИЗМА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР 89

Ярославцева Т. А., Крадожен-Мазурова Е. М.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ТЕРРИТОРИИ

ХАБАРОВСКОГО КРАЯ. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР

С ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТЬЮ:

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 94

ЭКОНОМИКА

Кизиль Е. В., Радченко Н. Б.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ РИСКОВ МУНИЦИПАЛЬНОГО

ОБРАЗОВАНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ 102

Ларченко Ю. Г.

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ НА РЫНКЕ ТРУДА ПО УРОВНЮ

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХ СОИСКАТЕЛЕЙ 108

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ КНАГТУ:

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ 2023 114

Учёные записки КнАГТУ
2023 № VIII (72)
Науки о человеке,
обществе и культуре

Выпускающий редактор
Г. А. Шушарина

Подписано в печать 25.12.2023

Дата выхода в свет 29.12.2023

Формат А4.
Бумага офисная 80 г/м².
Усл. печ. л. 13,63.
Уч.-изд. л. 17,18.
Тираж 200. Заказ 31008

Отпечатано в типографии
КнАГУ
681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27.

